Allan Williams/William Marshall

THE MAN WHO GAVE THE BEATLES AWAY

The amazing true story of the Beatles' early years

SHOUT
SHARE
IT

- Алан Уильямс, Уильям Маршалл
  - Предисловие
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая
  - Глава двадцать вторая
  - Глава двадцать третья
  - Глава двадцать четвертая
  - Глава двадцать пятая
  - Заключение
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Алан Уильямс, Уильям Маршалл
Человек, который бросил Битлз

Тому, кто хочет узнать, чего стоило стать «знаменитым Битлом», советую прочесть книгу Алана Уильямса. Это ЕДИНСТВЕННАЯ КНИГА, написанная непосредственным свидетелем. Конечно, память у всех разная, и не все описанные там события я помню, многих людей уже забыл… но эта книга воскресила в памяти очень важный кусок моей жизни. Она доставила мне немало веселых минут.

Джон Леннон

Стюарту и Рори, которым не повезло. А многим ли повезло?

Предисловие
Пот и скрежет зубовный

В 1959 году на грязных старинных улицах Ливерпуля — города, милого моему сердцу — начинал бушевать шторм, который должен был изменить судьбу тысяч и образ жизни миллионов. Его окрестили «ливерпульским звуком».

Биг-бит конца 50-х годов лишь слабым эхом отдавался в каньонах сурового древнего города, расположенного на берегах большой и мутной реки Мерси. Мало кто мог сказать вам, кто такие БИТЛЗ. Тогда поп-идеалами были люди, вроде Чабби Чекера, Бо Диддли, Томми Стила, Билли Фьюри и Билла Хейли с его «Кометами». Звуки Френки Лейна, пощелкивающего своим студийным бичом под мелодию «Вереницы мулов», все еще раздавался по всему западу, а Билли Дэниэлс продолжал загребать большие деньги за то, что засовывал палец в ухо и уродовал песню под названием «Эта старая черная магия».

В этот краткий, но беспокойный период меня захлестнули первые волны растущего шторма битломании.

Я был первым менеджером БИТЛЗ. У меня до сих пор сохранились их контракты — потрепанные клочки бумаги, опаленные огнем пожара. Они относятся к тому времени, когда БИТЛЗ можно было нанять за 10 фунтов на вечер, причем они приехали бы на своем транспорте и еще сказали бы большое спасибо. А теперь они могут позволить себе (и действительно так делают) отвергать предложения выступать в Штатах за многие миллионы долларов.

Я бросил БИТЛЗ, когда они стояли на пороге самой грандиозной карьеры, которую знает история шоу-бизнеса. И если вы думаете, что из-за этого я страдаю страшной бессонницей, то вы недалеки от истины — потому что я в самом деле частенько просыпаюсь среди ночи, таращу глаза на стену и чувствую, как у меня скрежещут зубы. Пот выступает у меня на лбу, когда я думаю о том, что упустил этих ребят, а с ними миллионы фунтов.

Меня утешает лишь то, что я был не единственным простаком, не сумевшим предвидеть будущее. В те ранние дни многим шоу-бизнесменам предлагали заключить с БИТЛЗ контракт, но все они вежливо отказывались. Так что я нахожусь в хорошей, хоть и не богатой компании. Я не единственный, кто по ночам ходит по комнате из угла в угол и ломает голову: «Где, где я ошибся? Почему все эти миллионы не мои?»

Никто не застрахован от ошибок. Шекспир был глубоко прав,

когда говорил, что за всю жизнь нам представляется всего один большой шанс, и если мы его упускаем, тогда все кончено: остается до конца дней проклинать свою судьбу.

Впрочем, какого черта? Пока что мне не так уж плохо. Может быть, я сейчас слишком много пью и обижаю хороших людей — или плохих (это смотря как посмотреть). Но время идет вперед, и я не теряю надежды: даст бог, мне еще доведется когда-нибудь откусить большой кусок яблока. Хотя в моем случае, яблоко уже никогда не будет таким крупным.

Алан Уильямс

Глава первая
Взгляд усталый, но терпеливый

Я и сейчас живу в Ливерпуле, своем родном городе. По-моему, такого города больше нигде нет, хотя я не принадлежу к числу сверхпатриотов Ливерпуля, готовых запихать свой родной город вам в глотку, как это делают ирландцы, которых изображают в театре.

Ливерпуль — чрезвычайно живой город, со своим неповторимым лицом, характером и культурой. Он находится в графстве Ланкашир, на расстоянии одного часа пути от Манчестера по главной восточно-ланкаширской дороге. Но, благодаря своей репутации города остроумных, душевных и буйных людей, его никто не считает частью ланкаширского графства, да и сами жители не считают себя ланкаширцами. Они — ливерпульцы. Скаузеры, уэкеры, ливерпудлианцы. И все, до единого человека, страшно этим гордятся.

Главная улица города, Лайм-стрит, известна всему миру, благодаря бессмертным строчкам не очень пристойной, разбитной песни «Мэгги Мэй», которую матросы разнесли по всему свету:

> Прощай, грязная Мэгги!
> Больше тебе не гулять по Лайм-стрит.
> Ты больше не ограбишь ни одного матроса.
> И не пропустишь через себя целую роту.

Еще совсем недавно, всего несколько лет назад, по Лайм-стрит бродили сотни таких, как Мэгги Мэй. Нельзя было пройти от старого отеля «Адельфи» до отеля «Вашингтон», без того чтобы к вам не пристала какая-нибудь из этих жриц любви. А если вам случалось свернуть с главной улицы в любой переулок, то вы обязательно натыкались на одну-две пары стоя совокупляющихся людей: жрицы любви угощали своих клиентов: это называлось «дрожащие коленки».

Широкое распространение венерических болезней встревожило отцов города. К тому же, они устали от вечных жалоб гостей Ливерпуля. Началась кампания по очистке улиц от проституток, и в результате Лайм-стрит потеряла свое лицо. Сейчас от нее осталась одна тень. В известном смысле то же самое можно сказать и про весь город. С ним произошло то же

самое, что со многими другими крупными городами: центр был перестроен и совершенно изменил свое лицо. Но в Ливерпуле мне хорошо. Когда я бываю в других местах, мне становится не по себе, и я стремлюсь поскорее вернуться, даже если уехал всего день назад.

В городе все меня знают, особенно в барах, клубах и пабах. Если я вдруг перепью — а это со мной бывает не так уж редко — всегда найдутся друзья, которые обо мне позаботятся. Даже полицейские — из тех, кто получше — смотрят на меня с таких случаях добрым и терпеливым взглядом. Немного усталым взглядом. Но терпеливым.

Глава вторая
Мешки с мукой и рок-н-ролл на старинном органе

Я не собираюсь рассказывать вам историю неудачника, который мог бы, если бы, если бы только… Нет ничего более скучного, чем эти «если бы да кабы».

Если бы. Какие ужасно противные слова! Когда кто-нибудь, вступая со мной в разговор по телефону, начинает со слов «если бы», я испытываю страшное искушение бросить трубку.

Начну свою в общем-то веселую историю с самого начала.

Я не получил хорошего образования и часто об этом жалел. Слесарно-водопроводное дело всегда считалось надежной работой, и вот этим-то я и занялся. Но у меня были честолюбивые замыслы, и вскоре я забросил это дело. Сначала я стал торговцем и ходил по домам, продавая книги, а потом перешел в агентство по рекламе холодильников и электрических пишущих машинок. Я человек напористый и, если захочу, могу быть откровенно наглым. Это мне здорово помогало, и я недурно зарабатывал… Хочешь жить — умей вертеться. Этому правилу я следовал всю жизнь…

Жил я привольно и весело, и как и все в мои годы, был абсолютно уверен в том, что очень скоро должно случиться нечто грандиозное, такое, что сделает мою жизнь еще веселее.

В те годы я часто бывал в богемном районе Ливерпуля — «Ливерпуль-8» — где когда-то жили богатые торговцы хлопком, судовладельцы и работорговцы, и начал подумывать об эмиграции на Дальний Восток. Почему именно туда — не знаю. Тогда это казалось мне заманчивой идеей. Но вместо этого я услышал, что один старый часовщик со Слейтер-стрит обанкротился и помещение его мастерской сдается в аренду. Я занял денег у родственников, собрав около ста фунтов. С этим небольшим капиталом и с помощью друзей я превратил часовую мастерскую в кафе, которое назвал «Джакарандой», а клиенты потом сократили название и стали именовать кафе просто «Джек». Художники, музыканты, сводники и всякие бездельники быстро перебрались туда, сделав «Джек» своим штабом. Нашим фирменным блюдом были бутерброды с ветчиной.

В Ливерпуле было полно безработных: многие молодые люди заканчивали школу и сразу попадали в очередь за пособием. Получив пособие, они проматывали его в «Джеке», не спеша

включаться в «крысиную гонку».

Подвальный этаж я превратил в крохотный танцевальных зал, но каким образом люди там танцевали, остается для меня загадкой, потому что пол там был выложен грубо обтесанным кирпичом, и не то что танцевать, а просто ходить по нему было ужасной мукой. Я нанял вест-индский стил-бэнд (в то время такие ансамбли были еще в диковинку), и наше заведение стало похоже на калькуттскую «Черную дыру», оснащенную музыкой. Но людям все это нравилось. Они каждый вечер забивали кафе до отказа. Парочки играли в любовные игры, танцевали и пили принесенное с собой спиртное, разбавляя его кока-колой. Я не сразу понял, что происходит. Мы продавали только безалкогольные напитки, но когда я увидел, как ребята, шатаясь, покидают мое заведение, я догадался, что одной кока-колой тут не обошлось.

На первом этаже, вдоль стен и у столиков, стояли скамьи. Здесь посетители сидели и пили свой кофе, заедая его бутербродами или тостами. Везде царила дружеская атмосфера, все знали друг друга — хотя бы визуально. Закрывались мы, когда последний полуночник начинал клевать носом над своим кофе или кока-колой. Когда я задергивал шторы, над городом обычно уже занималась заря.

Здесь, в «Джеке», в конце 50-х я впервые увидел Джона Леннона, Пола МакКартни, Джорджа Харрисона и Стюарта Сатклиффа. Стюарт был «пятым битлом»; он умер, не дожив до 22-х лет.

Джон Леннон был центральной фигурой в компании бездельников и мечтателей — авангарда хипического движения, — которые жили в маленьких комнатках на Перси-стрит и Гамбиер-Террас. Там не было мебели, потому что в холодную погоду их обитатели жгли столы и стулья прямо в центре комнаты (это было любимым развлечением Модильяни и, я думаю, ребята ловили могучий кайф, приобщаясь таким образом к богемному миру). Комнаты были завалены всяким хламом — коробками из-под чая, дорожными знаками, светофорами, старым тряпьем и бог знает чем еще. Где-то они раздобыли даже гроб, и Джон спал в нем, удобно устроившись на мягкой шелковой обивке. В те дни юмор Джона был довольно мрачным.

Разумеется, в Ливерпуле было много разных странных типов, и Битлы были далеко не единственными «чудаками». Мне, например, нравился Артур Дули — знаменитый скульптор, жилище которого было еще чуднее, чем джоновское. Поскольку он работал (и работает) с металлом, на его стенах вместо обычных картин висели мотки колючей проволоки. По его

комнате было трудно передвигаться: вы повсюду натыкались на полузаконченные «объекты» и груды металла.

Комната, которую снимал Артур, находилась совсем рядом с «Джеком», и очень часто, закрыв свое заведение на ночь, я с друзьями шел к Артуру. Мы его как следует встряхивали (он был, как всегда, пьян) и до утра пили с ним пиво.

Битлы постоянно бывали в «Джеке». Они считали большой честью сидеть рядом с такими знаменитыми ливерпульскими группами, как Рори Сторм (Шторм) и Харрикейнз (Ураганы) или Дэрри Уилки и Сеньоры. Джон, Пол, Джордж и Стюарт объединились в группу и, поскольку Джон со Стюартом учились в городском Художественном Колледже, им удалось выбить себе ангажемент играть там на танцах за несколько шиллингов на брата. Играли они страшно плохо, чему немало способствовал Стюарт, который на своем басу не мог сыграть ни одной правильной ноты. Он был ужасно беспомощен и никогда не считал себя музыкантом. Остальные его «прикрывали».

Я считал Битлов обыкновенными бездельниками. И не один я. Конечно, они чем-то отличались от других и производили какое-то необычное впечатление, трудно определимое словами. И все-таки я считал их бездельниками, принадлежащими к миру богемы. Во мне, наверное, есть что-то такое, что привлекает ко мне потерянных людей, а Битлы казались мне как раз такими. Днем в «Джеке» было неуютно и грязно, почти как в зале ожидания на вокзале. Люди сидели часами, глядя в окно и лишь изредка обмениваясь кивками или одним-двумя словами, произносимыми почти шепотом. Изредка кто-нибудь вскакивал, увидя через окно своего друга, и выбегал выпросить у него на бутерброд или кока-колу. И только вечером, когда приходили музыканты из Вест-Индии, наше заведение приходило в себя и начинало «вибрировать».

В 1959 году все газеты писали про художественные вечера в Челси, и я решил устроить что-нибудь вроде этого у нас в городе. Я снял «Сент-Джорджз Холл» («Зал Св. Георгия») в центре города и попросил Стюарта Сатклиффа и Джона Леннона сделать несколько декораций, которые, согласно старой традиции, должны быть в полночь разбиты на куски. Джорджа и Пола я тоже привлек к этому делу. Я обещал им всем бесплатные билеты и еще по 15 фунтов каждому.

Декорации получились отличные. Они показывали, что у Битлов отличное чувство цвета и линии. (Стюарт был истинным художником. Если бы он не умер, то безусловно стал бы отличным живописцем. Однажды ему удалось выставить одну свою картину на выставке, организованной Джоном Мурсом. Этот

мультимиллионер купил ее потом для своей коллекции.) Одну из декораций я помню особенно отчетливо: она была выполнена в форме огромной гитары — символа их будущей славы. Я был уверен, что наш вечер (тогда это называлось «балом») пройдет с большим успехом. Мы продали несколько сот билетов. На черном рынке они стоили втрое дороже. Один мой приятель за пару билетов обещал целую неделю бесплатно поить меня пивом в своем баре, но я ничем не мог ему помочь: не осталось ни одного непроданного билета, а проводить людей просто так городские власти запретили — они не хотели видеть давку в милом их сердцу старинном зале… Мы решили устроить конкурс на звание «самой красивой медсестры» и сообщили об этом во все городские больницы. На роль судьи был выбран звезда театра и ТВ Брюс Форсайт. Я устроит также бал для высокопоставленных гостей: сидя на балконе, они могли сверху наблюдать за веселыми игрищами. В общем, все было предусмотрено, и я предвкушал триумф. В день «бала», задолго до того как мы распахнули двери перед счастливыми обладателями билетов, я вместе с Битлами втащил декорации по кусочку в зал: они были такие огромные, что целиком их невозможно было протащить через двери. Потом Джон, Джордж, Пол и Стюарт собрали их по частям и мы пошли дальше вглубь зала, чтобы взглянуть на то, что получилось.

«Чертовски здорово, ребята! Я думаю, вам стоит, пока не поздно, переквалифицироваться в дизайнеры.» «Я не против, Алан», — сказал Стюарт, истинный художник. «Слушай, Эл, получилось так здорово, что ты просто обязан нам подкинуть», — сказал Пол. «Нет», — сказал я. Вообще-то я не скуп. Просто я осторожен с пенсами. Это только фунты всегда убегают от меня. Я мелочен, когда речь идет о пустяках, но щедр, когда дело касается крупных сумм. У нас всех свои слабости, не так ли?

«Бал» превратился в форменный бардак. Красивый старинный зал лежал в руинах. Отцы города заявили, что художественных балов больше не будет — только не в зале св. Георгия, благодарим покорно. В барах шла бойкая торговля. Подвыпившие гости, шатаясь, бродили по залу. Многие валялись по углам. Когда пришло время разнести все декорации по традиции, народ совсем обезумел: крушили все подряд. Я видел, как Битлы прыгали вокруг, веселясь от души. Они пришли в костюмах Пьеро, а их подружки были в юбках из травы, как туземки южных морей.

Позже я зашел в бар и увидел там Пола. За пивом я спросил, нравится ли ему вечер.

«Мне — да, а Стюарту, кажется, нет. Он расстроен.» «Чем же?

Что случилось с добрым старым Стю?» «Это из-за декораций. Ему не понравились все эти дела.» «Какие дела?» «Ну, то, что их разбили. Как все, точно безумные, бросились на них и разнесли на куски.» «Да, но такова традиция. В этом вся суть, весь символический смысл художественных балов.» «Я знаю. И ты знаешь. А Стюарту все это не понравилось. Он очень расстроился», — сказал Пол и снова нырнул в толпу — Битл-Пьеро с картины Пикассо. А я пошел искать Стюарта, чтобы утешить его. Но его нигде не было, и я решил выйти на улицу глотнуть свежего воздуха до начала центрального события — избрания королевы медсестер.

В тот поздний вечер над городом стояла полная луна. Со стороны реки на меня пахнуло запахом ила и грязи. Мимо прошла толпа норвежских моряков. Они пили «из горла» и орали песни. У здания ливерпульского пресс-клуба было оживленно: беспрерывно подъезжали и отъезжали автомобили, люди сновали взад-вперед. Эти мальчики из прессы любили и умели развлекаться.

Направляясь назад, к главному входу, я вдруг заметил одинокую фигуру в костюме Пьеро, прислонившуюся к колонне. Это был Стюарт.

«Стюарт! — сказал я. — Почему ты здесь, а не веселишься со всеми?» «Да так, решил выйти ненадолго», — ответил он. «Что-нибудь случилось?»

В лунном свете я видел его худое, печальное лицо. Даже костюм Пьеро как-то печально висел на нем.

«Знаешь что, Алан? Эти декорации — мы положили на них столько сил и трудов, а эта толпа разнесла их на куски, как будто они ничего не значат. Не могу понять людей.»

Я положил руку ему на плечо. «О чем ты говоришь, Стюарт? Ты же знаешь, что так было задумано.» «Да, знаю. Проклятые звериные инстинкты. Жажда разрушать. Там, в зале, я вдруг почувствовал, что ненавижу людей. Я испытал страх перед толпой. Они были похожи на огромного, отвратительного зверя, который грызет, рвет, пожирает.»

Бедный Стюарт. Такой чувствительный, такой уязвимый. Ему оставалось жить совсем недолго.

«Мы тут ничего не можем сделать, Стюарт. Вообще-то не все люди так плохи. Просто иногда они теряют над собой контроль. Во всех нас есть эта темная черточка. Хорошие люди контролируют свои темные инстинкты. Так функционирует наше общество. Надо верить, надо верить, что хороших людей больше, Стюарт. Иначе можно свихнуться. Пошли. Не бери в голову.» Я знаю: сейчас эти слова звучат, как куча банальной чепухи, но в

тот момент они были в самый раз.

Стюарт заметно просветлел. «Наверное, ты прав, Алан. Я думаю, мне надо лучше узнать настоящих людей (real people)». В этот период своей жизни он часто повторял эту фразу. «Чего ты хочешь от жизни, Стюарт?» «Я хочу писать картины, которые показали бы миру его собственное лицо, его душу. Чтобы люди увидели себя такими, какими они есть на самом деле — счастливыми и печальными, злыми и благородными, скупыми и щедрыми. И обреченными. Обреченными изначально.»

Я видел, как слезы струятся по его лицу. Я взял его под локоть и сказал: «Перестань, Стю. Пойдем. Нельзя так переживать. Надо крепиться. Нельзя быть таким чувствительным.» Но другим он быть не мог. Он был художником по натуре и переживал вместе с людьми и за них.

Мы вернулись в зал, и я потерял его из виду. Объявили конкурс красоты. Девицы, одна другой лучше, чинно выстроились на сцене. А потом все пошло насмарку. В зале было много студентов Ливерпульского университета, а когда они объединяются в толпу, то становятся дикими, похлеще зверей в зоопарке. Они как-то протащили в зал дюжину мешков с мукой, и вскоре эти мешки стали летать по залу. Студенты стояли наверху, на галерее, и оттуда скидывали их вниз, на головы веселящихся людей. Началась паника. Люди кидались из стороны в сторону, пытаясь уклониться от этих мучных бомб. Весь пол был на дюйм покрыт мукой. В разгаре всей этой чертовщины я услышал мощные звуки органа. Пьяный студент играл рок-н-ролл на драгоценном инструменте «Зала св. Георгия». Орган был гордостью всего города, на нем играли все выдающиеся органисты мира. Я послал вышибалу стащить пьянчугу оттуда, и тут увидел еще одну подвыпившую личность, которая, схватив огнетушитель, направила его на толпу вниз. Послышались визги: первые шмотья белой пены накрыли людей. Я бросился наверх, выхватил огнетушитель из рук этого типа и побежал в ближайший туалет. Направив сопло в унитаз, я наблюдал, как он медленно покрывается горой белой пены. Очень сюрреалистично.

Я выскочил из туалета и посмотрел вниз: там все и вся было в муке. Некоторые были, кажется, довольны бомбардировкой, другие — нет. Среди первых были Битлы со своими подружками: четверо Пьеро и гавайские девушки. Они резвились, как дети.

В полночь, по нашему плану, на публику с потолка должны были опуститься разноцветные воздушные шары. Пока что они были надежно закреплены под потолком с помощью сеток от футбольных ворот. По моему сигналу специальный человек должен был в полночь обрезать веревки по двум углам сеток, и

шарики должны были мягко, плавно и нежно опуститься на головы танцующих.

Я посмотрел на часы: стрелка приближалась к двенадцати. «Ну, давай!» — крикнул я своему человеку. Тот достал огромный нож и стал мощными взмахами перерезать веревки. Стоявший рядом со мной Брюс Форсайт сказал: «Молодец, Алан. Это будет очень эффектное зрелище.» «Надеюсь, что так, Брюс.»

Веревки были перерезаны, и шары, к моему облегчению, грациозно поплыли вниз к возбужденной толпе. «Ну, слава богу, — подумал я. — Хоть это скрасил сумасшедший вечер.» «Отлично, Алан! Превосходно!» — говорил Брюс. «Господа, поглядите сюда!» — добавил он, поворачиваясь к своим высокопоставленным друзьям. «Восхитительно!» — отвечали те.

И в этот момент я заметил, что мой человек идет по галерее к другому концу зала, с тем же страшным ножом в руке. Я сразу понял, что задумал этот тип: он хотел срезать остальные веревки, чтобы огромные сетки обрушились вниз. Кого-нибудь могло поранить, меня бы посадили, обложили бы таким штрафом, какой я не в состоянии уплатить. Катастрофа! «Стой! — завопил я. — Эй ты, там, с ножом! Не делай этого, так тебя расперетак!» Но эта скотина помахала мне рукой, деловито влезла на балюстраду и спокойно перерезала одну веревку. Я опоздал. Пока я туда добежал, он успел перерезать все веревки, и сетки со свистом рухнули вниз. Десятки танцующих оказались в сетях; они барахтались в них, как гладиаторы в фильмах про римские игрища. Крики, визги, паника. Студенты, конечно, не могли упустить своего шанса: они схватили сетки и стали подкидывать людей. Человек, который устроил всю эту катавасию, между тем исчез. Я вернулся в бар, где сидели именитые гости.

Брюс Форсайт стоял там со своей всем знакомой отвисшей челюстью, которая, казалось, отвисла еще больше. Он не верил своим глазам. «Алан, дорогой, я ничего подобного не видел в своей жизни. Все это крайне удивительно. Если ты срочно не предпримешь чего-нибудь, могут быть жертвы.»

А что я мог предпринять? Маленький человек (во мне росту-то всего пять футов) против этих здоровых студентов. А все швейцары — люди пожилые. И все же я сколотил из них карательных отряд и послал в бой. Отряд из седовласых ветеранов.

Мои старички ринулись в атаку. Поначалу казалось, что им удастся восстановить порядок. Но вот один студент — наверно вожак — крикнул: «Ну-ка, ребята, кидай старичков в сети! Подбросим-ка их до небес.» И вот они хватают моих старичков (в униформах, при орденах) и кидают в футбольные сети. Затем,

скандируя «раз-два-три», подкидывают их, с орденами, фуражками, голубой саржей, седыми усами — со всеми делами — под потолок. Потом вываливают бедных стариков на пол. Это чудо, что никто их них не пострадал. Но это еще не все. Не расходитесь, друзья, самое интересное впереди. Кто-то, какая-то сволочь, пошла в подвальное помещение и открыла все водопроводные краны. Нам пришлось срочно эвакуировать людей. Всем было весело. Об этом до сих пор вспоминают в Ливерпуле.

Члены Ливерпульского Совета в ужасе вскинули брови и замахали руками: «Что? Рок-н-ролл на нашем великом органе? Мешки с мукой? Старики-швейцары, подбрасываемые до потолка? Бомбардировка из огнетушителей? Нет и нет! Никаких художественных балов! Никогда!»

Но для меня этот вечер памятен совсем другим. Когда я думаю о нем, я вспоминаю одинокую фигуру Стюарта, изливающего мне свою душу. Я вспоминаю его слова о желании общаться с «настоящими людьми». Милые сердцу добрые старые времена. Они ушли, ушли безвозвратно.

Глава третья
В ожидании рождения новой эры

Положение Джона и Стюарта в Художественном колледже было ненадежным. С ними вечно случались всякие неприятности. Правда, ничего такого серьезного — они не были злодеями, но их стипендии постоянно находились под угрозой из-за непокорного нрава и буйных выходок. Про их хиппический образ жизни писали воскресные газеты. Ходили даже слухи, будто усилители, которыми они пользуются, краденые. Но это было, конечно, неправдой. Уж кем-кем, а ворами они не были.

Художественный бал наделал в городе много шума. Битлы и некоторые другие группы, постоянно посещавшие «Джек», реагировали на это так, будто им сделали здоровую инъекцию адреналина. Как-то вечером Джордж Харрисон сказал мне: «Это было очень здорово, Эл, только вот музыка была не нашей. Ты мог бы помочь нам пробиться.»

«О'кей, Джордж, я сделаю все, что в моих силах. Но вам надо больше практиковаться, вам еще далеко до совершенства.»

«Мы будем стараться, — пообещал Джордж. — Ей-богу, мы будем стараться. А ты уж организуй все как надо.»

Именно тогда у меня родилась мысль организовать концерт бит-музыки. Чтобы поглубже окунуться в эту атмосферу, я пошел в «Ливерпуль-Эмпайр» на концерт Эдди Кокрэна и Джина Винсента.

То, что я там увидел, поразило меня: юные зрители визжали и извивались на своих местах, а девочки баловались со своими органами, когда в зале было темно. Меня захватила вся эта животная атмосфера, и я почувствовал запах денег. Больших денег.

Ларри Парнс был тогда самым крупным импресарио. Я перекупил у него все шоу, звездами которых были Винсент и Кокрэн, и снял в аренду ливерпульский стадион, где проходили соревнования по боксу. Он вмещает около шести тысяч зрителей. Это было мое первое настоящее дело, и я дрожал от возбуждения. Все приготовления шли хорошо, билеты продавались прекрасно. Я предчувствовал, что вот-вот стану в один ряд с крупнейшими деятелями шоу-бизнеса.

За несколько дней до шоу, крутя ручку приемника, я вдруг услышал, что знаменитые звезды рока, Эдди Кокрэн и Джин Винсент попали в автомобильную катастрофу: Кокрэн погиб, а Винсент получил серьезную травму. Конечно, мне было жаль этих

ребят, но первое, о чем я тогда подумал, это: «Мое шоу провалилось. Первое крупное дело и — на тебе: у меня отняли половину звезд.»

Я тут же позвонил в Лондон Ларри Парнсу. Он сказал, что все не так страшно: Джин Винсент хоть и получил травму, но будет продолжать выступать. Тем не менее Парнс посоветовал мне отменить шоу, чтобы не злить фанов, которые придут на Кокрэна и увидят, что его нет. Даже смерть не является достаточным оправданием для суровых ливерпульских юнцов.

Смерть бедняги Эдди заставила меня обратиться к ливерпульским группам, ко всем сразу. Я пригласил Джерри и Пейсмейкеров (Задающих Темп), Боба Эванса с его Пятью Пенсами, Рори Шторма с Ураганами, Дэрри Уилки с Сениорами и одну вокальную группу с карликом. Не могу вспомнить, как эта группа называлась, но прекрасно помню их номер, потому что в нужное время карлик солировал: он пел «би-боп-а-лу-боп». Когда наступал момент для соло, он вдруг отскакивал в сторону микрофона, как будто кто-то сзади внезапно воткнул ему палец в задницу.

Битлы пришли как зрители. Я считал, что им еще рано выступать в таком шоу.

Вечер прошел блестяще, с начала и до конца. Распорядители — огромные верзилы, привыкшие иметь дело с фанатами бокса — рассадили ребятишек и затем, как обычно, пошли в знаменитую боксерскую пивнушку на соседней улице. Вот тут-то и началось столпотворение. Очень скоро ребята пришли в такое возбуждение, что сами стали ломать стулья и штурмовать сцену. Когда на ринге появился Джин Винсент, возбуждение достигло апогея. Мы с Ларри Парнсом бегали вокруг ринга и отгоняли особенно ретивых фанов, пытавшихся добраться до Винсента. Мы давили им пальцы своими сапогами. Нам помогали ребята из ливерпульских групп. Они все — люди крепкие. Им удалось доставить Джина на сцену и эвакуировать его в целости и сохранности, хотя далось это нелегко. Ларри Парнс пыхтел, сопел и все время повторял: «Все! Это в первый и последний раз!»

Был момент, когда я думал, что фаны разнесут стадион в щепки. Положение спас Рори Сторм. Этот парень сильно заикался, хотя, когда он начинал петь, заикание чудесным образом пропадало. В разгар этого безумия Рори прыгнул на сцену и закричал «Р-р-ребята! — зал замер, как завороженный. — К-к-кончайте б-б-базар!» И все успокоились. Высокий светловолосый парень, Рори был великолепен на сцене и умел властвовать над толпой. Ему тоже суждено было рано умереть.

Вспоминая сейчас этот вечер, я часто думаю о Битлах,

которые были тогда среди публики. Что они чувствовали? Кричали ли они и безумствовали, как все? Предчувствовали ли они, что очень скоро подобный ажиотаж уступит место сценам в тысячу раз более неистовым на их собственных концертах?

После шоу мы все пошли в «Джек» — снять напряжение и чего-нибудь выпить. Я наконец-то нашел свое место в жизни: буду устраивать концерты, только еще более грандиозные, с участием ливерпульских групп. Эти группы магически действовали на публику. В них было что-то новое, свежее, вызывавшее мгновенную, необычную, дикую реакцию. Я уже представлял себя фигурой не менее важной, чем сам Ларри Парнс.

Парнс, этот великий шоу-мэн, разумеется, сразу оценил большой потенциал моих ливерпульских групп. Он сказал, что, возможно, привлечет кое-какие из местных ансамблей к участию в качестве бэкинг-групп (сопровождающих) в турне таких звезд, как Даффи Пауэр и Джонни Джентл. В скором времени этим двум звездам предстояло совершить турне по Шотландии. Мне было известно, что лондонские музыканты неохотно соглашаются на такие поездки; по той простой причине, что Парнс слишком мало им платит. А мои ребята жили бедно и были готовы на любые условия.

Спустя пару дней Битлы появились в «Джеке» и заказали кофе с тостами: на большее у них не было денег. Я стоял у двери, ведущей на кухню. Джон Леннон подошел ко мне с угрожающим видом и спросил со своим странным ливерпульским акцентом: «Слушай, Эл, почему ты не хочешь сделать что-нибудь для нас?» Вид у него был очень хулиганский. «Сделать что?» — спросил я, хотя прекрасно знал, о чем идет речь. Тогда я не думал, что они хотят выбиться в профессионалы. Я считал, что музыка для них — только хобби и средство немного подработать. «Не крути! — сказал Джон. — Мы слышали, как вы с Парнсом говорили о группах. Как насчет нас?» Дальше пошел разговор примерно в таком духе: «Что насчет вас?» Леннон стал говорить о том, что они все время прогрессируют, стал перечислять инструменты, на которых они могут играть. Но я-то знал, что у них нет ударника. «Постой, постой! — сказал я. — А ударник? У вас же нет ударника, черт тя дери!» «Это верно, — признал Джон, и нервно затянулся грязным окурком, — у нас в самом деле нет ударника. Ты прав, черт тя дери!» Чтобы раздразнить его еще больше, я продолжал: «Разве будет приличный звук без ударника, а? Так вот: сначала достаньте ударника, а потом приходите с вашими просьбами.» «В крайнем случае мы можем обойтись без ударника, — сказал Джон, сверкнув своей волчьей улыбкой. — Не так уж он нужен, ударник.» Я не верил своим ушам. «Ты,

наверное, шутишь, Джон. Без ударника дело не пойдет. Не будет настоящего ансамбля, настоящего звука.» «Ах, черт! Не знаю я, бля, ударников, бля, никаких», — в сердцах воскликнул Джон. В Ливерпуле, среди определенной части местного населения, считалось особым шиком вставлять в свою речь как можно больше неприличных слов. Некоторые виртуозы умудрялись даже вставлять ругательства в середину, расщепляя слова. Например: «Ты до-бля-лжен-бля мне ве-бля-рить. И не па-бля-чкай мне мо-бля-зги.» Очень колоритная речь. Я пообещал Джону найти им ударника. Ведь они здорово помогли мне с теми же декорациями. И, несмотря на свой битницкий экстерьер, они были, в сущности, славными малыми.

Джон отошел к другим Битлам, и они, сбившись в кучку, стали совещаться. Они всегда были маленькой спаянной группой и воздвигали вокруг себя невидимую стену, защищаясь от посторонних.

В этот момент вошел парень по имени Кэсс. У него была группа, которая называлась Кэсс и Казановас.

Я сказал: «Иди сюда, Кэсс. Я хочу представить тебя моим друзьям — БИТЛЗ.» Я потащил его к Битлам, а он говорит: «Как ты сказал?» «БИТЛЗ. Ребята, это Кэсс из группы Казановы. Кэсс, им очень нужен ударник. Ты не можешь помочь?»

В общем, Кэсс достал им ударника. Это был Томми Мур, рабочий бутылочного завода на окраине Ливерпуля. Битлы были тинэйджерами, когда Мур вошел в и жизнь, а ему было уже 25. Он, должно быть, казался им стариком. Но играл Томми здорово. (На днях Джордж Харрисон сказал мне в присутствии Ринго: «Томми Мур — лучший ударник из всех, которые у нас когда-либо были». Говоря это, он смотрел прямо на Ринго. Тот очень смутился.)

Имея Томми, БИТЛЗ могли теперь рассчитывать на мое проталкивание. В конце 1959-го я начал устраивать им их первые гиги (профессиональные ангажементы). Днем они много репетировали в подвальном помещении «Джакаранды», когда там было пусто. В перерывах они поднимались наверх выпить чаю и спрашивали меня: «Ну что, Эл? Как мы?» «Плохо, — говорил я, злорадно поглядывая на их удрученные лица. — Охуенно плохо.»

Они играли в основном вещи Чака Берри, чаще всего свою любимую «Roll Over Beethoven». Шум, доносившийся из подвала, тревожил сладкую дрему моих дневных клиентов — безработных. «Что за дикий шум? — ворчали они. — Там что, кого-то режут?» «Дикий шум» день ото дня улучшался, и насмешки посетителей «Джека» постепенно прекратились. Пришло время, когда я начал улавливать специфическое звучание их музыки. Рождался

мощный битловский звук, которому очень скоро предстояло прокатиться по всему миру.

В перерывах они выпрашивали у меня и моих людей сэндвичи: «Слушай, Эл, угости-ка нас кофе и бутербродами. Мы вернем долг, когда настанут лучшие времена.» Их лица блестели от пота и подвальной духоты: там не было вентиляции, и стены всегда были мокрыми от конденсирующейся влаги. Глядя на эти мокрые лица, я не мог им отказать и всегда угощал чем-нибудь. Господи! Ведь, в сущности, они были еще дети — голодные дети, смолящие свои грязные хабарики.

Глава четвертая
Первые гиги

В ту пору никто не подозревал, что скоро настанут лучшие времена. Первый гиг, который я устроил Битлам, должен был состояться в зале «Гросвенор» в Сикоме. Пусть не обманывает вас шикарное слово «зал». Люстр и блесток не было. Это был обычный танцзал, к тому же пользовавшийся дурной репутацией: там ежевечерне происходили пьяные драки и кровавые битвы между бандами тинэйджеров-завсегдатаев этого места.

Кэссу не нравилось название группы. «Вы должны называться Silver Beatles. Джон Леннон — Длинный Джон Сильвер. Улавливаете?» Ребята относились к Кэссу с почтением и не посмели возражать. Примерно два месяца они называли себя Silver Beatles. А потом стали просто БИТЛЗ. Это не нравилось Кэссу. «Что за дурацкое название!» — возмущался он, кривя физиономию.

На свой первый гиг Битлы поехали в микроавтобусе, принадлежавшем одному из моих вышибал. За это они заплатили ему один фунт. Он помог им погрузить инструменты, и они поехали.

Провожая Битлов, я пообещал бесплатно напоить их кофе, если они выступят хорошо. Вышибала доставил ребят на место, побыл там немного, послушал, а потом вернулся в «Джек», на свое рабочее место. Я спросил, как там дела у БИТЛЗ. «Отлично! — ответил он. — Чертовски здорово.» Битлы выступали так здорово, так захватили публику своей игрой и поведением на сцене, что хулиганы забыли о драках.

В те времена многие группы играли так и вели себя так, чтобы обратить на себя внимание девочек — часто именно это и было причиной драк. Рори Шторм, например, так привлекал к себе внимание женской половины зала, что ребята затевали между собой потасовки — чтобы только отвлечь своих подруг от его группы. Юношеский «мачизмо» — в ливерпульцах есть эта «латинская» черта.

Что же касается БИТЛЗ, то их музыка и «физический магнетизм», по-видимому, притягивали представителей и того, и другого пола. И это, безусловно, было залогом их огромных успехов в будущем.

За свой первый профессиональный гиг Битлы получили 10 фунтов. Из этой суммы они заплатили один фунт мне и один вышибале. На пятерых осталось 8 фунтов, то есть по 32 шиллинга

каждому, по тогдашним деньгам. Сейчас это составило бы 160 пенсов — как раз на билет в кино в лондонском Вест-Энде. Они радовались удаче. Наконец-то настоящий шоу-бизнес!

После гига ребята приехали в «Джек» и я, как обещал, угостил их кофе. Они сидели счастливые и долго делили свой первый профессиональный заработок, считая пенсы среди хлебных крошек и чашек кофе на столе. В тот вечер они заказал себе тосты с джемом. Они теперь могли себе это позволить. С этого дня Битлы уже никогда не ели тосты без джема.

Их успех в «Гросвеноре» побудил одного агента по имени Додд пригласить их в Нэстон — маленьких городок в графстве Виррол. «Гросвенор» славился насилием, а в Нэнстоне происходили просто настоящие побоища. Здесь, когда играли БИТЛЗ, началась драка, и одного парня так избили, что он на другой день скончался. Когда вспыхнула драка, танцы были прекращены. Битлы приехали в «Джек» бледные, потрясенные увиденным. Они, конечно, были крепкие ребята, но даже их потрясло это зверское избиение. Парнишке, который умер, было лет 16.

Я устраивал Битлам регулярные гиги в Мерсисайде, в разных танц-залах, а все остальное время они проводили в «Джеке». Когда мой вест-индский стил-бэнд брал выходной, они занимали его место. Играть в «Джеке» им очень нравилось, потому что никто из публики не возражал, когда они, пользуясь случаем, пробовали делать новые номера. Танцующие пары выкрикивали слова поощрения, а если музыка была им не в кайф, они кричали что-нибудь, вроде «Больше смури, ребята!» или «Что за фуфло вы играете?!» Пройдет еще немного времени, и эти же люди будут готовы целовать Битлам жопу, только чтобы услышать от них «Здорово, чувак!»

В те дни у БИТЛЗ не было классного оборудования. Им приходилось обходиться, например, без подставок для микрофонов.

Однажды Джордж Харрисон поднялся ко мне из подвала (я стоял у входа, встречая посетителей и прогоняя потенциальных буянов) и сказал: «Слушай, Эл, у тебя в заведении есть какие-нибудь швабры или щетки?» «Конечно есть, только зачем они вам? Вы не настолько бедны, чтобы опуститься до мытья полов!» «Да нет, Эл, совсем не для этого, — сказал Джордж, улыбаясь той доверительно-заговорщической улыбкой, которая у него есть и сейчас. — Так где ты держишь эти штуки?» Зная, что Джордж все равно не объяснит мне эту странную просьбу, я повел его по коридору, который выходил на задний двор. «Вот здесь», — сказал я, открывая дверь чулана, где уборщики хранили свои

метлы и швабры. Глаза Джорджа радостно просияли, когда он увидел швабры и щетки с длинными ручками. «Отлично, Эл. Это как раз то, что нужно.» Он порылся в темноте и выбрал швабру и две садовые щетки с длинными ручками. «Ты странный парень, Джордж», — сказал я, слегка толкая его в бок. Но он все равно не сказал, зачем ему эти штуки. Когда у входа стало спокойнее, я спустился в подвал посмотреть, как там идут дела. Сигаретный дым густой пеленой навис над помещением. Чувствовался характерный запах марихуаны — это ловили кайф ребята из стил-бэнда. В Ливерпуле многие курили «травку» задолго до того, как она вошла в моду. Звуки битловской музыки отскакивали от стен и били по ушам. В полумраке танцевали парочки. Они извивались или целовались. Всем было весело. БИТЛЗ играли заводной рок. И тут я увидел, для чего им понадобились швабры и щетки.

В ногах у Битлов сидели три шикарные девицы и держали швабры. Не имея специальных подставок, ребята приделали микрофоны к ручкам швабр и уговорили девочек держать их перед их ртами и инструментами. Это было очень забавное зрелище.

Я крикнул: «Не забудьте потом надраить полы!» Они замахали руками, улыбаясь и продолжая играть. Девочки, часами сидевшие у ног Битлов в тот вечер, были среди первых битломаньяков. Сейчас они, без сомнения, с гордостью рассказывают о том, что когда-то держали для Битлов микрофоны, привязанные к швабрам. Они могли бы рассказать и о том, что между ними в «Джеке» частенько вспыхивали драки за право подержать микрофон для БИТЛЗ. Я сам видел, как две красивые девушки из-за этого в кровь исцарапали друг другу лица.

В то время «Джек» был единственным клубом в Ливерпуле, где звучал бит. «Пещера» была тогда во власти джазменов-традиционалистов. Она принадлежала Рэю МакФоллу — худому рыжеволосому человеку с очень сомнительным чувством юмора и голосом чуть-чуть сильнее шепота. Единственной бит-группой, которая иногда там играла, была группа Рори Шторма. Дело в том, что Рори и его ребята могли играть что-то похожее на джаз. То есть, это можно было назвать джазом, если не очень придираться. Но, распаляясь, они всегда переключались на добрый старый рок-н-ролл. В таких случаях Рэй приходил в ярость и, в наказание, уменьшал плату на пару шиллингов.

Бит все еще был грязным словом, и никто не мог себе представить, что очень скоро весь район Дэйл-стрит будет покрыт густой сетью бит-погребков.

Глава пятая
Росписи в женском туалете

Женский туалет располагался на первом этаже «Джека». Для мужчин таких удобств не было — им приходилось выходить на двор и делать там свое дело при свете луны. Но вот однажды к нам нагрянули инспекторы из службы охраны здоровья. Они, правда, не заметили отсутствия мужского туалета, зато обратили внимание на плачевное состояние женской комнаты.

Стены этого заведения были разрисованы настенными росписями и исписаны заметками о величине органов и сексуальных способностях некоторых ребят из групп, в том числе и БИТЛЗ. Девушки были очень откровенны и точны в описании интимных деталей, касающихся их любимых ребят. Обычными были такие, например, комментарии: «У Джона Соупа самый большой член в Ливерпуле» или «Джимми такой-то может это делать всю ночь». Я помню, как однажды после закрытия «Джека» я пошел в женский туалет и увидел там нарисованное губной помадой изображение гигантского члена. Под рисунком было написано: «Портрет моего любимого певца.» Я сейчас не помню, что писали конкретно о БИТЛЗ, но помню, что писали весьма лестно. Я помню зато, что я сам стирал со стен туалета всякие надписи и рисунки, щадя наших уборщиц — пожилых женщин со старомодными представлениями о любви, браке и половых сношениях.

После того как инспекторы признали состояние туалета неудовлетворительным, я решил навести там порядок и призвал моих разнорабочих — Битлов.

«Послушайте, — обратился я к ребятам, которые вскоре будут зарабатывать миллионы фунтов в год, — не хотите ли подзаработать?» «Конечно хотим, Алан, — ответил Пол, — кого надо прикончить?» Все засмеялись. «Это идея, — сказал я. — У меня много врагов, от которых я бы хотел избавиться. Но сейчас я не об этом. Я говорю о женском туалете.» «Да? — сказал Стюарт. — А что с ним? Ты хочешь, чтобы мы его вычистили?» Все брезгливо поморщились. «Это может отвратить от женщин на всю жизнь», — сказал кто-то из них. «Да, вычистить. Но не только это. Надо все там перекрасить, навести порядок. Иначе нас закроют. Ну как, ребята, возьметесь?» «Ладно, — сказал Джордж. — А что мы с этого будем иметь? Работа ведь не из приятных.» «Условия отличные. За игру вы получаете 10 фунтов за вечер, не так ли?» «Так.» «Вот и за это я даю вам 10 фунтов —

вычистить и покрасить.» «Как это так?» — спросил Леннон, глядя на меня исподлобья. Этот парень никому не доверял даже в те годы.

Битлы играли не так уж часто и постоянно нуждались в деньгах. Джордж и Пол иногда подрабатывали на стороне. Томми вкалывал на бутылочном заводе (они называли это заведение «оранжереей»). Джон и Стюарт ходили в Художественный колледж — когда было настроение.

«Слушай, Джон, вы получаете 10 фунтов за вечер — когда есть работа. Я даю вам десять, и никаких дополнительных расходов. Вам прямая выгода». Они посовещались и согласились.

Днем, когда они работали в туалете, то и дело возникали неловкие ситуации. Когда кому-то из наших клиенток срочно требовалось справить нужду, я кричал Джону, Джорджу, Полу и Стюарту (Томми не было): «Ребята, к вам клиент. Перерыв!» И они шли пить кофе.

Битлы разрисовали стены туалета рок-н-ролльными сценами. Позднее они так же расписали подвал. По-моему, это были яркие образцы примитивного искусства. Слово «примитивный» часто употребляется для обозначения чего-то грубого и безобразного, но в этом случае я использую это слово в его художественном смысле — как что-то очень простое, но мощное по выразительности.

Настенные росписи очень понравились посетителям. Однажды вечером к нам зашел Норман Крисп, американский профессор-искусствовед. Бросив взгляд на стены, он сразу спросил: «Но это же великолепно! Кто рисовал?» Я ответил, что это — работа одной рок-н-ролльной группы под названием БИТЛЗ. Его очень позабавило это название. «У этих жуков большие способности. Отличная работа.» Он спросил, нельзя ли с ними увидеться. Я ответил: «Побудьте еще немного. Они наверняка появятся.»

Крисп пробыл еще часа два, но Битлы не появились, и он ушел. Кто знает, что могло бы случиться, дождись он Битлов в тот вечер? Своим восхищением их искусством он мог бы отвлечь их от музыки, и тогда у нас не было бы БИТЛЗ и феноменальных изменений, произведенных ими в музыке, культуре, социальной жизни. Если, если, если…

Впоследствии «Джек» несколько раз ремонтировали, и стенные росписи Битлов закрасили. Наверное, теперь они стоили бы кучу денег и заняли бы достойное место в музее БИТЛЗ. Я думаю, ребята где-нибудь подписали свою работу. Скорее всего, в туалете.

Глава шестая
«Стальной кулак» говорит нет

С Ларри Парнсом я начал поддерживать связь по почте и телефону с того вечера, когда Рори Шторм выступил на ливерпульском боксинг-стадионе. Однажды я получил от него письмо. Он сообщал, что приезжает в Ливерпуль с поп-звездой Билли Фьюри. Билли тогда был очень крупной фигурой в британском шоу-бизнесе. Он родился и вырос в южной части Ливерпуля. Это был светловолосый, худощавый и сдержанный по характеру парень. Девушки сходили по нему с ума. Они могли съесть его носки за завтраком, а остальное прилепить к стене на память — так он был популярен.

В письме Ларри писал, что ищет для Билли бэкинг-группу и просил меня собрать как можно больше ливерпульских групп, которые они с Билли могли бы прослушать.

К тому времени мой бизнес расцвел так, что я решил открыть новый клуб — «Голубой Ангел» на Сил-стрит. В Ливерпуле было тогда мало хороших ночных клубов. Гости, желавшие почувствовать атмосферу города, в конце концов попадали в какой-нибудь «шибин» — нелегальное питейное заведение. «Шибинов» было особенно много в районе «Ливерпуль-8». Там, как поется в песне, встречались темненькие и беленькие.

Вот как это было: какой-нибудь человек из Вест-Индии, тайно финансируемый неким бизнесменом, предпочитавшим держаться в тени, открывал в своем доме бар. Формально это был частный клуб со своим председателем, секретарем и правлением. На самом деле управляли двое: владелец бара и тайный финансист. В таких «шибинах» оперировали дешевые, зараженные дурными болезнями проститутки. Они получали пару фунтов за свое ремесло: чаще всего это были «дрожащие коленки» в ближайшем переулке или кратковременный визит в соседний дом. За 10 шиллингов девицы могли снять комнату в передней. Они называли ее с викторианским шиком — «салон».

В ливерпульском порту моряки со всего света сходили на берег… уже подцепив где-нибудь в Панаме нехорошую болезнь. И вскоре какой-нибудь респектабельный бизнесмен спрашивал своего доктора: «Что это с ним, док?» — размахивая своей мясистой саблей.

Я задумал сделать из «Голубого Ангела» классное заведение, в котором, даже если вы что-нибудь подцепите, то по крайней мере можно будет определить, что именно. Я решил не допускать

проституток, хотя понимал, что бессилен перед маскирующимися любителями.

Строительство «Голубого Ангела» подходило к концу, и я решил проводить прослушивание именно там. Я собрал лучшие группы: Кэсса и Казанов, Рори Шторма и Ураганов, Дэрри и Сеньоров (с Хауи Кэйси). И БИТЛЗ без Томми Мура, их постоянного ударника: у него были какие-то неприятности с подругой, и он не пришел.

Рори с ребятами только что вернулись из триумфальной поездки в Северный Уэльс — они целый сезон играли там в домах отдыха фирмы «Батлинс». Их ударник — коренастый парень с большим носом и тихим голосом — носил на пальцах столько колец, что с трудом мог сгибать пальцы в суставах. Он носил черную мотоциклетную куртку и зачесывал волосы вперед по моде тех лет — а ля Тони Кертис/Элвис Пресли — так что они закрывали его высокий, широкий лоб. Звали его Ричардом Старки или, иначе, Ринго Старром.

Ожидая большого человека из Лондона, мистера Ларри Парнса, все очень волновались, потому что знали: если выбор падет на них, то это откроет перед ними широкие и ясные перспективы, потому что играть для Билли Фьюри значило вырваться, наконец, из тесных локальных рамок, покинуть мелководье и выйти в открытое море славы и процветания.

Ребята стояли в подвальном помещении «Голубого Ангела», яростно курили и без конца пили кока-колу.

«Алан, как ты думаешь — сколько будет платить Парнс?» «Слушай, Эл, что он за тип, этот Парнс? Он хорошо платит?» «А не из тех ли он лондонских пижонов, которые любят пустить пыль в глаза?» «Эл, если мы пройдем, — значит, сразу бросаем работу?» «Эл, а где здесь можно поспать?»

Атмосфера была наэлектризованной. Я оглядел ребят; голые электрические лампочки бросали темные тени на их изможденные ливерпульские лица.

Леннон стоял в углу. На его лице была холодная улыбка. Я знал, что это — маска, скрывающая огромное нервное напряжение.

Стюарт Сатклифф взахлеб рассказывал мне про свои картины и про выставку в галерее Уокера, где он недавно побывал. Капли пота, словно жемчужинки, россыпью покрывали его лицо.

Ожидание становилось невыносимым. Я сам был охвачен паническим страхом. Меня стало подташнивать, я пошел в туалет, склонился над унитазом, но ничего не вытошнил. Напившись вод из-под свежеокрашенного крана, я вернулся к ребятам.

Я оставил одного из своих людей у входа ждать приезда

Парнса. И вот этот человек сбегает вниз по лестнице, возбужденный, с глазами навыкате, и кричит: «Он здесь! Парнс и с ним Билли Фьюри. Это он!» «О'кей, о'кей, — сказал я. — Разумеется, это он. Ну и что? Он такой же человек, как и все. Ну, ребятки, не подведите. Покажите все, на что вы способны.»

Я чувствовал себя, как генерал, дающий смотр своим войскам перед генеральным сражением. Ребята забегали туда-сюда, проверяя аппаратуру. Казалось, кто-то ткнул палкой в скопление пчел.

Ребята осмелели, заговорили громче. Кто-то взял несколько аккордов «Rock Around The Clock» Билла Хэйли.

Ко мне подошел Джон Леннон: «Эл, у нас нет ударника — ты знаешь. Что делать?» «Да, — согласился я, — это большая проблема.» Я оглядел Леннона. Как и остальные Битлы, он был в обычном «прикиде»: черный свитер, замызганные джинсы, протертые на коленях, и белые бейсбольные туфли, тоже изрядно поношенные. Вид не очень опрятный. Господи, что подумает Парнс об этой компании? «Я достану вам ударника из другой группы. Вам надо сыграть всего две-три вещи. Как-нибудь обойдется. Парнс знает, что к чему. Он заметит талант при любых обстоятельствах. Не волнуйся, Джон. Предоставь волноваться мне. Иди и готовься». «О'кей.» Джон побрел к друзьям.

На лестнице появились Парнс и Фьюри. Щурясь от прямого, нерассеянного света, они спустились к нам. «Привет, Алан! — сказал Парнс. — Что нового? Как дела? Это Билли. Ты его знаешь.» «Привет, Билли!» «Привет, Алан!» Я повернулся к ребятам из моих групп. «Друзья! Вы все знаете, кто это. Это — Ларри Парнс и Билли Фьюри. Поздоровайтесь, ребята!» — сказал я наигранно бодрым голосом. Мне захотелось создать атмосферу дружелюбия и помочь ребятам преодолеть нервное напряжение. Они пробормотали «здрасьте».

Ларри и Билли выглядели на миллион долларов. Запах лосьона, которым они пользовались после бритья, наполнил все помещение. Оба они были одеты в дорогие шелковые костюмы — по тем временам это было эмблемой процветания. Я перевел взгляд на Битлов — поношенная одежда, полу-рваные туфли. В этот момент я внезапно испытал желание защитить моих ребят, сказать им что-нибудь, вроде «Мне наплевать, как вы выглядите. Вы все равно будете самыми лучшими!»

У Билли Фьюри был невозмутимый, угрюмый вид. Таков был его сценический имидж, и, по-видимому, он переносил его и на повседневную жизнь. Наверное, ему трудно было стряхнуть с себя этот имидж. Он был бледен почти болезненной бледностью. Но при этом всем своим видом он как бы говорил: «Я — номер

первый. Берегись!» «О'кей, — сказал Ларри. — Начнем, пожалуй. Кого ты собрал, Алан?» «Вон там — Дэрри и Сеньоры. Это — Рори Шторм и Ураганы, Кэсс и Казановы. А вот это — БИТЛЗ.»

Мне показалось, что при слове «БИТЛЗ» глаза Парнса как-то по-особому засветились. Может кто-нибудь посоветовал ему обратить на них внимание.

Когда настала их очередь играть, стало очевидно, что бедный Стюарт не может взять ни одной ноты. Стесняясь, как обычно, и боясь разоблачения, он играл, стоя спиной к публике.

Билли Фьюри вышел из состояния невозмутимости и возбужденно забормотал Парнсу: «Это то, что надо, Ларри. Вот какая группа мне нужно, БИТЛЗ просто изумительны.» Ларри покачал головой, что-то сказал и указал на Стюарта. Билли твердил свое, на этот раз громко: «БИТЛЗ — это то, что надо. Я выбираю БИТЛЗ.»

Когда БИТЛЗ кончили играть, мое сердце бешено колотилось — я надеялся, что, несмотря на Стюарта, Парнс выберет моих ребят, и тогда они пойдут в гору. Битлы улыбались: они видели, как возбужден Билли Фьюри и как он показывал на них. Парнс встал: «Спасибо, ребята. Это было великолепно.» Он повернулся ко мне: «Алан, пусть они сыграют что-нибудь без басиста. Это можно?» Он сказал это так тихо, чтобы никто, кроме меня не слышал.

Бедный Стюарт! Душа у меня ушла в пятки. Парнс заметил большой изъян в БИТЛЗ. Их мощная живая музыка не могла скрыть тот факт, что Стюарт беспомощен на гитаре. Он никогда особенно и не старался, а просто водил пальцами по грифу — по тем местам, где, как ему казалось, должны быть верные ноты. Он не был музыкантом и не стал бы им никогда. Погрузись он в интенсивный курс репетиций этак на миллион лет — тогда, возможно, он мог бы выучиться играть хотя бы «В лесу родилась елочка». Хотя вряд ли. Такого профессионала, как Парнс, нельзя было провести. Он сразу разобрался в Стюарте. Игра была проиграна. Может еще есть надежда? — я видел, что Билли Фьюри продолжает спорить с Ларри, доказывая ему что-то.

Я не торопился исполнить просьбу Парнса: не хотел обижать Стю и расстраивать остальных попыткой разбить коллектив. «Ну так что, Алан? Будем слушать группу без басиста или нет? Давайте побыстрее, у нас мало времени.» Я не мог решиться. Наконец, при всех — Дэрри, Кэсс, Рори и Ринго стояли рядом — я сказал Битлам: «Мистер Парнс хочет, чтобы вы сыграли еще один номер.» «О'кей, Эл. Что играть?» «Видите ли… тут есть одна загвоздка…» Я чувствовал себя подлецом. «Какая?» «Мистер Парнс просит сделать один номер без Стюарта. Только один

номер. Из чистого любопытства. Понимаете? О'кей?»

Я чувствовал себя так, словно меня застали на месте преступления, когда я пытался утопить чужого котенка. Стюарт был мне ближе других Битлов. Мы часами беседовали с ним о живописи, о выставках, о его картинах. Он никогда не расставался с этюдником. Он мечтал стать великим художником. Но он никогда не обманывался насчет своей игры на гитаре. Других он тоже не пытался обманывать. Да, конечно, он стоял перед публикой и делал вид, что играет, но при этом так стеснялся, что поворачивался спиной к залу — на 3/4, — чтобы зрители не видели, как его руки совершают бесполезные движения. Он любил Битлов, как братьев. Все они были, как одна семья. И вот я собираюсь разрушить эту семью! Это был один из самых гнусных моментов в моей жизни. «О'кей?» — повторил я.

«Нет не о'кей!» — голос принадлежал Леннону. Голос прямой, презрительный, решительный и твердый, как стальной кулак.

«Нет? Ну хоть одну песню!» Я презирал себя. Я должен был предвидеть реакцию. Они были верны друг другу. Острые на язык, они часто делали Стюарта мишенью своих злых шуток, но как только внешний мир начинал угрожать группе, они становились тверды, как скала.

«Ни одной песни, Эл. Извини, но мы не будем играть», — сказал один из них. «Да, Эл, — не будем», — подтвердил второй. «Не пойдет», — добавил третий.

Мне захотелось броситься к ним и обнять, хотя я понимал, что они упускают свой золотой шанс. Но вместо этого я пробормотал: «Прошу вас, ребятки, ради меня…» Но в моем голосе уже не было ни уверенности, ни настойчивости. Ларри Парнс откашлялся и шепнул мне: «Не надо, Алан. Я не хочу сеять раздор, они — хорошие ребята. Хотят быть вместе. Но басист — ужасен, ты должен это признать, хоть ты и менеджер.» На это я ничего не ответил. Кто-то из групп взял несколько аккордов «Лауры», и напряженность несколько спала.

Леннон сказал: «Алан, ты должен знать лучше, чем кто-либо: мы — группа. Все или никто. Берите нас всех вместе или никого. Вот наш ответ.»

Суровый Леннон с добрым сердцем. Мне захотелось хлопать в ладоши. Огни рекламы, сто фунтов в неделю на брата, Парнс, ведущий их по коридорам коварного шоу-бизнеса — все это с презрением отброшено. К черту мир, яркие огни, деньги, славу. Да разве может такое быть? Если бы вы увидели что-нибудь подобное в слащавом голливудском фильме, вы бы просто не поверили, что такое возможно. Ларри Парнс сказал: «В общем, так. Я беру вас играть для Билли. Он хочет вас. И я хочу вас. Вы и

сейчас хороши, но будете еще лучше. Басист нам не нравится. Он должен уйти. Если передумаете — дайте мне знать. Только думайте побыстрее.»

Конечно, Ларри был по-своему прав, пытаясь убрать беспомощного басиста. Другое дело, что у него не было никаких шансов добиться этого. Но и он, и Билли Фьюри заметили оригинальность БИТЛЗ уже на этой, ранней стадии их развития. Мое личное мнение подтвердилось, и я очень этому радовался. Поэтому, несмотря на провал «аудиции», а получил мощный стимул для дальнейших попыток протолкнуть БИТЛЗ — даже с гитаристом, который не умел играть.

Ларри вызвал следующую группу, и пока они ее слушали, я отозвал Стюарта в сторону, чтобы сказать ему что-нибудь в утешение. Он начал первым: «Мне очень жаль, Алан. Это все из-за меня.» «Ничего страшного, Стю, не волнуйся.» Разве я мог ругать его за то, что он — не прирожденный музыкант, как остальные? За это не пихают носом в дерьмо. «Послушай, Стюарт, у меня к тебе просьба. Карандаши у тебя с собой?» «Да, вон там», — ответил он, кивая в сторону стула, на котором висела его парусиновая сумка. «Отлично. Нарисуй-ка Ларри и Билли. Это им понравится. Ты знаешь, какие они, эти люди из шоу-бизнеса: им нравиться думать, что они всегда в центре внимания.» Стюарту моя идея не понравилась: «Но зачем?» «Чтобы показать им, что БИТЛЗ — не какая-нибудь заурядная группа, что у вас есть и другие художественные способности, кроме музыкальных». Я рассчитывал на то, что рисунок Стюарта, сделанный на месте, создаст Битлам благоприятный имидж в глазах Парнса и Билли и сгладит неприятное воспоминание об их отказе прогнать своего товарища. «Нет, я не буду рисовать. Они хотели от меня избавиться. Черта с два!» «Ну пожалуйста, Стю. Для меня. Тебе это всего на пару минут.» Мне с трудом удалось уговорить Стюарта. «Ну, бог с ними. О'кей. Только скажи им.» Парнс и Билли с удовольствием согласились позировать. Стюарт быстро сделал рисунок, подписал его и вручил Парнсу. «Спасибо, — сказал Парнс, — мы на тебя не в обиде. Не обижайся и ты на нас.» «Не волнуйтесь, со мной все в порядке», — сказал Стюарт. Но я-то хорошо знал Стюарта: он будет волноваться и переживать, что погубил шансы БИТЛЗ. Такой уж он был: всегда копался в себе, обвинял и казнил себя.

Другие группы не вызвали у Парнса и Фьюри никакого энтузиазма. После прослушивания я повез гостей в южную часть города, к родителям Билли. По пути они опять донимали меня разговорами о Стюарте.

«Эти ребята не в своем уме. Тот парень никогда не выучится

играть.» «Скажи им, Эл, что наше предложение остается в силе.» «Постарайся уговорить их, Эл. Они великолепны.» И так всю дорогу до дома Билли. «Ничего не выйдет. Если эти ребята что-то решили, переубеждать их бесполезно. Я, конечно, попробую. Только все это приведет к тому, что я надолго настрою их против себя.»

Но я не стал делать новых попыток: было ясно, как день, что это абсолютно бесполезно. К тому же, я не хотел сеять между ними семена раздора. Придут лучшие времена, появятся другие шансы. Я был уверен: хорошие времена не за горами.

На обратном пути я заехал в порт. Люблю смотреть, как большие корабли покидают порт, выходят в открытое море. Люблю впитывать в себя экзотические запахи заморских грузов, складированных у причала. Здесь подлинная сущность Ливерпуля. Люблю слушать разговоры докеров, наслаждаясь их грубоватым, но теплым юмором. Река Мерси, извиваясь серой змейкой, выкатывалась передо мной в море. Я услышал гудки парохода, медленно плывущего в сторону Ирландского моря, чтобы взять затем курс на Нью-Йорк. В те годы огромные лайнеры перевозили массу пассажиров из одного порта в другой. Я купил рыбы с чипсами и пошел вдоль причала. Учуяв поживу, надо мной закружились чайки. Над Мерси нависла тяжелая грязная туча. Она двигалась в сторону Честера и Виррола. Ни намека на ясное солнышко. Господи, подумал я, какой шанс упустили БИТЛЗ! И я вместе с ними.

Я зашел в портовый паб. Там было тепло и уютно. Слышался гортанный ливерпульский говор и отдельные взрывы смеха. Кто-то затянул матросскую песню, но вскоре она перешла в пьяное бормотание. Я сидел, опустив глаза в свою кружку «черно-рыжего» (это смесь светлого пива с темным «гиннесом»). В паб вошли трое. Одного из них я знал: когда-то он работал у меня в «Джеке» вышибалой, а потом стал портовым рабочим.

«Что с тобой, Эл, мать твою за ногу?! У тебя такой вид, словно ты потерял фунт и нашел пенни. Держись бодрей, так тебя расперетак. На-ка, выпей!» «Спасибо, Харри. Я буду пить пиво. Хотя настроение такое, что не мешало бы нарезаться».

Я начинал чувствовать меланхолию. Нет более меланхоличного человека, чем ливерпулец с большой примесью валлийской крови в жилах. Выпив еще четыре кружки, я повеселел, и Харри уговорил меня спеть песню. У меня не дурной тенор. Когда-то я занимался вокалом, но оставил это занятие из-за болезни горла. Мой учитель предрекал мне удачную карьеру вокалиста, но это уже другая история. В общем, я сел за пианино и спел свою любимую «Розу из Трейли». Где-то в середине я

заметил, что публика внимательно прислушивается. Даже пьяные утихли. Я «достал» их. Меня охватило ощущение, столь дорогое каждому исполнителю, когда он чувствует, что проник в сердца и умы своих слушателей и что он, он один контролирует их души. Слезы заструились по моим щекам, и я резко оборвал пение. «А ну вас всех к дьяволу!» — рявкнул я, выбежал из паба, сел в свою машину и умчался в город.

Интересно, сохранился ли у Ларри Парнса тот рисунок, который сделал бедняга Стю в тот день, когда БИТЛЗ сказали «нет»?

Глава седьмая
Что это за охламоны из подворотни?

Впрочем, встреча с Парнсом имела и положительные последствия. Я продолжал держать с ним связь и подписал контракт на «поставку» групп сопровождения для его артистов. Среди этих артистов были Даффи Пауэр, Томми Брюс, Джо Браун, Питер Винн, Дики Прайд и Джорджи Фэйм. Первой группой, которую я услал в дорогу со звездами Парнса, была Кэсс и Казановы. Они вернулись, недовольные скудной оплатой. По этому поводу я имел неприятный разговор с Ларри. Наконец, настала очередь БИТЛЗ отправляться в турне по Шотландии вместе с Джонни Джентлом — по таким шикарным туристическим центрам, как Галашилз и Инвернесс. Я проводил их, пожелав удачи. Через пару дней мне позвонил Ларри Парнс. Он был раздражен. Данкен Маккенна, один из импресарио, жаловался ему на БИТЛЗ: «Какого черта ты прислал мне этих оборванцев?» Он еще не слышал, как они играют, и его недовольство было вызвано исключительно их внешним видом: черными свитерами, джинсами и поношенной обувью. Они приехали, измотанные дорогой и голодные. Маккенна кричал, что вместо первоклассных музыкантов ему подсовывают «охламонов из подворотни». В общем, мы кое-как его успокоили, и БИТЛЗ играли в Шотландии. Но они все время чувствовали недоброжелательность импресарио и сильно нервничали. Другие мои группы, выступавшие в Шотландии, тоже имели неприятности. Они чувствовали реакцию публики, которая проникала через рампу и хватала их в железный кулак. Например, Кэсс и Казановы в буквальном смысле слова спихнули со сцены певца, которому должны были подыгрывать, и сами исполнили его репертуар. Мои группы были сильны, и они знали это. Они презирали свои второстепенные роли, и вряд ли их можно за это винить. Конечно, лондонским певцам не повезло в том, что им пришлось иметь дело с такими буйными, яркими группами. А у моих ребят сердце не лежало к этим бледным лондонцам. Я не хочу предстать шовинистом, но разница между музыкантом или певцом из Лондона и из Ливерпуля такая же, как между блохой и слоном — ничего общего. Вот почему мы в конце концов потеряли работу в Шотландии. Личностные конфликты, столкновение интересов.

Парнсу следовало бы, наверное, дать моим группам возможность выступать самостоятельно. Он видел их огромный

потенциал, но ничего не сделал, чтобы дать ему выявиться. Я не виню Ларри. Он преуспевает. Ему удалось прочно закрепиться в этом ненадежном бизнесе, чего я не могу, к сожалению, сказать о себе. Но… продолжим наш рассказ.

Ливерпульский звук продолжал оставаться всего лишь воплем из-за кулис. Битлам платили по 10 фунтов в неделю на брата. Для роскоши этого было, конечно, маловато.

Во время шотландского турне обнаружились странные свойства ленноновской натуры. Однажды Битлы приехали на какую-то ж/д станцию. Был сырой и ветреный день. Как всегда, они были дико голодны и решили пообедать в ресторанчике при станции. Наличные средства не позволяли им заказать ничего существенного, и Леннон потребовал томатный суп. Молодая неопытная официантка с подозрением смотрела на ребят из Ливерпуля, имевших довольно разбойничий вид. Когда она принесла суп и поставила его перед Ленноном, он вперил в нее свой агрессивный взгляд и проскрежетал: «Я заказывал томатный суп. Где же томаты, милочка? Я не вижу томатов.» Разумеется, в супе из консервированных томатов не бывает целых помидоров, но Леннон требовал именно этого. Испуганная официантка побежала за администратором. Это, конечно, не испугало Леннона. Он был твердым орешком. Но и администратор оказался твердым орешком. Нашла коса на камень. Видя это, Леннон забыл свою агрессивность и обратил все дело в шутку. Это была характерная для него шалость: резкий выпад, за которым следует улыбка. Странный парень.

Томми Мур, которого я часто вижу в Ливерпуле, сказал мне однажды: «Леннон мне не нравился. Я терпеть его не мог. У него были грубые манеры и странные привычки. Он был страшный обжора и жрал так по-скотски — другого слова я не подберу, — что меня тошнило от одного взгляда на то, как он ест. Всякий аппетит пропадал.» Томми морщился при одном воспоминании. «Он всегда требовал себе условий получше. На том турне мы обычно спали в двух номерах — двое в одном, трое в другом. Леннон никогда не соглашался на второй вариант. Он был очень агрессивен.» Во время шотландского турне Томми потерял передние зубы и до сих пор ходит со щербатым ртом. Это придает ему такой несчастный вид, что хочется подарить ему искусственные зубы на Рождество. Один ливерпульский певец, имя которого я не буду называть, вызвался быть шофером битловского микроавтобуса. У него не было прав. К тому же, он любил выпить. Однажды в узкой улочке автобус столкнулся с автомобилем, в котором ехали две старушки. Старушки отделались легким испугом, а Томми Мура стукнуло футляром от

гитары по лицу. В результате он потерял передние зубы и заработал несколько шрамов — в больнице ему пришлось накладывать швы под местным наркозом. Остальные Битлы не пострадали и продолжали путь. Местный импресарио, заметив отсутствие ударника, спросил, в чем дело. Джордж Харрисон рассказал все, как было, а Леннон добавил: «Почему бы вам не поехать в больницу и не вытащить Томми оттуда? Ничего страшного с ним не случилось. Он будет только рад.» Это опять работала садистская черта ленноновского характера. Говоря это, он улыбался. Он не подумал о том, что импресарио был готов на все, лишь бы добыть ударника, обещанного по контракту. Понукаемый Ленноном, импресарио помчался на своей машине в больницу. Томми лежал, обалдевший от анестезаторов, весь в швах. Но импресарио был человек твердый. «Томми! — закричал он. — БИТЛЗ ждут тебя. Скоро выход.» «Господи! — простонал Томми, привставая. — Вы соображаете, что говорите? Разве не видите, как меня уделали?» «Ну ладно, ладно, Томми. Выйдешь на сцену — и все пройдет.» И вот Томми, ворча и охая от боли, слез с кровати, оделся и побрел к машине импресарио. Леннон встретил его взрывом хохота. «Ты погляди на свой фэйс, — злорадствовал он. — Ну и видок у тебя!» Томми играл весь вечер, мужественно превозмогая боль. Леннон то и дело поворачивался к нему, становясь спиной к публике, и давился от смеха. Вполне понятно, что Томми — лучший из всех битловских ударников — нелестно отзывался о Джоне Ленноне.

«Мне до смерти надоело это турне, — вспоминает Томми. — И мне надоел Леннон. По-моему он — психически ненормальный. Ему нравились драки, то и дело вспыхивавшие в зале. Он говорил: „Смотрите, как этот парень здорово врезал ногой вон тому.“ Это доставляло ему садистское удовольствие. Когда наш поезд прибыл на Ливерпульский вокзал, все пошли в чайную на Лайм-стрит, а я сказал: „Пока, ребята!“ и взял такси, чтобы скорее уехать. Я был рад избавиться от Леннона. Я устал от него.»

Томми вернулся из этой поездки самым богатым — у него в кармане было 5 фунтов. У остальных на всех было меньше даже этой ничтожной суммы. Битлы были на мели, и одна из причин этого в том, что они содержали Стюарта на свою зарплату: Парнс отказался ему платить, а они, будучи верными друзьями, не могли оставить его в беде. Во время своих выступлений Леннон и МакКартни, бывало, зло подшучивали над Стюартом: они отсоединяли его гитару от усилителя, чтобы его неловкие попытки играть не портили звучание всей группы. Не ведая этого, Стюарт добросовестно делал, что мог, а потом Пол и Джон говорили ему, что он зря старался. Стюарт краснел и переживал.

Глава восьмая
Сейчас она бы носила бриллиантовые подвязки

После Шотландии БИТЛЗ, как музыканты, стали быстро прогрессировать. Их групповой звук начинал расцветать, подобно экзотической орхидее в оранжерее. Вскоре я устроил им выступление в зале «Гросвенор» — на том берегу Мерси. В день выступления я сидел у себя дома, ел свою любимую копченую селедку с острова Мэн и пил чай. Вдруг зазвонил телефон. Говорил Леннон. По тому, что он назвал меня Аланом, а не Элом, как обычно, я понял, что он чем-то взволнован. «Слушай, Алан, мы тут готовимся переплыть на тот берег, и что ты думаешь…»

Я вытер салфеткой рот и сказал: «И что же я думаю?» «У нас нет ударника!» «Как это нет ударника, тра-та-та? Где, тра-та-та, Томми, ваш регулярный ударник, тра-та-та?» Его паника начала передаваться и мне. «Томми не явился. Кухня тут, а его самого нет. Подводит нас, скот! Сделай что-нибудь.»

Странно, подумал я, на Томми это совсем не похоже. Он никогда не подводил ребят, даже не опаздывал. А случилось вот что: женщина, с которой Томми жил, заставила его бросить БИТЛЗ. «Все — это пустая трата времени и заработок не регулярный», — говорила она. (Интересно, что она сейчас об этом думает? Она могла бы стать женой миллионера, носить брильянтовые подвязки и купаться в норке.) Она требовала, чтобы Томми вернулся на свою «приличную постоянную работу» на бутылочном заводе. Каково? Гарстонский бутылочный завод! Даже в самом названии чувствуется какая-то обреченность. Когда я примчался к «Джеку», шины моего авто дымились. Навстречу мне бежали Битлы.

«Что делать, Эл?» «Томми подвел нас, как сволочь.» «Без паники, ребята. Прыгайте в машину, сейчас съездим к нему и разберемся.»

Томми жил неподалеку, в квартале «Ливерпуль-8», где жила в основном богемная публика — поэты, сводники, проститутки, профессиональные игроки, торговцы наркотиками, художники, аферисты, романисты и музыканты. Почти на каждом углу здесь были публичные дома и «шибины». В общем, это «мой» квартал — пульсирующая мозаика характеров и событий. Эта атмосфера проникает во все ваши поры. Если вы хоть немного здесь пожили, вы навсегда останетесь пленником этой атмосферы. И даже если

вам случиться покинуть эти места, воспоминания о них будут неотвязно вас преследовать, так что вы непременно вернетесь назад.

Томми жил на втором этаже. Мы постучались в парадную дверь. С шумом распахнулось окно, и показалась голова сожительницы Томми. Она злобно и вызывающе крикнула: «Ну, чего вам надо?» Коротко и по делу, как будто подбадривая любимого футболиста, мы крикнули в ответ: «Томми Мура! Хотим Томми Мура!» «Ну так вы его не получите! — ответила она, собираясь закрыть окно. — Уходите. От вас, Битлов, нет никакого проку.» Я посмотрел на часы. Времени оставалось мало. Я не хотел, чтобы уже в самом начале своей карьеры БИТЛЗ приобрели дурную славу артистов, опаздывающих на свои концерты.

Ребята подзуживали меня: «Выдай ей, Алан!» «Так скверно говорить о БИТЛЗ! Ну погоди, девочка, я расскажу про тебя своей маме!»

Я не выключил мотор, надеясь, что мы быстренько подберем Томми и помчимся на гиг. Время таяло. Таяло и мое терпение. Я ловил себя на мысли: что я тут делаю, тара-та-та, в этот холодный, ветреный вечер? Какого дьявола я стою под уличным фонарем с четырьмя парнями, называющими себя музыкантами, и ругаюсь с какой-то крикливой бабой, высунувшейся из окна?

«Эл, время идет. Томми мы не получим — это факт. Эта сука взяла его в оборот», — сказал Стюарт. Я поднял руку и сделал движение, как бы обхватывая всех БИТЛЗ. «Слушайте, вы знаете, кто это? Это — БИТЛЗ!» «О да, прекрасно знаю. Те самые негодяи, которые отвлекают моего Томми от нормальной работы на бутылочном заводе. Из-за этого у него нет денег, и у меня ни черта нет. Все из-за них. И тебя я тоже знаю.» Она вся кипела от ярости. Томми редко бывал дома. Он мало заработал с БИТЛЗ. Тут она была права.

«Томми играет сегодня в „Гросвеноре“. Нам пора ехать. Понимаете? Контракт есть контракт.» «Томми! Нам нужен Томми! Госпожа женщина, отдай нам Томми!» — кричали ребята. Голова женщины пропала. «Ну все, — сказал я. — Теперь Томми навек погрязнет в своих бутылках. Эта злобная фурия достала его.» В окне снова появилась голова. «Я все слышала, — крикнула она. — А теперь убирайтесь. Все! Вы ему надоели. Если он к вам вернется — ему конец, уж я об этом позабочусь.» Потом она понизила голос и сообщила: «Он сейчас на заводе, тра-та-та.» Окно с шумом захлопнулось.

Вы только подумайте, какая альтернатива была у Томми в этот вечер: БИТЛЗ или ночная смена на бутылочном заводе! Ночная смена на бутылочном заводе. Это звучало, как приговор,

произнесенный самим дьяволом. Пожизненное заключение на бутылочном заводе. Вы приговариваетесь к… Бедняга Томми, мы должны тебя спасти! Мы прыгнули в машину и помчались в Гарстон, ливерпульский пригород. Я вообще не любил медленной езды, а тут выжимал из авто все, что было можно. Битлы сидели сзади и пришпоривали меня, побуждая меня на еще более дерзновенные подвиги. Я был дико зол на эту женщину: она оторвала меня от любимой селедки со сладким горячим чаем. В животе у меня урчало, и я боялся за свой желудок. Вот и гарстонский бутылочный завод — могила одного из БИТЛЗ. Мы спросили у какого-то рабочего, где Томми.

«Ищите работу?» «Да нет, мы ищем парня по имени Томми Мур. Ты его знаешь?» «Никогда не слышал про такого. Спросите у мастера.» Мастер оказался приятным малым с типично ливерпульско-ирландским квадратным лицом. «В чем дело? Хотите устроиться? Мест нет. Так везде. У нас тоже.» В те годы найти работу было не просто, а в Ливерпуле — почти невозможно. Наверное, поэтому Томми ухватился за возможность устроиться, когда она представилась.

«Нет, благодарю вас, — сказал я. — Мы ищем человека по имени Томми Мур.» «Томми Мур, Томми Мур… — повторил мастер, пытаясь припомнить человека с таким именем. — А, ну конечно. Он в черном цехе. Вы его приятели? Он что, должен вам деньги?» «Разве мы похожи на сборщиков долгов?» — парировал Леннон. Боже, не позволяй Джону грубить этому любезному старичку! «Джон, — сказал я ему тихо, — не лезь в бутылку на бутылочном заводе, это опасно.» «Я вас провожу, — сказал мастер, сурово глядя на Джона. — Идемте.»

Казалось, панический телефонный звонок от Битлов раздался когда-то очень, очень давно. Зал «Гросвенор» находился на миллион световых лет от гарстонского бутылочного завода. Вдали от нас совершал маневры автопогрузчик с вильчатым захватом.

«Это он, — сказал мастер. — Томми.» «Кто бы мог подумать, что он умеет управлять такой штукой!» — сказал Стюарт. «О, да, — подтвердил мастер. — Томми умеет. Он уже здесь раньше работал.» «Бедняга», — раздался голос Битла. «Что? Что вы сказали?» — опешил мастер.

Надо побыстрее уносить отсюда ноги, пока нас не вышвырнули. Это не место для БИТЛЗ, не место для Томми. Подойдя ближе, мы крикнули: «Эй, Томми! Это мы. Что ты там творишь этой штукой?» «Ну-ка, вылазь оттуда!» — крикнул Джон Леннон. Томми остановил машину. У него был вид провинившегося школьника. «Привет, ребята! Да, да — знаю:

сегодня игра в „Гросвеноре“. Но я не могу. Я больше не могу.» «Как же мы без ударника, а, Томми? — сказал Пол МакКартни. — Тебе не место здесь, среди бутылок.» «Не обращайте внимания, — сказал я мастеру. — Они шутят. У вас отличное предприятие.» «Ты не можешь вот так взять и бросить нас, — сказал один из Битлов. — Ты проиграешь, если останешься здесь.» «Томми, это занавес для тебя!» «Томми, ты не можешь нас предать!»

Но было уже ясно, что он мог. Милый, добрый Томми, лучший ударник БИТЛЗ, сидел на этом проклятом погрузчике и позволял уплывать своей надежде, своей жизни. Он до сих пор у меня перед глазами: с выбитыми зубами, мрачно глядящий на нас сверху.

«Не могу, ребята. Битловское время для меня кончилось. Вы заходили ко мне домой?» Мы кивнули. «И что она вам сказала?» — спросил Томми, подозревавший, что мы еще больше ее разозлили. «Она сказала, что ты бросаешь нас и возвращаешься на завод.» «Понимаете, — сказал Томми, — у меня семья, я должен ее обеспечивать. Я — не такой, как вы. Я — рабочий парень, которому нужно зарабатывать, чтобы кормить семью. Я больше так не могу», — закончил он, и в голосе его появилась твердость. «Честное слово, не могу — иначе она убьет меня.»

Так всегда было (и есть) в рабочей среде: стремление выжить, наполнить желудок душит в зародыше многие гениальные порывы. Не хочу сказать, что Томми был гением, но ударник он был прекрасный. А если вы думаете, что хорошие ударники валяются на дороге, ну-ка, найдите мне сейчас хотя бы одного!

Обратно мы возвращались в угрюмом молчании. Когда мы мчались через туннель под Мерси, стрелка моего спидометра показывала на 100. Мы опоздали всего на несколько минут. Я объяснил устроителю нашу проблему с ударником, но он отнесся к этому спокойно. «Лишь бы музыка понравилась местным ребятам, — сказал он. — Они тут не любят, когда их дурачат. Сразу пускают в ход кулаки.»

Я это и сам знаю. Не только в Гросвеноре, но и повсюду на Марсисайде в те дни можно было запросто схлопотать себе неприятности — хотя бы за то, что вы слишком глубоко дышали.

Глава девятая
Горилла Ронни

Когда Битлы вышли на сцену, в зале, как обычно, была группа подростков, готовых устроить бузу. А пока они стояли вокруг сцены и наблюдали, как Битлы настраивают инструменты и возятся с аппаратурой. Одной из тамошних банд верховодил высокий, рыжеволосый 17-летний парень по имени Ронни (слюнявое имя, совсем не подходящее хулигану). Ронни враждебно относился к этому миру и, надо сказать, мир отвечал ему тем же. Поэтому Ронни любил делать людям больно. Он был счастлив, если удавалось подбить кому-нибудь глаз или вонзить носок тяжелого сапога в ребро. Или, еще лучше, боднуть головой в лицо. Это обычно кончалось тем, что жертву увозили в ближайшую больницу. Суровый парень, этот Ронни. И в тот вечер он привел в Гросвенор свою банду, готовую повиноваться его малейшей злобной прихоти. Он стоял, уставившись на Битлов. Они пытались сделать вид, что ничего не замечают, но это было не так-то просто.

Леннон прочистил горло и схватил микрофон: «Леди и джентльмены! Мальчики и девочки! Женщины и дети! Хм…» — Леннон собирался отколоть очередную шутку, но остальные Битлы одернули его — сейчас не время шутить, надо скорее начинать, чтобы создать дружескую атмосферу. «Леди и джентльмены! — продолжал Леннон. — Многие из вас, вероятно, заметили, что, как говорят в правительственных кругах, по не зависящим от нас причинам, мы прибыли сюда без ударника. Без ударника играть мы не можем. То есть можем, но лучше бы все-таки с ударником. Если среди вас кто-нибудь воображает себя стукачом, просим его на сцену.»

Леннон сел, ухмыляясь. Таким трюком он предотвращал возможные неприятности со стороны публики, недовольной тем, что ей подсовывают неполноценную группу. Обычно этот трюк ему удавался. Но в этот вечер среди публики оказался лишь один молодой человек, воображавший себя «стукачом». Им был не кто иной, как Ронни, гроза здешних мест.

«Эй, чувак! Я могу постучать», — крикнул он под одобрительные ухмылки своих дружков.

Битлы знали, кто такой Ронни. Они поморщились и содрогнулись: самому отъявленному хулигану из этих мест Леннон предлагает стать Битлом!

Леннон быстро оценил ситуацию. Он был почти уверен, что

этот хулиган не знает, как обращаться с барабанами. Возможно, он когда-то, в процессе своей пестрой карьеры, избил какого-нибудь ударника, но дальше этого его знакомство с барабанами вряд ли простиралось.

«Джон! Что ты наделал?! Ты нас погубишь!» — раздавались за его спиной голоса перепуганных товарищей.

Ронни вышел из толпы и вразвалочку подался к сцене. Его обезьяньи руки болтались по бокам, свисая гораздо ниже колен. Кто знает, может быть, в его маниакальном мозгу действительно вертелась честолюбивая мысль стать ударником в рок-н-ролльной группе, одержав еще одну триумфальную победу в Гросвеноре? Он прыгнул на сцену. Доски задрожали под его тяжестью. «О'кей, чувак! — сказал Ронни. Его и так безобразное лицо исказилось в гнусной ухмылке. — Я готов.» «Ты играл когда-нибудь?» — спросил Леннон, делая отчаянную попытку выправить положение. «Конечно, играл». Выражение гнусного дружелюбия на лице Ронни сменилось выражением презрения и подозрительности. «О'кей, о'кей, приятель», — поспешил сказать Джон, видя перемену настроения у Ронни. Он знал, что перемена настроения у Ронни может означать только одно: готовность врезать тому, кто испортил ему настроение. «Тогда — к делу!» — сказал Ронни и засеменил мимо Джорджа и Пола к ударной установке. Это была очень дорогая установка, вся в голубом перламутре. Она стоила Томми Муру много крови, пота и слез. Купив ее в рассрочку, он расплачивался потом в течение долгих месяцев. Ронни ударил пару раз по большому барабану и сел, ухмыляясь. «Поехали, чуваки!» — сказал он, видимо подражая кому-то, кого он видел в кино. Битлы вздохнули и начали свой первый номер.

Махая длинными руками, Ронни стал производить такой шум, будто он швырял все эти барабаны с крыши собора св. Павла на мостовую. Но что за беда — ему было весело. Он махал палочками, приветствуя своих дружков и их юных потаскушек с загрубелыми лицами. Он чувствовал себя звездой. Эти Битлы, в общем-то, ребята ничего. Может, он будет их постоянным ударником. В перерыве Ронни подошел к Битлам, которые сидели, оглушенные, и спросил: «Ну как, чуваки? Нравится, как я стучу?» Ребята знали: скажи они что-нибудь неодобрительное насчет мастерства Ронни — он тут же свистнет свою шайку-лейку, и Битлы вряд ли смогут выйти на очередную игру. Деваться было некуда. Это был самый их трудный вечер, который и много лет спустя они будут вспоминать, как жуткий кошмар.

Где-то в середине вечера Ронни сказал Леннону: «Слушай, чувак, я, пожалуй, буду у вас стучать. Можете на меня положиться.» Мозг Леннона лихорадочно работал. Он пытался

найти выход из этого дурацкого положения — причем так, чтобы все кости у Битлов остались цены, а лица не превратились в кровавое месиво. Ронни мог потребовать определенного ответа еще до конца вечера. Джон выбрал момент и позвонил мне в «Джек». По его голосу я понял, что он близок к панике.

«Эл, что я тебе сейчас скажу…» Я с трудом слышал его из-за шума, доносившегося снизу: там играл мой Королевский Карибский стил-бэнд. «Говори громче, Джон, тебя не слышно. У нас тут стил-бэнд.» Но и сквозь шум я различил в его голосе панические нотки. Как это было не похоже на смелого Леннона! «Эл! Эл! Слушай! Срочно приходи сюда в Гросвенор. Прямо сейчас. Иначе будет беда. Тут главарь одной шайки заваривает бузу.» «Фи, Джон! С этим ты и сам справишься.» Леннон вырос в суровой атмосфере подростковых драк. «Этот тип хочет стать Битлом.» «Постой, постой. Что ты такое несешь? Кто хочет стать Битлом? Ты про кого?» Первые же его слова мне все объяснили. Я понял: он опять сам нарвался на неприятности, и не где-нибудь, а в Гросвеноре — этом центре мерсисайдского «мачизмо». «Слушай, Эл, это очень серьезно. У нас осталось всего несколько минут игры. Если ты не подоспеешь, этот тип натравит на нас всю свою свору. А у нас тут еще много гигов. Попробуй задобрить его чем-нибудь. Пообещай какую-нибудь работу — ты ведь это умеешь.» Надо вам сказать, что я — не гладиатор. Росту во мне всего пять футов, и я не люблю ввязываться в драки. Мой рост, правда, дает мне одно важное преимущество: когда кто-нибудь хочет дать мне в морду, он несколько раз думает перед этим. И теперь мне тоже не очень хотелось связываться с хулиганом, который напугал самого Леннона. С другой стороны я не мог бросить ребят в беде.

«Черт знает, что происходит! Сначала Томми дезертирует, а теперь ты ищешь приключений на свою жопу. Все это мне очень не нравится, Джон, очень! Тут у меня дела, а вы так меня подводите. Не знаю, смогу ли выручить вас на этот раз.»

На какое-то мгновение мне захотелось бросить БИТЛЗ, раз и навсегда расстаться с ними. Но я не смог: все-таки они были мои друзья, а не просто очередная команда, пытающаяся пробиться. Если бы я отказался им помочь в тот вечер, кто знает, не привезли бы их на наш берег в неузнаваемом виде?

«О'кей, Джон. Ничего не предпринимай до моего приезда. Улыбайтесь и играйте.» «Скорее же — надевай свои коньки. Седлай „ягуара“ и мчи сюда.»

Проклиная все на свете, я прыгнул в «ягуар» и переулками помчался к туннелю через Мерси. По дороге я сбил какого-то пьянчугу, который внезапно бросился под колеса моей машины. Проклятье! Только этого еще не хватало! Я вышел из машины,

посветил себе фонариком и увидел человека, лежавшего на спине. В одной руке он сжимал бутылку дешевого вина, в другой был окурок сигареты. Крови я не увидел. «Жив?» — спросил я. «Ты меня чуть не задавил, мать твою!» — ответила жалкая масса. Я сунул руку в карман и вынул пару шиллингов. «На вот, друг, купи себе выпить.» Он сунул окурок в зубы и протянул дрожащую руку. Я готов был расцеловать проклятого алкаша. Я снова прыгнул в машину и понесся дальше. В туннеле я выжимал, наверное, не меньше ста миль в час. К счастью полиции там не было. Когда я приехал, Битлы уже кончили играть. Я вошел через заднюю дверь. Меня шибануло острым запахом танцзала: пот, алкоголь, табак, дешевая косметика, моча. Битлы собирали свою аппаратуру в окружении суровой шайки тинэйджеров во главе со своим вожаком. Вид у него был злобный. «Привет, ребята!» — крикнул я, силясь выдавить из себя улыбку. Атмосфера была наэлектризованной — я почувствовал это сразу. Леннон представил меня Ронни. «Хэлло!» — бодро сказал я, протягивая руку. Ронни посмотрел на меня сверху вниз. «Ты их босс?» Мою крошечную руку он игнорировал. «Да, я — Алан Уильямс, менеджер БИТЛЗ. Я слышал, ты им помог сегодня?» «Еще как. Я их выручил. Правда, чуваки?» «Правда, правда, — хором промычали Битлы. — Ты нас выручил, Ронни.» «Большое тебе спасибо, Ронни», — сказал я тем тоном, каким говорят с друзьями, хотя передо мной стояла настоящая горилла. «Как ты научился играть на барабанах? — силился я продолжать разговор. — Какое счастье, что ты оказался тут сегодня.» «Вот, вот — счастье. Это точно! Разве не так?» «Да, да. Это просто здорово», — сказал я и покосился на Битлов, складывавших свои вещи. Казалось, они собираются делать это целую вечность. Там был, правда, еще Большой Мак, водитель их микроавтобуса, он же мой вышибала, но что толку от него одного? Эта волчья стая мгновенно растерзала бы его, если бы он только поднял палец, и даже до этого. Шайка Ронни наверняка была хорошо вооружена: почти все парни работали на судоверфи Кэммел Лэрд, где под рукой были все материалы для изготовления таких вещей, как финки, бритвы, цепи, кастеты.

«Ну, пошли, ребята, — сказал я наконец. — Нам пора.» Я помог им перетащить инструменты в автобус. Парни из банды Ронни сновали вокруг, словно голодные тигры, готовые в любую минуту броситься на свою добычу.

«Ну, так что?» — спросил Ронни, опуская свою огромную руку на мое хрупкое плечико. «А что такое?» Битлы уже садились в машину, неужели драки не избежать? «Как что? Ты — их менеджер, сам сказал.»

Ронни приблизил свою огромную квадратную голову к моему лицу. У него были налитые кровью выпученные глаза, сверкавшие безумной животной усмешкой. От него разило каким-то мерзким пойлом. Я не выдержал и отпрянул от него с отвращением. Он схватил меня за руку. Кровь как будто перестала бежать по моим жилам.

«Так что — берешь меня?» «Кем? Ударником?» Мне вдруг страшно захотелось заорать что-нибудь, вроде: «Иди на хуй, ты, мерзкая обезьяна!» и броситься к машине. И хорошо, что я сдержался, иначе Ронни одним ударом свалил бы меня, как удирающую антилопу. «Слушай, — сказал я, занося одну ногу в автомобиль. — Ты знаешь — у нас есть ударник, Томми Мур. Сегодня его не было. Что будет дальше — неизвестно. Может, он еще вернется. Он — такой же рабочий парень, как и ты», — добавил я, уповая на его классовые чувства. «Не думай, что мы неблагодарные, — продолжал я, надеясь, что может быть, удастся унести отсюда ноги подобру-поздорову. — Знаешь, что: на той неделе БИТЛЗ опять тут играют. Если к тому времени мы не найдем ударника, то возьмем тебя. Ну, как?»

Это со страху я сморозил такую глупость. Один из парней постукивал по капоту каким-то металлическим предметом: ему явно не терпелось пустить его в ход. «Ну, ладно», — сказал Ронни. Он махнул рукой, милостиво отпуская нас со своей территории. Я нырнул в машину.

«Бай, бай, Ронни!» — крикнули мы, ликуя, что так дешево отделались. «Еще увидимся», — пообещал он.

«Ну, повезло нам сегодня! — говорил Пол по дороге домой. — Еле вырвались. Этот тип ест людей за ужином.» Джордж: «Какой из него ударник? Он и сам это знает. Ему просто хотелось разнести эту кухню вдребезги. Она, бедная, еле выдержала.» Стюарт: «Эл, ты нас просто спас. Мы тебе этого не забудем. Правда, друзья?» «Конечно, не забудем.» «Никогда.» «Ты — герой, Эл.» «Я думал, ты не приедешь», — сказал Джон. «Что? Оставить вас в беде? Я думал, ты меня лучше знаешь, Джон.» Стюарт: «Что за неподходящее имя для такой сволочи — Ронни. А у него, наверное, есть милая добрая мамочка, которая его обожает.» «Сомневаюсь, — сказал Пол. — У таких типов не бывает мамочек. Их высекают из гранита.» Мы рассмеялись. Потом мне в голову пришла одна мысль. «Ребята! Я понимаю — вечер был трудный, мы все чертовски устали, — и все-таки, не сделать ли нам еще один заход — попытаться уговорить Томми?» Битлы недовольно заворчали. После такого нервного вечера им хотелось поскорее очутиться в уютном, теплом «Джеке», выпить горячего кофе и съесть любимый бутерброд с ветчиной. «Побойся бога, Эл.

Мы же устали.» «Отказать!» «Хрен с ним, с Томми!» «Ребята, будьте благоразумны. Томми — отличный ударник. Где вы найдете лучше? То-то же.» Они задумались. Я повернул в сторону Гарстонского завода. Возражений не было. «Дадим ему последний шанс, — сказал Джон. — Если сегодня этот скот не поедет с нами — все! Расстанемся навсегда и будем искать другого стукача. Не будем же мы без конца ездить на этот дурацкий завод и умолять Томми вернуться. У нас тоже есть гордость.» Все одобрительно закивали. Я тоже согласился, что это — в последний раз.

Мы дали Томми последний шанс, но он был тверд, как сказал. Он стоял перед нами, с чумазым лицом, отрабатывая последние часы своей смены, где-то около полуночи, и твердил: «Нет, ребята, это все. Это окончательно.» Но никто не собирался его больше упрашивать. «Ну, хорошо, — сказал я. — В понедельник мой карибский стил-бэнд отдыхает, тебе это известно.» В этот день Битлы играли вместо них за 8-10 фунтов. «Да, известно. Так что?» «Приходи поиграть в последний раз. Всего один вечер. Придешь?» «Ну, ладно, — нехотя выдавил из себя Томми. — Только на один вечер — и все. Извините меня, но я эту жизнь бросаю.» Мы уехали.

В понедельник Томми действительно пришел и играл с БИТЛЗ — в последний раз. В тот день он в последний раз видел свою дорогую установку. До сего дня он не знает, что с ней сталось. Недавно я встретил его в Ливерпуле. «Алан, что стало с моей кухней?» «Не знаю, Томми. Не имею понятия.» Он сказал мне, что уже гораздо позже, когда БИТЛЗ были в зените славы, он снова вспомнил о своей «кухне» и спросил у них о ее судьбе. Но «кухня» пропала без следа. Томми заговорил о той женщине, которая оторвала его от БИТЛЗ и от славы в тот вечер: «Мы давно расстались. Да мы никогда не были женаты. Я часто напоминал ей, какая она сука, что погубила мою карьеру. Я даже давал ей по шее за это.»

С Ронни у нас больше не было проблем: через несколько дней после того злополучного вечера власти закрыли «Гросвенор» по требованию жителей близлежащих домов, которые жаловались на шум и драки. Где ты сейчас, Ронни? Держу пари, ты до сих пор хвастаешь тем, что однажды был Битлом!

Глава десятая
Сначала драка, танцы потом

Годы, о которых я пишу, были эрой Билла Хэйли, «Rock Around The Clock» и «Джунглей школьных досок». Рок-н-ролл был синонимом насилия. Я, со своей стороны, считаю, что рок-н-ролл действительно порождал беспорядки. Эта музыка сплачивала людей потенциально склонных к насилию. Атмосфера крошечных танцевальных залов, разбросанных по всему Мерсисайду, где играли группы, была насыщена откровенным сексом и грубыми эмоциями. Рок-н-ролл служил катализатором: малейшая провокация — начинались кровавые драки, поножовщина. Жертвами частенько оказывались и ребята из групп. Местные парни, озлобленные тем, что их подруги весь вечер кидались на участников групп, устраивали засаду. Самым опасным для групп был тот отрезок времени, когда они покидали сцену и направлялись к своим автобусам. Девочкам музыканты представлялись существами особыми, экзотическими. Они их возбуждали. Нередко девочки 14–15 лет прыгали к музыкантам в автобус на «сеанс секса» перед тем, как те уезжали назад в город. Им нужен был секс именно в этот момент — с любым членом группы или со всеми по очереди.

Именно в один из таких вечеров Стюарт Сатклифф получил увечье, которое, как я убежден, ускорило его смерть. На него напали, и он получил сильный удар в голову. После этого он жаловался на сильные головные боли. Если бы не тот жестокий удар носком сапога в голову, Стюарт и сейчас был бы с нами — как один из выдающихся художников мира.

Времена были поистине жестокие. Взять, например, Гарстон-Бас — там на танцах творилось такое, что волосы становились дыбом. Вообще Гарстон — один из самых хулиганских районов Ливерпуля. Полиция редко появлялась там. Она рассуждала так: лучше всего было бы взорвать весь этот район, но раз нельзя, то оставим их в покое; может быть, они сами перережут друг другу глотки, и тогда настанет спокойствие.

В Гарстон-Басе существовали специальные отряды вышибал, вооруженных тяжелыми деревянными дубинками. Тинейджеры, приходившие туда, не считались клиентами. Их считали врагами, и так оно и было. Они были вооружены, подразделись на отряды, имели своих генералов, лейтенантов и простых солдат. Приходя на танцы, они были тактически подготовлены не хуже «зеленых беретов», совершающих налет на вражескую территорию. Танцы

были на втором плане, а на первом всегда были драки.

Я наблюдал одно такое побоище. Банду под названием «Тигры» не пустили в зал за то, что один из ее членов в припадке мальчишеского энтузиазма разбил окно, швырнув в него урной. Тогда другая банда, «Танки», обязалась провести «Тигров» в зал. «Тигры» не хотели танцевать или даже просто трепаться с девчонками. Они не хотели даже слушать музыку. Они просто хотели попасть внутрь — потому что их туда не пускали. Явились «Танки», купили билеты и даже сотворили несколько па со своими подружками. Вышибалы немножко успокоились, хотя знали, что им еще придется сегодня иметь дело с «Тиграми», когда те попытаются прорваться. У входа показались «Тигры», вооруженные велосипедными цепями, дубинками, ножами и бритвами. На многих были сапоги со стальными носками. Они ринулись в проход с воинственными криками, словно отряд краснокожих. Вышибалы выдержали первую волну атаки. Но тут сзади на них ринулись «Танки». Девицы с визгом бросились в стороны, уступая им дорогу. Увидев, что их предали, и враг оказался у них в тылу, вышибалы повернулись лицом к новому врагу, и началась тотальная кровавая бойня. Я наблюдал за битвой, стоя в дверях гардеробной. Моя ливерпульско-валлийская головка была низко опущена, я весь сжался в комок, стараясь казаться незаметным. Этим ребятам было лет по 14–16, но они все были крепкие, как молодые дубы. Атакуемые со всех сторон, вышибалы работали дубинками. Ребята вытащили свои орудия, и кровь потекла.

И сейчас в моих ушах стоит хруст от удара кожаных сапог по костям и неприятный звонкий щелчок от удара дубинки по черепу. Я вижу яркие мазки хлещущей крови. Вот один парень, вернее, совсем еще пацан, бросается на вышибалу с ножом. Тот взмахивает дубинкой, и парень падает. Кровь, хлещущая из перебитого носа, заливает ему все лицо. Два парня бросаются к нему и выволакивают своего павшего товарища из этой бучи в безопасное место.

«Тигры» и «Танки» на этот раз проиграли. Вышибалы обратили их в бегство. Они победили, но и им пришлось не сладко.

«Иисусе! — восклицает один из победителей. — Это не дети, это какие-то монстры. Что из них выйдет, когда они подрастут?» Действительно, что? Если, конечно, им повезет, и они доживут до зрелых лет.

Я вышел на улицу. Дальше, вниз по улице, я увидел группу ребят. У них был такой вид, что сомнений не было: они участвовали в баталии. Я перешел на другую сторону и

направился к своей машине. Сунул ключ в дверцу, и тут услышал чей-то голос. Беда. Надо сматываться. Прыгнуть в машину и удирать. Но почему-то я решил не спешить. Я обернулся. На той стороне улицы один из тех парней смотрел прямо на меня.

«Мистер! Вы можете подойти сюда на минутку?» «А в чем дело?» — спросил я. Я не хотел ни во что ввязываться — типичная реакция городского жителя. Я перешел на ту сторону. Там, у фонарного столба, лежал мальчик лет 14. Длинные светлые волосы, ангельские черты лица. Свет падал на его гладкую, чистую кожу. «Что случилось?» «Мы не знаем, — ответил тот, что позвал меня. — А вы как думаете, мистер?» «Тяжелое состояние, — сказал я. — Он без сознания. Ведите его в больницу.» «Нет, — сказал вожак. — Легавые только и ждут, чтобы записать наши фамилии.» Я присел на корточки и осторожно повернул к себе голову юноши. Мои пальцы ощутили что-то теплое и липкое на затылке. Посмотрев внимательнее, я обнаружил глубокую зияющую рану в нижней части черепа. «Давайте-ка перетащим его в мою машину, — сказал я. — Я отвезу его в больницу. Рана очень серьезная.» «Я уже вам сказал, мистер: мы не ходим около больниц», — сказал лидер. «Тогда ничем не могу помочь, — сказал я. — В медицине я ничего не смыслю. Парню нужна квалифицированная помощь. Он может умереть. У него, по-видимому, повреждение мозга.» «О'кей, мистер. Если не можете помочь, езжайте себе. Спасибо. О'кей?» Мне не хотелось оставлять юношу там, но что я мог сделать? Вожак мне приказал уходить. Если я не подчинюсь, мое тело завтра утром найдут здесь же, под фонарем.

«О'кей, желаю удачи!» — сказал я, пошел к своей машине и завел мотор. Они внимательно наблюдали за мной. Я отъехал. Проехав один квартал, я свернул в сторону, сделал крюк и вернулся назад с другой стороны: мне хотелось посмотреть, что они будут делать дальше. Они положили тело своего товарища на какую-то широкую доску и несли его так по улице. Это напоминало похоронную процессию.

На другой день, просматривая газеты, я думал найти там что-нибудь о вчерашней баталии или сообщение о том, что кто-то — скажем, 14-летний юноша, — умер в больнице от ран. Ничего. Странные, обреченные ребята. В них было что-то классически героическое. Конечно, это была шпана. Но у них был свой кодекс поведения. Жестокий, но свой.

Глава одиннадцатая
Я, Вуди и нечто, совсем не похожее на «Ритц»

В провинции начали открываться стриптиз-клубы. В Манчестере их уже было несколько, а в Ливерпуле не было пока ни одного. Я подумал, что смогу на этом заработать, и стал наводить справки, как бы мне повыгоднее вступить в это дело. Не хочу сказать, что горжусь тем, что был в этом бизнесе, но и стыдиться этого не вижу оснований.

В партнеры я выбрал себе своего хорошего друга, вест-индийца по прозвищу Лорд Вудбайн. У себя на родине, когда он был певцом в стиле калипсо, он всегда курил самые дешевые сигареты марки «Вудбайн» («жимолость»), отсюда и прозвище. Но я, как и все друзья, называл его просто Вуди. Вуди был и есть хороший человек, умный, веселый, беззаботный. Мне нравятся люди из Вест-Индии. Они неистощимы на веселые выдумки, дружелюбны и работящи.

Вуди уже давно работал в кабаках, чаще всего барменом. Он был так популярен, что, когда переходил в какой-нибудь другой бар, клиентура переходила туда вслед за ним. Он всегда держал при себе, под прилавком, абордажную саблю, и если клиент начинал заводиться, Вуди доставал эту саблю и принимался размахивать ею перед носом смутьяна. Это действовало. Вообще-то Вуди и мухи не обидел за свою жизнь, так что сабля была так, для видимости. Но «видимость» эта была весьма эффективной. Мы открыли кабак в районе Ливерпуль-8 и назвали его «Артисты нового кабаре». Звучит классно, но в действительности, это был обычный затхлый погребок в полуподвале террасного дома.[1] Каждый второй дом на этой улице был либо кабаком, либо публичным домом. Жизнь здесь была легкая и свободная. Черные и белые жили бок о бок почти в идеальной гармонии. Никто не знал таких слов, как «белая» или «черная шваль», «ниггер» или «уайти» («беляк»). Сейчас там совсем не так. После массовых переселений все изменилось к худшему. Белым теперь там опасно появляться. По обеим сторонам цветного барьера — атмосфера подозрительности и напряженности. Очень, очень жаль. А ведь когда-то расовые перегородки здесь были очень хрупкими. Все были одинакового цвета — можно сказать, кофейного, — в переносном смысле, конечно.

Дела нашего клуба сразу пошли блестяще. Усталым и не

очень еще усталым людям были нужны развлечения как раз такого рода. Спустившись по каменным ступенькам и открыв дверь, вы оказывались прямо перед столом, который служил кассой. Вы платите вступительный взнос и получаете билет-удостоверение полноправного члена клуба. Разумеется, надо было заплатить еще 10 шиллингов за вход (по нынешнему курсу, это 50 пенсов). Дальше, за столом, были вешалки для пальто, но многие посетители по причинам, о которых я скажу ниже, предпочитали не раздеваться.

Справа, в главном помещении (размером с носовой платок), находился бар всего шесть футов длиной. Мы с Вуди соорудили полки для напитков, а больше там ничего не было, кроме кассы да нескольких цветных лампочек.

Стены бара были грязно-серого цвета. Полдюжины маленьких круглых столиков и кривоногие стулья — вот и вся обстановка. Да, до «Ритца»[2] нашему заведению было очень, очень далеко.

Большинство наших клиентов были людьми в грязных дождевых плащах из тех, кто шляется по паркам и пристает к девочкам. Но среди посетителей было и немало денежных людей, бизнесменов. Воспламененные ляжками своих секретарш, они приезжали сюда из центра. Они возбуждались, глядя на наших девочек, а потом шли в «Ливерпуль-8» в поисках проституток. А типы в грязных плащах получали свое удовольствие, занимаясь онанизмом в разгар шоу. Живи и давай жить другим. Срывай свои цветы, где только можешь.

Девочки у нас были крепкие и здоровые, чаще всего из продавщиц, искавших работу поинтереснее, и из домохозяек, которые хотели быстро заработать добавочные шиллинги на свои покупки. Но были у нас и профессиональные «стрипперы» из Манчестера. Первое время было очень забавно наблюдать за тем, как онанисты ловят свой кайф. Я видел, как их руки, скрытые под полами плащей, ходят вверх-вниз. Их истасканные, испитые лица в отблеске огней со сцены были отвратительны. Девицы-стрипперы медленно раздевались под музыку. Многие из мужчин откладывали свои оргазмы до того момента, когда девица на сцене наконец снимала с себя последнюю деталь одежды — трусики или набедренную повязку. И тут можно было ясно расслышать коллективный стон-вздох эякулирующей публики. Потом люди вынимали свои запачканные руки из-под плащей и хлопали девицам. Я не знал, смеяться или плакать. Что за способ получать удовольствие! Сцена, на которой девицы раздевались, была 7 на 7 футов, и им приходилось внимательно следить за тем, чтобы не сойти с нее. То и дело кто-нибудь из пьяных зрителей пытался облапить девицу, если она подходила слишком

близко. В такие моменты Вуди бросался между девицей и ее чересчур пылким поклонником. «Убери руки!» — кричал он. Но большая часть публики предпочитала, чтобы девицы стояли подальше, вне предела досягаемости — в таком случае они могли свободно предаваться своим причудливым фантазиям. Девицы были самого разного возраста — от 18 до 30. После 30 у них появлялись морщины, и это не нравилось моим клиентам. Они любили молоденьких. Чем моложе, тем лучше. Все это приносило хороший доход, но мне самому не доставляло никакого морального удовлетворения.

Вскоре после нашего разговора на том памятном бале-маскараде Стюарт устроился на временную работу мусорщиком в Хайтоне, на окраине Ливерпуля. Его работа состояла в том, чтобы обходить квартиры, взваливать мусорные баки на плечи и пересыпать их содержимое на грузовик: тяжелая, грязная, неприятная работа. Он получал за нее всего несколько шиллингов, но не деньги заставляли его заниматься этим. Когда я спросил, какого черта он выбрал себе такую работу, он ответил: «Я знакомлюсь с простыми людьми, Эл. Они выходят из своих крохотных мирков, чтобы поболтать и пошутить со мной. Среди них много интересных людей. У многих нет ни гроша, но как они веселы, ты бы видел! Мне нравится это. Работа грязная, это верно, но зато я общаюсь с настоящими людьми, и это меня волнует, Алан.» Когда остальные Битлы узнали про новую работу Стюарта, они принялись подшучивать над ним: когда он был с ними, они прыгали в пустые мусорные баки и выпрыгивали из них. У меня было несколько фотографий с такими выходками, но они давно утеряны. В этот период Стюарт нарисовал много великолепных портретов людей, встреченных им во время этих мусорных рейдов. Портреты эти были гротескными и очень яркими. С трудом верилось, что их нарисовал такой молодой человек. Не удивительно, что после смерти он превратился в кумира почти Джеймс-Диновского калибра.

В это время у БИТЛЗ не было ударника. На Томми Муре можно было поставить крест на ближайшие десять лет: он был «похоронен» на бутылочном заводе. Ребята околачивались в «Джеке», а я усердно искал замену Томми. В «Джеке» мы вели примерно такие разговоры:

Джордж: «Эл, неужели ничего нельзя сделать? Мы ведь только-только начали, и…» Джон: «Хорошо тебе: идешь в свой секс-клуб и глядишь на этих онанистов. А нам каково?» Пол: «А если сходить на биржу труда? Может, у них в списках есть какой-нибудь безработный ударник?»

Такие разговоры веселили ребят, и на какое-то время их

покидали мрачные мысли.

Джордж: «Может, нас выручит какой-нибудь карибский стил-бэнд?» «Ничего, ничего, ребята. Все будет хорошо. Вот увидите. Что-нибудь или кто-нибудь подвернется. В этом огромном городе не может не быть ударника, мечтающего о том, чтобы играть с великими, единственными в своем роде БИТЛЗ.» «Йе, — бурчали они, — йе…» «Ну ладно, ребята, мне надо в стрип-клуб. Сегодня я прослушиваю новую девочку.» Они радостно загалдели. «Ух, — воскликнул Леннон, — а можно, я пойду и помогу тебе, Алан?» «Нет, спасибо. Помощь ей не нужна, ей нужна работа. Пока!»

Новая девушка была из Манчестера. Ее звали Ширли, и у нее был гигантский бюст. По контрасту, талия ее была совсем тоненькой: во всяком случае, таких я еще не видел на девушках ее пропорций. У нее была фигура со, что называется, «осиной талией»: викторианские женщины добивались такой талии с помощью корсетов из пластин, сделанных из китового уса, а также с помощью максимальной мобилизации силы воли. В то утро мы с ней были в клубе одни. Ширли мне рекомендовал один друг, владелец клуба в Манчестере. Он предупредил, что она согласна выступать только в сопровождении «живого» ансамбля.

«Живой бэнд в нашем клубе? Ты шутишь. Если мы пригласим бэнд, то не будет места для клиентов. У нас ведь не „Савой“,[3] а просто погребок.» Надеюсь, она представляет, куда хочет поступить. «Алан, парниша, все будет отменно.» Так они говорят, эти старички-манчестерцы. Для них все — «парниши», и всё у них всегда «отменно» и «изрядно». Хорошие люди, эти манчестерцы. Из них получаются верные друзья, приятели до гробовой доски.

Ширли стояла передо мной в пустынном стрип-клубе. «О'кей, — сказал я, беря рахитичный стул и ставя его прямо перед сценой. — Иди на сцену и раздевайся. Делай это, как хочешь, только посексуальней и пожизненней: здесь так любят.»

Ширли исполнила все, как надо. Она разделась до пояса. Груди ее были огромными, но не отвислыми. Бюстгальтер она могла бы вообще выкинуть. Остальное все в ней было тоже идеально. Да, вреда от нее нам не будет, это ясно. Конечно, она может свести кого-то с ума, но это уже не моя забота. Где-то в середине своего «акта» она вдруг сказала: «С музыкой у меня получится еще лучше». Вот оно: сейчас она скажет про биг-бэнд. «У нас есть проигрыватель. Другим девчонкам это подходит.» «Но я привыкла работать с бэндом. С бэндом мне лучше работается.» «Господи! — вскричал я. — Да ты погляди вокруг себя! Где тут разместить твой бэнд? Я уже говорил твоему боссу: если взять бэнд, то негде будет публику усадить.» «Да?» Я не хотел ссориться с Ширли. Я был в восторге от ее «акта». В своем деле она была

звездой. Одевшись, она попросила рому с кока-колой. Я сходил в бар и налил ей стаканчик. «А ты разве не составишь мне компанию?» «Нет, мне еще рано. Я выпью коку.» «Слушай, Алан, ты должен понять…» Вот оно… «Я не собираюсь выходить и раздеваться под идиотские пластинки. Я говорила Берту: мне нужен живой бэнд, без него я не согласна. И что же? Я прихожу в эту грязную дыру и не вижу никакого бэнда. Что все это значит?» Ну вот, наконец все точки над «i». «Господи! Ты что, не в своем уме? Погляди вокруг. Куда ты сунешь бэнд, а, глупая ты корова?!» По этим словам вы можете понять, что наш разговор принял уже самый непринужденный характер. Ширли залпом выпила свой ром. Когда она запрокинула голову, груди ее высунулись, как вагонные буфера. Да, хороша. Ей-богу, хороша. Мне как раз не достает такой. Она затмевала всех остальных моих девочек. В те годы стрип-бизнес был еще не так развит, и нам не приходилось особенно выбирать. «Ну, так вот, — сказала Ширли, — нет бэнда — нет и стрипа. Понял?» «Можно подумать, что ты — Цыганка Роза.» «Брось, Алан, свои штучки. У меня есть гордость, в конце концов.» «Да, этого у тебя не отнимешь.»

В этот момент я вспомнил о Битлах, которые вертятся в «Джеке» ни черта не делая, а только жирея на моих бутербродах с ветчиной. Пожалуй, они обойдутся без ударника, если будут делать бэкинг для Ширли. Разве кто-то будет смотреть на бэнд, когда Ширли будет демонстрировать свои прелести? «Хорошо, Ширли, предоставь это мне. Я постараюсь достать бэнд.» «Что значит „постараюсь“? Мне нужен определенный ответ.» «О'кей, о'кей. Я достану тебе бэнд. Обещаю.»

Она подняла свою парусиновую сумку и вышла. Я смотрел ей вслед. Она была потрясающей — с какой стороны не посмотри. Согласятся ли Битлы? Захотят ли играть в этой дыре? А разве они не играли в местах похуже?

Я вернулся в «Джек». Ребята все еще сидели там. Я начал издалека: «Кофе для БИТЛЗ за мой счет!» Я подсел к ребятам. Стюарт уже был с ними. От него разило помоями. «Ну и несет же от тебя, Стюарт! Что за дурацкая у тебя работа», — сказал кто-то из Битлов. Стюарт смущенно заерзал на стуле, а Леннон подбросил дровишек в огонь: «Стюарт, с помойным ведром на шее ты не познакомишься с лучшими людьми!»

Я перевел разговор на другую тему: «Ребята, давайте взглянем фактам в лицо. Сейчас у вас нет гигов, ударника тоже нет. Так?» «Так.» «Верно говоришь, Эл.» «Ну так вот; я предлагаю вам легкую работенку в стрип-клубе.» «В стрип-клубе?» — переспросил Джордж. «Нет уж, спасибо», — сказал Джон. «Алан…», — сказал Стюарт, не веря своим ушам. «Нет, нет, я не

шучу. У меня новый стриппер, она — нечто особенное.» «Особенное? Как это?» «Я думал, все стрипперы особенные.» «Что в ней особенного? У нее три титьки?» «Две головы?» «Ну, ладно, не будем шутить, ребята. Послушайте меня. Вы неплохо заработаете. От вас требуется вот что: по вечерам приходить в „Новое Кабаре“ и играть два отделения по 20 минут за 10 шиллингов.»

Ну вот, я им все и выложил. Скинул тяжесть с сердца. Они меня еще не линчевали. «Десять шиллингов?» «Проклятый мошенник…» «Играть в стрип-клубе…»

Идея им не понравилась. Но я решил во что бы то ни стало убедить их. Я думал о Ширли. О бизнесе, который развернется благодаря ей. Безумные онанисты из «Ливерпуля-8» проложат путь ко всегда открытым дверям «Нового Кабаре». Я разбогатею. «Не ломайтесь. А что вы собираетесь делать? Ведь у вас нет ударника.» Я напирал на это, — сильнейший довод.

«Неужели нам придется согласиться?» — говорил Пол. «Мы не обязаны делать то, что нам не нравится», — говорил Леннон. «Вот до чего мы докатились!» — говорил Стюарт.

«Ничего страшного. В мире бывает и пострашней», — говорил Джордж. Так говорят в Ливерпуле, когда успокаивают себя. Им было мало 10 шиллингов на брата. «Ничего, на бутерброды и сигареты хватит, — убеждал я. — А что вы хотите: сразу „Карнеги-Холл“?» «Вот что, — сказал Стюарт, — дай нам по фунту на брата.» «По фунту? — я аж запыхтел. — Ты что, сдурел? Вы не стоите этого. Шиш вам! За что так много?» «За унижение! — сказал Пол. — За одно только унижение, вот за что, Алан. Скоро дойдет до того, что мы станем играть на Лайм-стрит, развлекая очередь в кассу кинотеатра.» «О'кей, — сказал я, — я постараюсь выбить вам фунт: нужно еще согласие Лорда Вудбайна, моего партнера.»

Я пошел к Вуди. Он жил недалеко от «Джека». Был час дня. Я постучал в дверь его квартиры. В ответ послышалось недовольное ворчание. Я открыл дверь и вошел. Лорд Вудбайн был еще в постели. Он поднял свой торс и сел. Сквозь щель шторы пробивался луч света и освещал его великолепный шоколадный торс.

«Вставай, вставай, — сказал я бодрым тоном. — Это тебе не Карибы. Вставай! Нам надо принять важное финансовое решение.» «Какое решение? — проворчал Лорд Вудбайн, протирая сонные глаза. — Я заснул только под утро.»

Я присел на краешек мятой постели. Лорд Вудбайн был очень активным и очень мужественным цветным джентльменом. Под одеялом что-то зашевелилось: там был еще кто-то.

«Не обращай внимания, — сказал Вуди, похлопывая кого-то через одеяло. — Выкладывай. Что случилось?» Когда я ему все выложил, он зажег сигарету, глубоко затянулся и сказал: «Что ей бэнд? Она разве поет? Ее дело — снимать свои шмотки и трясти титьками. Что она из себя воображает?» «Мне не удалось переубедить ее.» «Ну и пошли ее к чертям. Обойдемся и без нее.» «Но у нее потрясная фигура, Вуди. Она привлечет много клиентов.» Потом я рассказал ему про БИТЛЗ. «БИТЛЗ? Какая-то рок-н-ролльная группа? Да и вообще: где они будут играть? Там нет места.» «Можно попробовать, Вуди. Игра стоит свеч. Я обещал им по 10 шиллингов за вечер.» «Ну и зря. Тогда мы вылетим в трубу.» Лорд Вудбайн всегда был осторожен с деньгами. «Вообще-то они хотят по фунту.» «Фунту?» Казалось, Лорда хватит удар. Вуди был неприклонен: БИТЛЗ, говорил он, не стоят больше 10 шиллингов. «Господи, да кто о них слышал, об этих БИТЛЗ?» «Это не важно, Вуди. Нужен бэнд, иначе мы потеряем эту бесподобную девицу.» «О'кей, Алан. Пусть будет по 10 шиллингов. Проклятые грабители! Из-за них мы обанкротимся, вот увидишь.» Лорд Вудбайн любил раздувать любой пустяк до драматических пропорций. «О'кей, Вуди, я пошел», — сказал я, похлопывая кого-то, кто лежал рядом с Вуди.

В «Джеке» Битлы ждали нашего решения. «Мне очень жаль, ребята, но Вуди согласился только на 10 шиллингов.»

«Проклятый грабитель!» «Мы отказываемся.» «Эксплуататор!» «Это лучше, чем ничего.»

Им волей-неволей пришлось согласиться. Но взамен они взяли с меня слово, что в ближайшее время я устрою им приличный гиг.

Я помог им перенести инструменты в «Новое Кабаре». Они там раньше не бывали. Их встретило мрачное пустое помещение с запахом мочи, шедшим из мужского туалета. На полу валялись вдавленные окурки, на столах красовались пятна от пролитой выпивки. В баре из неисправного крана текла вода. На улице мимо прошел грузовик, и наш погребок как будто встряхнуло. Занавес позади сцены весь обтрепался и просился в химчистку. Под навесом, служившим комнатой для переодевания, на стуле валялись выкинутые кем-то женские трусики.

«Да, Алан, мы добились большого, чертовски большого прогресса.» Это сказал Пол. Я знаю, что он имел ввиду. «Ну, ничего. Мы молоды, у нас все впереди». Я посмотрел на Битлов: они верили в себя, верили в свою музыку, и вот теперь я привел их в это нелепое место сексуальных фантазий. Они были явно удручены. «Ничего, ребята, это ведь не навсегда, — сказал я, стараясь казаться веселым. — Считайте это очередным

жизненным опытом.» «Без некоторых опытов вполне можно обойтись.» «Например, без этого…» «Что за дыра!» «Ну, ладно, давайте ставить аппаратуру.»

Ширли очень обрадовалась. Она была в восторге от Битлов. «Кто этот красавчик со скуластым лицом?» — спросила она, показывая на Джорджа, который, стоя у бара, пил апельсиновый сок. Я уже представил ей всех Битлов, но она не могла запомнить, кого как зовут. «Это Джордж, — пояснил я, — Джордж Харрисон. Хороший мальчик, но он слишком молод для тебя, Ширли. Не приставай к нему.» «Он такой аппетитный», — сказала она, неприлично чмокая своими толстыми пухлыми губами. «Он слишком юн для тебя», — повторил я. «Ничего не бывает слишком», — возразила она, пожирая глазами Джорджа, пытавшегося укрыться за своим стаканом. «Если мальчик достаточно большой, то он достаточно взрослый», — отчеканила она, словно произнося какой-то афоризм. Пол взялся играть на ударных, и ребята исполняли медленные вещи, вроде «Summertime» и «Begin To Beguine», а однажды сыграли даже «It's A Long Way To Tipperary». Впрочем, репертуар тут был совсем не важен: Ширли радовалась, что у нее есть свой бэнд, а посетители радовались, что у них есть Ширли. Все были счастливы… кроме БИТЛЗ.

Ширли выходила на сцену дважды за вечер. Битлов было едва видно. Глаза у ребят выкатывались из орбит, когда возле них возникало это видение идеальной женственности. Очень часто их музыка затихала почти до шепота или кончалась в каком-то хаосе звуков — когда возбуждение достигало предела. Когда играешь «It's A Long Way To Tipperary», а перед твоим носом вертится кусок женской плоти, то, смею вас уверить, в тебе кое-что поднимается (я имею в виду буквальный смысл сего слова). Ширли выступала у нас всего одну неделю, но успела оставить о себе незабываемую славу. Битлам же не очень нравилась такая работа, несмотря на бесплатное секс-шоу. А многим постоянным клиентам не нравилось присутствие бэнда: оно мешало им вволю предаваться своим фантазиям. Один из таких клиентов отозвал меня однажды в сторону (был как раз перерыв).

«Послушай, Алан», — сказал он, беря меня под руку. Я постарался тут же высвободиться из его непрошенных объятий: не люблю, когда эти люди «вяжут на интим». «В чем дело?» «Дело вот в чем. Ты меня знаешь, Алан…» Мне не нравилась эта фамильярность. Да, я обслуживаю этих людей, но называть меня вот так запросто по имени — это уж слишком. «Я никому не мешаю. Прихожу сюда поймать свой маленький кайф… ну, ты знаешь…» «Ну, и что дальше?» «Эти ребята, БИТЛЗ…» Куда он

клонит, этот старый развратник? У не положил ли он глаз на моих ребят? Я оскалился: «Здесь мы не допускаем ничего подобного. У нас респектабельный стрип-клуб…» Он не понял меня. «Они отвлекают меня, Алан…» И он продолжал, придвигаясь ко мне совсем близко: «Я не могу сосредоточиться на шоу. Они бацают свою музыку в тот момент, когда я стараюсь сосредоточиться на красивой девочке. Они шумят. Здесь ведь не танцзал какой-нибудь, а стриптиз-клуб. Сделай что-нибудь, Алан. Нам не нужны эти БИТЛЗ. Наверное, они хорошие ребята, но не в духе этого заведения.» «Не волнуйся, старый член, — он вздрогнул, услышав такой термин. — Их скоро не будет. На той неделе все станет, как раньше.» «Ах, спасибо, Алан. Слава богу…»

Шоу возобновилось. БИТЛЗ ударили по струнам и как-то лениво начали «Ain't She Sweet». Ширли снова вышла на сцену. Мне будет жаль расстаться с ней, подумал я. Она немного встряхнула это заведение. После шоу Битлы всегда подсаживались к нам с Вуди и опрокидывали по несколько стаканчиков виски с кока-колой. Подзарядившись, они начинали играть настоящий рок — для Лорда Вудбайна и для меня.

«Мы будем дико рады, когда все это кончится, Алан.» «Ну, ладно, расхныкались. Чем это не работа?» «Работа, так ее расперетак…» «Надоело играть это старье…» «Налей-ка нам еще виски, господин лорд, ваша светлость…» «Какая гадкая публика, эти старички, — сказал Леннон. — Странно, что ты, Алан, заведуешь таким местом. Я думал, ты респектабельный человек.» «Ты не очень-то болтай про это, Джон. Я не хочу, чтобы все узнали…» «Да? А почему? Тебе стыдно?» «Я просто хочу скопить денег, а сами эти дела мне совсем не по душе. Ты меня осуждаешь, Джон?» «Да нет. Сам я не хотел бы быть на твоем месте. Но жить как-то надо…» В последний свой вечер Ширли превзошла самое себя. В те годы стрипперы еще не делали имитаций полового акта, которые потом стали обычными, так что Ширли была пионером в этой области. Свое последнее выступление она завершила имитацией полового акта… с полом. Публика ничего подобного раньше не видела. Может быть, это испортило им все удовольствие, потому что они сами любили выдумывать свои фантазии, так что Ширли зашла слишком далеко. Один клиент не выдержал и бросился к Ширли, но тут на его пути вырос могучий Лорд Вудбайн. Началась возня среди столов и стульев, стаканы и бутылки падали на пол, осколки летели на пол и во все стороны. Наконец, Вуди прижал сексуального маньяка к стойке бара — там он прятал абордажную саблю. Потом он на секунду освободил этого типа, метнулся за стойку (все это время Ширли стонала и хрипела в пароксизме

притворной страсти) и снова выскочил уже с саблей в руке. Тот тип бросился к выходу и, бормоча угрозы по адресу Вуди, скрылся в ночи.

«Ей-богу, Вуди, это опасный тип, — сказал я. — Будь осторожен. Похоже, он может вернуться, чтобы отомстить.» «Не-е-е, — протянул Вуди. — Такие типы только болтают языком. Они угрожают, но ничего не делают. Тихих типов — вот кого надо опасаться.» Ширли закончила свой «акт» под гром аплодисментов. Увлеченные необычным зрелищем, многие даже не заметили стычки между Лордом Вудбайном и Обозленным Клиентом.

Дня через два этот тип все-таки вернулся — с револьвером. Я стоял у дверей и раздавал билеты. Вдруг появляется этот тип, глаза его горят. Он просит билет. Я сразу его узнал: рослый, упитанный тип с гладко зачесанными жирными волосами и черными, как у пирата, глазами. На нем был двубортный костюм. Я заметил, что одну руку он держит в кармане пиджака. «А тебе, приятель, нельзя сюда», — сказал я. Он выставил подбородок. «Как это нельзя? В чем дело?» «Ты сам знаешь, в чем. На днях ты здесь буянил, и теперь вход для тебя закрыт.» «Хуйня!» — крикнул он, оттолкнул меня и быстро пошел вперед. «Вуди, берегись!» — крикнул я Лорду Вудбайну, который стоял за стойкой, и бросился к этому типу на плечи, но он сбросил меня с себя, как пушинку. Я упал навзничь. Подняв голову, я увидел, что он вытаскивает что-то из кармана пиджака. Раздались три громких выстрела. Пули попали в бутылки и стаканы, но Вуди успел присесть и не пострадал. «Дверь! Задняя дверь Вуди!» — крикнул я. Эта дверь открывалась на лестницу, которая вела на первый этаж. Маньяк обернулся. Дуло револьвера смотрело прямо на меня (к тому времени я был уже на ногах). «Ах ты, сука!» — прошипел он и нажал на курок. Раздался щелчок. Маньяк с удивлением глядел на свою «пушку». Осечка. Я не верил своему счастью. Этот тип опять вернулся к бару. Все посетители столпились на другом конце комнаты, у сцены, и с поразительным спокойствием взирали на происходящее. Наверное, они думали, что это сцена из какого-то нового представления. Маньяк сделал еще два выстрела в сторону бара («пушка» пришла в себя), а затем, размахивая револьвером, заковылял к выходу. Вскоре мы услышали топот сапог — этот тип поднимался по каменным ступенькам к выходу. «Господа! Представление закончилось!» Я знал, что никто не побежит в полицию. Клиенты стриптиз-клубов готовы брататься с кем угодно, только не с полицией. Ну, а что же Лорд Вудбайн? Я громко окликнул его по имени. Никакого ответа. «Вуди, это я, я зову тебя.» В комнате стояла кромешная тьма. Я не мог видеть

даже свою руку перед глазами, и тем более — своего темнокожего друга. Вдруг я услышал голос Вуди откуда-то сверху: «Это ты, Алан?» «Ну да, я.» Я увидел пару ботинок на уровне своего носа. Они принадлежали Лорду Вудбайну: он стоял на оконном карнизе. Я помог ему спуститься вниз. «Хорошо, что этот гад не полез за мной сюда, Алан. Дальше уже лезть некуда.» И тут нас вдруг охватила страшная дрожь. Шок замедленного действия. Мы вернулись в бар и крепко выпили.

Ширли уехала, и я стал искать новую работу для БИТЛЗ. Я устроил им несколько гигов, но разговоры вращались вокруг одного вопроса: «Алан, когда ты найдешь нам ударника?» А хрен его знает, когда! Не было ударников, и все тут. То ли год был такой, то ли погода, но ударников не было.

Стриптиз надоедал мне все больше. А Лорд Вудбайн был доволен. Он любил поболтать со стрипперами. Мрачная атмосфера клуба никак не отражалась на его жизнерадостности и солнечной вест-индской душе. Господи, почему я не родился вест-индийцем! Они как будто ходят с мешком радости за плечами. Они умеют радоваться жизни. Наверное, потому что с рождения привыкли к жуткой нищете и хуже им не может стать, только лучше.

Вскоре я узнал, что «бизиболи» — легавые, сыщики, полисмены — интересуются моим клубом и даже собираются совершить налет. У меня много было друзей среди «бизиболи». Не хочу сказать, что я кого-то подкупал, — нет, это были просто мои приятели, с которыми я часто поддавал. То я их угощал, то они меня. Никакого подкупа, никаких обязательств. И вот один из «бизиболи» меня вовремя предупредил о предстоящей облаве. Я сказал Вуди: «Пора прикрывать лавочку, шоу окончено. Не будем жалеть — ведь мы кое-что заработали.»

Да и не по душе мне было все это, я уже говорил. Я знал, какое обвинение мне могут предъявить: содержание «непотребного дома» — что-нибудь в этом духе. Меня могли взять на заметку, а этого я хотел меньше всего. Я поблагодарил своего осведомителя, поставил ему бутылку и стал действовать. В местной газете «Ливерпульское эхо» я поместил объявление: «Продается клуб. Большие деловые перспективы для предприимчивого бизнесмена.»

Я не ждал, конечно, что все бизнесмены сразу бросятся к «Новому Кабаре» и у дверей возникнет давка, но уже на другой день после публикации объявления мне нанес визит сам Главный Порнограф города. Главный Порнограф был похож на грушу. Его одежда была вся в пятнах, а из-под пояса выглядывали грязные коричневые подтяжки. Он был старый, толстый и похотливый. От

него несло пороком примерно так, как от живодерни несет запахом крови. Огромная голова, сразу переходящая в туловище, сухая серая кожа с какими-то вмятинами, толстые, влажные, отвислые губы, омерзительный запах изо рта — в общем, меня чуть не вырвало, когда он предстал передо мной.

Он был отвратителен, это правда, зато у него были деньги. Много денег. И он захотел купить «Новое Кабаре» сразу, как только положил на него свои водянистые глазки. Среди прочего, он владел магазином порнографических книг и кинотеатром порнофильмов (который был передвижным: через каждые два-три дня хозяин переводил его на новое место, чтобы избежать неприятностей с полицией). Стриптиз-клуб был как раз по его части. Он мог бы стать еще одним грязным уголком его порноимперии.

И чего это я так обрушился на порнографию? Это ведь одна из форм удовольствия. Наверное, все дело в моем строгом воспитании.

Главный Порнограф не торговался. Он даже не спросил, какой у моего заведения легальный статус. Поэтому мы с Лордом Вудбайном забыли ему сказать, что ищейки напали на след и что со дня на день надо ожидать облавы. Когда мистер Порнограф передал нам деньги, я смог расплатиться с крупными долгами. Я радовался, что избавился от клуба, хотя, говоря по правде, от него у меня осталось немало приятных воспоминаний. Там бывало очень, очень весело.

Лорд Вудбайн, получив свою долю, сразу пошел и купил себе подержанный «кадиллак». Сделав первый взнос, он сел в автомобиль и поехал по городу, сунув в рот большую сигару. И, как всегда, он улыбался. Каждый вечер Вуди припарковывался у «Адельфи», самого шикарного в те годы ливерпульского отеля. Опустив складной верх автомобиля, он сидел там в любую погоду, даже в дождь и снег; пусть все видят великого Лорда Вудбайна! Мистер Большой Успех. Можно было умереть со смеху.

Потом Лорд Вудбайн открыл новый клуб. На этот раз там была только выпивка и девочки. Никакого стриптиза. Просто место, где можно «склеить бабу». Он дал своему заведению пышное название: «Новый Колониальный Клуб Лорда Вудбайна». БИТЛЗ будут там чрезвычайно популярны.

«Новый Колониальный Клуб» находился на Беркли-стрит и был со всех сторон окружен публичными и игорными домами. Беркли-стрит была в то время «центром порока». «Клуб» был местом не из дешевых, но зато без обмана. Вы получали то, за что платили. Это было безопасное место: здесь не было разбойных нападений, жульничества и поножовщины.

В полуподвале «Клуба» размещались танцзал и бар, а наверху — еще один бар. Посетители «Клуба» любили заходить в это заведение, многие из них были бизнесмены, матросы и проститутки. Бизнесмены были по большей части жирными и неудовлетворенными. Поплясав пару минут, они удалялись в ближайшую комнатенку, где заплатив деньги, могли поразвлечься с выбранной девицей. Развлечение это длилось недолго, и уже через несколько минут девица возвращалась в погребок искать нового клиента.

Битлы смотрели на все это с удивлением. Они сидели и играли на своих инструментах в одном конце погребка. Там не было даже маленькой сцены. Лорд Вудбайн платил им два фунта на четверых за день. Пик деловой активности в этом заведении приходился на дневные часы. Окончив работу, Битлы слонялись по клубу, болтали с девицами и сбивали спесь с жирных бизнесменов. Им нравилась веселая атмосфера бара. Бывая там, они воображали себя на Бурбон-стрит в Новом Орлеане. Вечером они играли для меня, а потом снова шли к Вудбайну, где пьянствовали с ним, засиживаясь далеко за полночь. Пили всегда одно и то же: виски с кока-колой. Пили много. Они были в восторге от «Колониального Клуба». Иногда ребята даже ночевали там. Когда уходил последний алкаш и последняя шлюха, когда даже неутомимая Беркли-стрит закрывала на несколько часов свои воспаленные глаза, усталые Битлы укладывались спать прямо на столах или стульях, среди запахов пота и алкоголя, укрывшись одеялами, предоставленными Лордом Вудбайном. Спустя несколько коротких часов, когда первые лучи солнца освещали высокий шпиль Англиканского Собора, смотрящего на серую змейку реки Мерси, все начиналось сначала.

Глава двенадцатая
Эверетт, Отто, Боунз и Слим

С «Джеком» были связаны тысячи разных интересных людей, и не последними среди них были члены моего вест-индского бэнда. Они называли себя «Королевским Карибским Стил-бэндом». Конечно, на звание королевского они не имели никаких законных прав, но они настаивали на этом, и в «Джеке» их называли только так, а не иначе.

Сложите вместе Эверетта, Отто, Боунза и Слима, и вы получите сексуальную энергию, достаточную для отправки гигантского самолета в ад и обратно. Они наводили благоговейный ужас на дам Западного мира, особенно на скандинавок.

Среди наших постоянных клиентов было много датчанок, шведок и норвежек. Это были невероятно красивые девушки с длинными, крепкими ногами и загорелой кожей. Они все прекрасно говорили по-английски и происходили из богатых аристократических семей. Сексуальная привлекательность Эверетта, Отто, Боунза и Слима сводила их с ума, и нередко кто-нибудь из них оставался на всю ночь, развлекаясь со всеми четырьмя парнями… одновременно.

Эти ребята были настолько темнокожими, а в полуподвале «Джека» было так темно, что их лиц было совершенно не видно — пока они не улыбались. И только когда они сверкали своими крупными, великолепными зубами, ослепительно белыми, можно было убедиться, что они там. Каждую неделю я получал письма от адвокатов из Швеции, Дании и Норвегии. В них была одна и та же просьба: не могу ли я помочь им связаться с Эвереттом, Отто, Боунзом и Слимом? Наверное, сейчас по улицам Осло и Стокгольма бродят десятки шоколадных потомков Королевского Карибского Стил-бэнда и размышляют о том, удастся ли им когда-нибудь увидеть своих бродячих чернокожих папаш.

Эверетт, Отто, Боунз и Слим были хорошими ребятами, но во многих отношениях они были непредсказуемы, и мне приходилось держать их в узде. Каждый вечер я приходил в «Джек», чтобы проверить, пришли ли они. Однажды я пришел в «Джек» и, как обычно, спросил своих людей: «Ребята здесь?» «Нет, Алан, их нет», — ответила одна из девиц. Я застонал. «Ну, что случилось на этот раз? Опять неприятности из-за женщин?» У этих ребят постоянно бывали неприятности из-за женщин, у которых, в свою очередь, тоже бывали неприятности. Верьте мне,

это был какой-то нескончаемый водевиль. «Они уехали.» «Уехали?» «Уехали навсегда», — сказала она, переворачивая кусок свинины, который жарился на гигантской сковороде, шипя, как змея. «Куда уехали?» «Угадайте.» «Черт возьми, сейчас не время играть в загадки.» «Они уехали в Гамбург.» Она произнесла это таким тоном, словно хотела ошарашить меня этим известием. Так оно и случилось. «В Гамбург? Я не ослышался? Гамбург?» С таким же успехом она могла бы сказать: «Они улетели на луну.» «Да, да, в Гамбург. Уехали и не собираются возвращаться.» Боже правый! Я сел на скамью, отпихнул какого-то ханыгу. Гамбург… Что там могут делать четверо вест-индийцев, ядрена вошь! Киты в Сахаре!

Когда я садился на ту скамью, ворча и отпихивая ханыгу, я не подозревал, что в это время пишется история. Впоследствии оказалось, что благодаря этим четырем вест-индийцам БИТЛЗ и я оказались потом в Гамбурге. Они были катализаторами одной из самых славных страниц истории БИТЛЗ как группы.

Порасспросив друзей моих вест-индийцев, я узнал, что один человек, имевший отношение к ночной жизни Гамбурга, ходил к нам, слушал ребят и в конце концов в тайне от меня переманил их.

В те годы стил-бэнд был вещью очень редкой — редкой даже в Англии, а в таком месте, как Гамбург, это была вещь совершенно удивительная. Когда тот перехватчик из Гамбурга слушал моих вест-индийцев в «Джеке», его воображению, наверное, рисовались горы немецких марок. Ребята были отличными музыкантами. Кроме того, он, конечно, предвидел, что арийская белизна Гамбурга будет здорово оттенять их оливковость. У него состоялся деловой разговор с ребятами. Они внимательно слушали и остались довольны тем, что услышали. Этот человек сулил им горы денег, а я ведь платил им всего несколько шиллингов (правда они получали еще пособие по безработице, так что, смею вас уверить, они не умирали с голоду. Во всяком случае, это лучше, чем рубить сахарный тростник). Они слушали этого типа с широко открытыми глазами. Он уверял, что они разбогатеют. У них будут девушки. Крупные немки — блондинки, толстомясые и зрелые. Большие карие глаза ребят вылупились еще больше. Они уже завоевали скандинавок, а теперь впереди был шанс завоевать и немок. Да, сэр, мы согласны. И они уехали, захватив свои стальные барабаны.

Я был расстроен. И не только потому, что остался без своих главных артистов, привлекавших массу народа в танцевальный погребок, но и потому, что любил их как людей, как друзей. Это были сочные, яркие типы, веселые и такие милые люди. Теперь,

когда стил-бэнда не стало, у БИТЛЗ появилось больше работы. Я предложил им играть в «Джеке» в любое время, когда им захочется.

Отто, Боунз, Слим и Эверетт — милые люди, наивные, как дети — начали писать мне письма из Гамбурга. Другие бы на их месте постыдились писать мне после всего, что случилось. Другие, но только не они. Такие уж они были. Они увидели что-то хорошее и уцепились за это. Такова жизнь, месье. Не обижайтесь.

Они писали, что Гамбург — это сплошной кайф, город веселья, без всяких барьеров. Деньги плавают там в водосточных канавах. Алан, дружище, это место как раз для такого, как ты. Уж здесь ты развернешься. Может, откроешь клуб? Привезешь с собой ливерпульские группы? Приезжай, Алан, осмотрись.

Привезти группы? Ливерпульские группы в Гамбург? Это абсурд! Но приехать поглядеть, наверное, стоит. Ребята писали, что у них появились знакомые среди владельцев клубов и обещали помочь. Но… Гамбург, это даже не Лондон, а вообще бог знает что и бог знает где.

Так случилось, что группа ливерпульских бизнесменов решила на пару дней слетать в Амстердам. Они заказали самолет, и я, вместе с Вуди, решил к ним подключиться. Я взял его с собой для компании. Вуди был веселый человек, жизнь для него была сплошной веселой шуткой. Была и есть. Он и сейчас такой же. Я решил провести один день в Амстердаме, а потом поездом ехать в Гамбург. Посмотрю, что там и как, поговорю с ребятами. Жди меня, Гамбург!

Мне пришла идея подзанять денег и взять с собой БИТЛЗ. Они хотели побывать за границей и повидать другие страны. До этого они никогда не покидали пределов Англии. Вообще они были тогда зелены во многих отношениях.

Мои дела шли хорошо. Оба клуба — «Джек» и «Голубой Ангел» (которому в ближайшее время предстояло стать меккой для многих групп) процветали. Но наличных денег у меня было мало. Я просто не умею обращаться с деньгами: я могу их заработать, но удержать их при себе мне редко удается. Я пришел в свой банк и попросил заем — несколько сот шиллингов. Директор банка, маленький лысый человек, спросил, зачем мне эти деньги.

«Хочу съездить в Гамбург по делам.» «По каким делам, Алан?» «Хочу взять с собой группу музыкантов — БИТЛЗ — и найти им там работу.» «БИТЛЗ? Это кто — люди?» «Да, это люди. Музыканты, и очень хорошие.» Он посмотрел на меня так, словно у меня в голове не хватало винтиков. «В первый раз слышу о таких.» «Возможно. Но я вижу хорошие шансы для них и для

себя.»

Английские банки не похожи на американские. Они дают займы тем, у кого есть деньги, а не том, у кого их нет. Я думаю, именно по этой причине в Англии так много талантливых людей, которые не могут реализовать свои великие идеи. «Нет, Алан, я не вижу оснований финансировать какую-то музыкальную группу. Да, они, возможно, хороши, и ты, наверное, мыслишь правильно. Но деньги на такую авантюру…» Он покачал головой, словно говорил с нашалившим ребенком. «Ну, нет, так нет. Спасибо.»

Я вышел. Интересно, как сейчас чувствует себя этот человек? Ведь он упустил шанс финансировать БИТЛЗ! Пройдет совсем немного времени, и половина всех денежных мешков лондонского сити будут обивать пороги БИТЛЗ и кричать, перебивая друг друга: «Меня, меня возьмите!»

Я поговорил с другими своими друзьями-бизнесменами, но ответ всегда был один и тот же: «Да, мы делаем много денег, но мы много и тратим.» Первую поездку БИТЛЗ в Гамбург пришлось отложить.

Тогда я сделал то, что при той ситуации казалось мне единственно возможным: я собрал все группы, которые играли у меня в «Джеке», установил магнитофон и сказал: «Итак, ребята, вот вам машина, играйте свои вещи, а я повезу пленки в Гамбург.»

Джордж спросил: «А что там, в Гамбурге, Алан? Не пойму, что тебе взбрело в голову.» «Еще одна попытка, — отвечал я. — Ребята из Вест-Индии очень хвалят Гамбург.» Джон: «Ты думаешь, наши немецкие друзья встретят БИТЛЗ по-доброму? Ведь у нас нет сабельных шрамов.» «Забудь о войне, Джон», — сказал я. Ах этот Джон, с его «любовной ненавистью» к фрицам. Она будет проявляться все чаще и чаще во время будущих поездок в Гамбург. Она доставит ему много веселых минут, но еще больше — неприятностей. Пол: «А что, по-твоему, мы должны записать?» «Что хотите. Делайте то, что у вас лучше получается.»

Кроме БИТЛЗ я привлек к затее Кэсса и Казанов, а так же группу традиционного джаза — Ноэль Уокер и Стомперс. Мне казалось, что так я смогу показать все разнообразие ливерпульской музыки. В тот вечер у меня была деловая встреча с моим бухгалтером, и на записи я не присутствовал. Уходя, я сказал: «Постарайтесь как следует, ребята. Кто знает, может, это заря новой эры!» Мы всегда вот так подшучивали друг над другом — насчет великого, славного будущего. «Не волнуйся, Эл. Мы сами все сделаем.» Не волнуйся. Мы сами все сделаем — так они мне сказали. Я ушел. И зря. Мне надо было бы остаться.

Я положил в свою походную сумку пленки, которые записали

ребята, сунул туда смену белья, пару рубашек, бритвенный прибор, и мы с Вуди поехали в аэропорт.

В самолете вся наша компания набралась шампанского и, когда мы приземлились в Амстердаме, то готовы были брать город приступом. В центре города мы с Вуди расстались с остальными. Последнее, что мы видели, уходя, это как один из наших влез на фонарный столб и швырялся пустыми бутылками. Когда появилась полиция, мы с Вуди смылись.

Мы подошли к какому-то, суда по всему, роскошному ночному клубу. Это вам не какой-нибудь там бит-погребок. У дверей стоял швейцар с ледяным лицом и в белых перчатках.

Мы с Лордом Вудбайном оба были в цилиндрах, а я к тому же отрастил тогда густую черную бороду. Вуди черен, как туз пик, и даже он не станет доказывать, что темный цвет его кожи прекрасен. Интересен — да, прекрасен — вряд ли.

Мы бодро прошли мимо швейцара. «Одну минутку, джентльмены.» Он говорил на идеальном английском, и слово «джентльмены» произнес так, будто это какая-то заразная болезнь. Наверное, мы с Вуди казались очень странной парой даже для такого богемного города, как Амстердам. Почему мы были в цилиндрах, я не знаю. Просто тогда это нам показалось в самый раз. Вообще в зарождающейся атмосфере бит-Ливерпуля все мы были немного «крейзи».

Швейцар, символ власти и неуступчивости, продолжал смотреть на нас сверху вниз поверх своего мощного голландского носа. «В чем дело?» — сказал я, вытягиваясь во весь свой маленький рост. Он начал объяснять что-то насчет того, что вход только для членов клуба и т. п. Я знал, что это только предлог, и решил показать, что он не на тех нарвался. «Послушайте, — сказал я твердо, — это лорд Вудбайн. Единственный во всем Мерсисайде лорд-негр.» (Так оно и было.) Швейцар тут же сменил свое высокомерие на подобострастный тон. «Лорд Вудбайн?» «Да, лорд Вудбайн, — подтвердил я, толкая Вуди локтем в бок. — Настоящий живой лорд из Ливерпуля, в Англии.»

И тут это заведение раскрыло перед нами свои объятия. Лакей повел нас внутрь помещения, громко объявляя каждому встречному: «Это лорд Вудбайн из Ливерпуля, в Англии.»

Нас усадили за столик, откуда все было видно, и Вуди, напустив на себя важность, стал играть свою роль. На странном наречии, представлявшем собой смесь его обычного невнятного вест-индского акцента и того, что он считал королевским английским, Вуди заказал шампанского. После этого нас невозможно было остановить. Мы играли роль аристократов из высшего света.

Конферансье объявил со сцены: «У нас в гостях лорд Вудбайн из Ливерпуля, в Англии, со своим другом.» Лорда Вудбайна объявили первым, как второстепенного артиста! Какое унижение! Официант принес ослепительно чистое новенькое свежее меню и попросил Вуди поставить свой автограф. «Пожалуйста, Ваша светлость.» «Усе у порядке, приятель», — сказал Вуди нацарапал на меню: «Вудбайн с Ливерпуля.»

Мы выпили две бутылки шампанского (одну из них — за счет клуба) и стали смотреть представление. Выступала группа, танцевавшая что-то вроде испанского фламенко. Один из ведущих танцоров слышал, как нас объявили, и решил повеселиться: стал отпускать глупые шутки насчет лорда из Ливерпуля и моей бороды. Когда, в середине своего акта, он стал изображать быка, я спрыгнул на сцену и бросился на него с криками: «Ха! Торо, торо!» — так настоящий тореадор. Я размахивал перед ним своим пиджаком, как будто это был красный плащ тореадора. Этот тип аж застыл на месте. Публике понравилась моя выходка. Подзуживая меня, люди кричали, вопили, орали от восторга, пока танцор не убежал со сцены, чуть не плача. Я поклонился публике, спрыгнул со сцены и снова занял свое место рядом с Вуди.

Вскоре, однако, нас вежливо, но твердо попросили удалиться, хоть мы и лорды. Это случилось, когда я стал пить шампанское из туфельки старшей официантки. Нет, не за то, что я пил из туфельки красотки — с этим все было в порядке. Им не понравилось, что потом я швырнул эту туфельку через плечо. Я так понимаю, что туфелька приземлилась в чью-то тарелку и оставила бедного посетителя в состоянии тяжелого шока.

Шатаясь, мы вышли из клуба в темень амстердамской ночи и пустились на поиски своих ливерпульских спутников. К тому времени они были пьяны вдрызг: в такой дрызг, что подцепили каких-то «девчонок», которые оказались трансвеститами. Конечно, потом они бы поняли свою ошибку — когда было бы почти поздно говорить «Нет, спасибо.» Как говориться, когда член стоит, он ничего не соображает. Между прочим, многие ребята именно в такие минуты узнают о себе кое-что. Но это уже другая история. Один из наших спутников бизнесменов вскочил на стойку бара, исполнил там что-то вроде чечетки и вдруг грохнулся вниз, в толпу таких же пьяниц, как он. Я видел, как он падал: мне показалось, что он грохнулся головой. Я подскочил к нему. Кровь хлестала из огромной раны в голове. Я попытался привлечь внимание его друзей к его плачевному состоянию, но куда там: одни «зациклились» наглухо, другие были слишком увлечены своими «девочками». Вызвали скорую помощь, и несчастного увезли. С тех пор я о нем ничего не слышал. Кто

знает, может, он и сейчас там — принял голландское подданство.

Что за ночь! На другой день мы с Лордом Вудбайном, мутноглазые и страдающие от похмелья, сели на гамбургский поезд. В Гамбурге мы остановились в одном дешевом отеле и сразу пошли в доки — там, по нашим сведениям, играл наш стил-бэнд. В местном пабе их не оказалось. Но хозяин слышал о них. Убедившись, что я их друг, а не сборщик налогов, он дал нам адрес одного заведения на знаменитом Репербане, районе «красных фонарей», где все можно, где все возможно. Это заведение оказалось стриптиз-клубом. Стоял даже не полумрак, а четвертьмрак. Девицы делали свое дело на сцене, после чего подсаживались к посетителям. Поскольку обычная цель этой игры — облегчить кошелек клиента, то девицы прибегали к разного рода сексуальным приманкам, в том числе к сексу прямо тут, за столиком. Расхаживая там в темноте, надо было быть очень, очень осторожным, чтобы не оказаться в какой-нибудь очень любопытной ситуации. Там никто не слышал про наших вест-индийцев. Лорд Вудбайн, пробираясь в темноте, наткнулся на девицу, свободную от своего стриптиз-акта, и застрял. А я пошел в одиночестве исследовать этот Гамбург. Кто-то сказал мне еще про один клуб — «Кайзеркеллер» («Царский погребок»). Я взял такси и поехал туда. Полуподвал, где размещался клуб, вмещал, наверное, тысячу человек. Огромное помещение в сравнении с маленькими ночными заведениями Ливерпуля. Клуб был оформлен в морском стиле: рыболовные сети и стеклянные поплавки на стенах, бар в форме корабля, медные иллюминаторы. Очень красиво. Хозяева, судя по всему, делали хороший бизнес: не было ни одного пустующего столика. И все же я уловил какую-то мрачную напряженность в атмосфере, как будто люди ждали, что вот-вот что-то случится. На сцене стояли коренастые немцы. Со скучающими лицами они пытались делать «Тутти-Фрутти», которая в их исполнении звучала, как строгий военный марш. Марш Смерти. Никакого природного чувства ритма у этих ребят не было. Слушать их после неистового, возбуждающего звука, к которому я привык в Ливерпуле, было мучительно. Итак, значит, это и есть гамбургский рок-н-ролл? В таком случае, моим ребятам будет, что показать здесь.

Казалось, Ливерпуль где-то очень, очень далеко, за тысячи миль отсюда. Я стоял у стойки, пил и думал о БИТЛЗ. Они бы свели с ума этих немцев. Я почувствовал, как во мне растет возбуждение. Собираясь сюда, я боялся, что напрасно растрачу свое время и деньги. Но теперь я был абсолютно уверен, что не зря приехал в Гамбург. Публика не обращала никакого внимания на усилия жалкой группы. Люди пили, болтали, кричали. Одна-

две пары сомкнулись в томном танце. Вдруг музыканты прекратили игру, и конферансье объявил, что сейчас будет музыка из джук-боксов. Толпа заволновалась. Вот чего она ждала. Джук-боксы взревели голосами Элвиса Пресли и Томми Стила. Толпа ответила ревом восторга, и через какое-то мгновение все свободное пространство заполнилось вертящимися, крутящимися телами. Как будто кто-то подключил к залу гигантский трубопровод с адреналином.

Ну, подумал я, если они вот так реагируют на какие-то дурацкие джук-боксы, что же будет, когда они услышат и увидят мои живые ливерпульские группы!

Я стоял и обдумывал свой следующий шаг. Знакомых в городе у меня не было. Найти своих вест-индийцев мне не удалось. К кому обратиться? А почему бы не начать прямо здесь, в «Кайзеркеллере»? Мимо меня катился, словно на коньках, официант с пустым подносом. Я легонько шлепнул его по спине. Оказалось, что он знает английский.

«Слушай, — сказал я, — как мне связаться с твоим боссом?» Он подозрительно оглядел меня, как бы пытаясь определить, кто я — сыщик, налоговый инспектор? Во всем мире в клуб-ленде все ведут себя так. Это естественная реакция подозрения в нашем подозрительном, шатком бизнесе. Я успокоил его: «У меня тоже клуб, только в Англии, в Ливерпуле. В общем, я свой.» «Хорошо», — сказал он и засеменил прочь. Я стоял и ждал, надеясь. Потом я увидел, что высокий, упитанный человек оглядывает меня с ног до головы. Это был вышибала. Я подумал: может, я нарушил правила, сразу потребовав вызвать босса, без предварительных переговоров? Вышибала чинной походкой приблизился ко мне. Мускулы моего живота напряглись. Я легко пугаюсь. Но я не удираю. «Это вы спрашивали босса? Что вам надо?» «Я бы хотел поговорить с ним о деле.» «О каком деле?» «У меня к нему предложение. Это касается музыки. Ну, знаете — тутти-фрутти-олл-рути.» «Тутти-фрутти-олл-рути?» — переспросил он. У нас получался неплохой дуэт. «Да. Я — менеджер нескольких музыкальных групп в Англии.» «А, йа! — подозрение начинало исчезать с его жирного лица. — Йа! Музик. Гут!» И мы заулыбались друг другу, как старые приятели. Вышибала что-то сказал человеку в белом пиджаке. Через минуту белый пиджак вернулся и сделал мне знак следовать за ним. Мы пробрались сквозь массу тел, все еще извивавшихся под Элвиса и Томми, и подошли к кабинету «Мистера Биг».

Белый пиджак постучал в дверь. Изнутри кто-то рявкнул: «Йа!» Другой белый пиджак сидел за письменным столом. Это был владелец «Кайзеркеллера» Бруно Кошмидер — маленький

человек-калека, бывший когда-то клоуном в цирке. Несмотря на это (как потом оказалось) чувства юмора у него было не слишком много. Но в тот момент он показался мне приятным человеком.

По-английски он не говорил, а я знал по-немецки всего несколько фраз, почерпнутых из кинофильмов — «Яволь, майн херр», «Хайль Гитлер» и вроде того. С такими познаниями, конечно, нельзя было объяснить ему про БИТЛЗ и другие группы.

Когда мои попытки донести до него смысл моей миссии закончились позорным провалом, он вызвал одного сотрудника, прекрасно говорившего по-английски. Я начал рассказывать про великих БИТЛЗ, но тут в комнату ворвался официант и возбужденным голосом стал что-то говорить по-немецки. Я подумал: «Уж не налет ли полиции?» — в нашем деле это обычная история, — и срочно убрал пленки назад в портфель.

Но я зря волновался. Полиция была тут ни при чем. Просто маленькая неприятность с одним посетителем. Маленькая? Официант оставил дверь открытой, и мне было видно, что происходит там, в глубине. На полу лежал человек. Ему приходилось крайне туго: толпа официантов и вышибал, окружив его плотным кольцом, избивала его ногами. Делали они это спокойно, бесстрастно, с типично немецкой деловитостью. Несчастный не сопротивлялся.

Конечно, Ливерпуль меня закалил, но все равно мне стало дурно при виде этой жестокой расправы. Что бы он там не натворил, но сейчас он был беспомощен и не мог представлять опасность. Бруно Кошмидер придерживался иной точки зрения. Его глаза загорелись огнем возбуждения. Воинственный пыл охватил его. Рывком выдвинув ящик стола, он вытащил оттуда толстую дубинку из черного дерева. Для калеки Бруно оказался очень подвижен и проворен. Наверное, это осталось у него с тех времен, когда он работал в цирке и должен был уметь увертываться от ведер «краски», которой клоуны всю дорогу обливают друг друга. Размахивая дубинкой, он, прихрамывая, побежал к месту происшествия. Прибежав туда, он крикнул, чтобы все расступились, что и было сразу исполнено с дисциплинированностью хорошо вымуштрованных солдат. Ринувшись в образовавшуюся брешь, Бруно набросился на несчастную груду мяса, лежавшую на полу, и обрушил на нее град ударов своей дубинкой. Я понял, что с этим человеком ссориться опасно. Закончив «работу», экс-клоун велел убрать с пола то, что там оставалось.

Да, в этом городе надо быть очень, очень осторожным. Наш Гарстон-Бас в сравнении с ним выглядит прямо, как сад отдыха. Кошмидер вернулся в офис. Я снова вытащил пленки из

портфеля. «Извините за это, — сказал он через переводчика. — Но вы понимаете: в нашем деле без этого не бывает.» Да, тут он был прав, ничего не скажешь. Бруно сел и стал вытирать кровь на дубинке. Потом он заботливо положил ее назад в ящик стола и удобно откинулся в кресле. Единственным свидетельством его недавних доблестных усилий была маленькая капелька пота, сверкавшая на верхней губе. Я пустился в рассказ о ливерпульской «сцене», о группах, клубах, и, конечно, о своей роли в этих делах. «Я — менеджер лучших в мире бит-групп», — скромно сообщил я. Это мой принцип: если надо что-то продать — продавай, но продавай по большому счету. Бруно спросил: «Они не хуже Томми Стила?» Бедный Томми. В тот день я смешал его с грязью. «Кого? Томми Стила? Да это же фуфло! — с отвращением сказал я. — Ну вы и скажете тоже! Да он им в подметки не годится!» Впоследствии я пересказал эту сцену Томми Стилу, и мы оба хохотали до упаду. «А Элвис Пресли?» — спросил Бруно. «Что? Элвис Пресли? Да это же ничто по сравнению с моими группами, особенно с БИТЛЗ!» Бедняга Элвис! Он попал в одну компанию с поверженным Томми Стилом. «Да вы только послушайте их! Они будут следующей большой сенсацией после Zip Fastener.»[4] «Zip Fastner? — переспросил Бруно. — Это что, такая группа?» Нет, Бруно, приятель, это просто такой речевой оборот.

Бруно оживлялся все больше и больше. «Если его ребята лучше Элвиса Пресли и Томми Стила, то я на них здорово заработаю», — наверное, эта мысль вертелась у него в голове. Чтобы это оживление, не дай бог, не прошло, я указал ему на то, что его тутти-фруттиевая группа в Ливерпуле не продержалась бы и двух минут. Они никуда не годятся. Это пародия. Пятно на доброй репутации поп-музыки. А вот если он вместо них возьмет моих ребят, публика будет прыгать все время, а не только когда включаются джук-боксы, а так называемый «бэнд» берет перерыв. «Вы сколотите целое состояние[5], — сказал я. — Вот увидите. Огромное состояние.» «Йа?» «Йа, йа, яволь», — подтвердил я. Еще не слышав мои пленки, Кошмидер перешел к финансовым вопросам. Сколько я хочу за свои потрясающие группы? Я сказал, что рассчитываю на 100 фунтов в неделю и оплату транспортных расходов на переезд из Ливерпуля. Он не возражал. Наконец, ему захотелось послушать эти самые группы, которые я превозносил до небес.

«Музыка — здесь?» — спросил он, похлопывая по лежавшим на столе пленкам. «Да, здесь. У вас есть магнитофон?»

Да, у него был — роскошный «Грюндиг». Итак, теперь он сможет своими ушами услышать поразительный звук Мерсисайда.

Ты помнишь, дорогой читатель, что я поручил Битлам и другим ребятам записать свои песни на пленку, а сам ушел на деловую встречу? Помнишь, я писал, что мне надо было бы остаться и самому проследить за ходом записи, плюнув на встречу с бухгалтером? Но я этого не сделал. Идиот! Вы, конечно, догадались уже, в чем дело.

«Вы только послушайте, что здесь записано, — говорил я, пока Бруно заправлял ленту. — Это вас так потрясет, что вы уже больше никогда не будете таким, как прежде.»

Наконец, пленка была заправлена, и Бруно включил воспроизведение. Я ждал, что вот сейчас раздастся звук БИТЛЗ, лицо Бруно расцветет в улыбке и он тут же подпишет контракт. Вот он, великий, волнующий момент! «Весь Гамбург будет валяться у их ног…» — тараторил я, и вдруг осекся: из аппарата понеслась не музыка, а какая-то страшная какофония. Звуковая дорожка к плохому фильму ужасов. Лицо Бруно вытянулось. Я не верил своим ушам. «Постойте, вы уверены, что ваша машина в порядке? Или вы не так заправили ленту? По-моему, что-то с магнитофоном. Он исправен?» «О, йа, он исправен. Отличная, надежная машина. С ней все в порядке. Она всегда исправна.»

Мы пробовали и так, и этак, но звук был все тот же: никакой музыки, один жуткий шум. Бруно посмотрел на меня. Его взгляд говорил: «Ты что, разыгрываешь меня?» Я заверил его, что не разыгрываю. После того, как мы полчаса провозились с магнитофоном, мне стало ясно: Битлы и все остальные угробили сессию записи. Надо было мне остаться! Дурак я, что пошел к бухгалтеру в тот вечер. Я даже не помню, по какому делу мне надо было увидеть его. Наверняка по пустяковому.

«Мне очень жаль, герр Кошмидер, что все так получилось», — пробормотал я. Он видел, что я искренне расстроен. Проделать такой путь из Ливерпуля, приехать в Гамбург с сердцем, полным надежд и энтузиазма, и с портфелем, полным… бесполезного хлама! В тот момент я готов был убить Джона, Джорджа, Пола и Стюарта. К счастью, хрипящие, скрипящие пленки не смутили Бруно. Он не потерял интереса к ливерпульской «сцене». «Вы можете сделать другую запись и прислать мне?» — спросил он. «Да, конечно.»

Я покидал офис Кошмидера, проклиная все на свете. На душе у меня было скверно. Из Ливерпуля в Гамбург с мешком хлама! «Пришлите мне новые пленки», — сказал на прощанье Бруно, пожимая мне руку. С тяжелым сердцем я возвращался в Ливерпуль, и в полном одиночестве: Лорд Вудбайн остался в Гамбурге, ему там ужасно понравилось. Похороните этого человека в навозной куче — он все равно воскреснет, благоухая

ароматом роз, как говорит один мой армейский дружок. Славный малый, Вуди. Такой нигде не пропадет.

Глава тринадцатая «Ах ты, скот! Знаешь, сколько голодных ртов я должен накормить?»

Оказавшись снова в Ливерпуле, я вскоре забыл про Гамбург. Но я, конечно, снял стружку с Битлов за то фиаско с пленками.

«Не мы одни пользовались этой машиной.» «Брось, Эл. Почему ты думаешь, что именно мы сломали ее?» «Давай, сделаем другую запись. Мы все скинемся и оплатим тебе дорогу туда и обратно.» «Скинемся?» Я взорвался. «Они скинутся! Да у вас гроша нет за душой! Нет, вы подумайте: они скинутся!» Я фыркнул. Они притихли.

Я получил от Ларри Парнса письмо, в котором он предлагал моим группам работу на летний сезон в Блэкпуле и Ярмуте: аккомпанировать «конькам из его конюшни». Он предлагал неплохие деньги. Настроение у ребят заметно поднялось: весна, перспективы на лето, оживление соков, регенерация жизни. А Гамбург я списал со счетов.

В то время (1960 г.) дела мои шли отлично, «Голубой Ангел» приносил солидные доходы. Он превратился в Мекку местных «свингеров», богатых и не очень богатых, молодых и не очень молодых.

В «Ангеле» целая стена была отведена для автографов разных знаменитостей, удостоивших нас своим посещением. Надписей становилось все больше и больше: актеры Джуди Гарланд и Рекс Харрисон, драматург Алан Оуэн (будущий автор сценария битловского фильма «A Hard Day's Night»), композитор Лайонел Барт (автор «Оливера»), ну и, конечно, Томми Стил, Роллинг Стоунз, Дэйв Кларк Файв, Билли Джэй Крэймер, Джерри Марсден и Пейсмейкерс — список бесконечен.

Но вернемся к БИТЛЗ. Парнс предлагал им и другим моим группам подыгрывать Джорджу Фэйму, Джо Брауну, Томми Брюсу и Питеру Винну. Ребята были в восторге. Работы было мало, и многие из них вернулись к своим прежним занятиям. Например, Дэрри Уилки и Сениоры, можно сказать, почти уже распались, когда пришли эти добрые вести от Парнса. Они сразу уволились с работы, стали закупать новую аппаратуру и сценические костюмы, занимая деньги где только можно. Но тут грянул гром: Парнс прислал письмо, аннулирующее ангажемент Сеньоров в Блэкпуле. Хауи Кэйси, их менеджер, здоровый мощный парень,

получив это известие, пришел ко мне в «Голубой Ангел», взял за грудки и стал основательно трясти.

«Ах ты, скот! — орал он. — Сначала обнадеживаешь, а потом на попятный? Ты знаешь, сколько голодных ртов я должен накормить?» Но при чем тут я? От меня это никак не зависело. Я так никогда и не узнал, почему Парнс аннулировал свое приглашение. Но теперь это не имеет никакого значения, потому что этот инцидент повлек за собой рождение «гамбургской сцены», а это привело к рождению великих БИТЛЗ.

Итак, Парнс подложил нам свинью. Надо было срочно что-то предпринимать. У ребят не было ни гроша, они дошли до того, что вынуждены были «стрелять» сигареты. Надо было как-то им помочь. Но как? И я придумал. В Лондоне у меня был приятель, Томми Литлвуд, владелец бара «Two I's»[6] в Сохо. Это он впервые вывел на сцену Томми Стила, после чего тот стал мировой знаменитостью. Менеджеры — искатели талантов — очень прислушивались к его мнению. К тому же, Томми был очень добрым, щедрым человеком, ему ничего не стоило отвалить большую сумму бедствующему — конечно, если не рассказ бедствующего звучал правдоподобно. Я привез Сеньоров в Лондон, расхвалил их перед Томми и как можно красочнее живописал их бедственное положение, чтобы затронуть чувствительную струнку в душе Томми.

«Конечно, конечно, Алан. Пусть играют. Хоть сегодня вечером. Пусть начинают прямо сегодня. Твои друзья — мои друзья.» Ребята с трудом верили своему счастью. Играть в знаменитом «Two I's»! Может, это и вправду начало великих времен, которые так долго не приходили?

В тот же вечер Сеньоры вышли на сцену клуба Томми и… вы бы видели, как затрясся зал, какое началось прямо-таки электрическое возбуждение. Какая вопиющая несправедливость, что эти ребята должны побираться и клянчить даже на сигареты! Меня распирало от гордости за своих ребят. Я стоял рядом с Томми и улыбался. Вдруг кто-то похлопал меня по плечу. Я обернулся. Передо мной стоял странного вида человек, в очках и с повязкой на одном глазу. «Вы знаете этих ребят?» — спросил он. «Конечно, это моя группа, я — их менеджер. А что?» Я надеялся, сто это какой-нибудь агент и что он сейчас предложит мне солидный куш за ребят. «Они чертовски хороши.» «Вы — агент?» «Нет, просто посетитель. Но хороших музыкантов я сразу вижу. А эти не просто хорошие, они настоящие звезды, порази меня гром!» «Верно.» Значит, этот человек просто хочет подружиться со мной. Но в большом городе опасно иметь слишком много друзей, и я решил держаться с ним как можно сдержанней. «Видите вон

того человека?» Он указал рукой на столик в темном углу. «Нет, я ничего не вижу.» «Там сидит один немец. Он почти не говорит по-английски, а я немного знаю немецкий. Он попросил меня узнать про эту группу.»

Я сразу вспомнил свою неудачную поездку в Гамбург. После этой поездки слово «Германия» приобрело для меня неприятные ассоциации (в чем сама Германия, конечно, не виновата). Я стал вглядываться в тот темный угол, но, кроме шевелящегося темного пятна, ничего не увидел.

Подойдя ближе, я сказал: «Мистер! Это вы хотели поговорить со мной насчет этой группы?» Человек поднял голову… и разрази меня гром, если это не был Бруно Кошмидер, экс-клоун из Гамбурга, владелец самого «Кайзеркеллера»! Круг замкнулся. Судьба. Разве мог я после этого не верить в провидение, в свою счастливую звезду? Да, верно говорят: мир тесен… если все время быть в движении.

«Бруно! — вскричал я, хватая его за костлявые плечи. — Не может быть, ты ли это?» Мы были как два брата, нашедшие друг друга после долгой разлуки. Бруно затараторил что-то на своем тевтонском наречии, перемежая немецкие слова словами, которые казались ему английскими. «Они — как БИТЛЗ?» — спросил он, показывая на Дэрри и Сеньоров. «Нет, они совсем другие. Но и та и другая группа — великолепны.» Я понял, что слово «БИТЛЗ» крепко засело в бруновском мозгу. Значит, будучи в Гамбурге, я хорошо рекламировал свой товар. «Я все ждал, когда ты пришлешь мне новые пленки, но они не приходили. Я подумал, что ты забыл меня.» «Нет, я не забыл. Но в нашем деле — ты знаешь — текучка засасывает.» «Йа, йа», — сказал он. Все понятно. Но теперь — к делу. Дальше уже мы говорили через толмача. «Ты пропал, и тогда я решил приехать сюда, в Англию, и порасспросить о тебе и этих ливерпульских группах. Здесь, в Лондоне, мне посоветовали посетить „Two I's“, и вот — я здесь. И вот и ты здесь. Невероятно, да? Какое совпадение! Наверное, это хороший знак.»

В мозгу Бруно Ливерпуль, Лондон, БИТЛЗ — все смешалось в одну кучу. Ему не приходило в голову, что между двумя городами расстояние не меньше двухсот миль. Но теперь это не имело значения. Его интересовали мои группы.

Выяснилось, что у Бруно был контакт с Тони Шериданом, первоклассным певцом и гитаристом, принесшим славу «Кайзеркеллеру». Но Тони, как и многие звезды, имел горячий темперамент (как и сам Бруно), поэтому их отношения не всегда бывали гладкими. В последнее время эти отношения обострились настолько, что Тони разорвал свой контракт с «Кайзеркеллером»

и, к ужасу Бруно, перешел в другой гамбургский клуб — «Топ Тен» — и увел с собой значительную часть клиентуры. Чтобы спасти тонущий корабль, Бруно и приехал в Лондон, надеясь найти музыкантов, способных оживить его зачахший бизнес.

Вы только подумайте, какая возникает цепочка: если бы Ларри Парнс не отменил свой ангажемент… если бы Хауи и Дэрри не пригрозили снести за это башку мне и Парнсу… если бы я не вспомнил о Томми Литлвуде… — и так далее, и так далее.

Дела Бруно были плохи. Его бизнес нуждался в срочном переливании крови. Я мог дать ему свежую кровь: Сеньоров и БИТЛЗ. Все было решено тут же, даже без всяких подписаний контракта. Уже через три дня Сеньоры были на пути в Гамбург. И все это после одного пожатия рук! Мы с Бруно доверяли друг другу.

Путешествие в Гамбург вышло не без приключений. У ребят не было официального разрешения на работу в Германии. На границе Голландии и Германии пограничники и иммиграционные служащие высадили их из поезда. Они застряли там на грязном ж/д вокзале с вещами и инструментами, почти без денег. Ту ночь они провели, ежась от холода, на вокзальных скамейках, проклиная Алана Уильямса и Бруно Кошмидера на одном дыхании.

Ребята сказали пограничникам, что они — студенты и едут на каникулы к друзьям, а инструменты — чтобы развлекать этих друзей. Чиновникам было достаточно одного взгляда на Сеньоров, чтобы сказать: если вы студенты, тогда мы — не иначе, как Сестры Эндрюс. Собрав последние деньги, ребята позвонили мне в «Джек». Ах, этот телефон в «Джеке»! Если бы к нему было приделано устройство, записывающее все разговоры, вышла бы еще одна толстая книга.

«Эл, мы застряли на границе. Нас ссадили с поезда. Что делать? Выручай!» В голосе Хауи были неподдельно тревожные нотки. Мой мозг лихорадочно работал. Что делать? Надо срочно связаться с Бруно. Я знал, что у него есть свои люди в гамбургской полиции (и, как я потом узнал, не только в гамбургской). «Сидите смирно, Хауи, Никуда не отлучайтесь. Я сейчас же свяжусь с Бруно. Он поможет. Должен помочь.» Мой голос звучал совсем не так уверенно, как может показаться. Я был почти в панике. Но Бруно успокоил меня. То, что я воспринял чуть ли не как катастрофу, ничуть его не встревожило. Он позвонил кому надо, и пограничники сразу заулыбались. Сменив гнев на милость, они пропустили ребят в Германию. Путь был открыт: в страну и к славе.

Дэрри и Сеньоры прибыли в Гамбург поздно вечером. Не

побрившись и даже не помывшись, они сразу прыгнули на сцену — грязные, оборванные, усталые. Дэрри схватил микрофон, и группа ринулась в свой первый номер. Измученные, голодные, грязные, они разнесли «Кайзеркеллер» в щепки. Ливерпульский звук пришел в Гамбург. Это сделали ребята во главе с Дэрри, цветным парнем из Вест-Индии. Ничего подобного Гамбург раньше не видел и не слышал. Слухи об удивительном звуке из Ливерпуля поползли по всему городу. В «Кайзеркеллер» потекла толпа народа… и могучая прибыль. Дэрри и Сеньоры завоевали мгновенный успех. Девушки висли на их плечах. Ребятам не пришлось тратиться на выпивку: стоило им повернуться к бару, как десятки рук уже стремились наполнить их стаканы. Они были подобны оборванным пилигримам, которые, преодолев пустыни, горы и реки, очутились на земле обетованной. И это не избитая фраза из кинобоевика. Так оно и было на самом деле. Гамбург, сияя пьяной улыбкой, протянул ребятам из Ливерпуля свои крепкие, жирные руки, принял их в свои потные объятия и открыл им свое щедрое сердце.

Да, то были великие, незабываемые дни. В жизни каждого человека есть моменты, когда его охватывает жуткая ностальгия, он вспоминает прошлое и говорит: «Да, друзья, то были лучшие из лучших дней моей жизни». Жаль только, что тогда этого не осознаешь. Кажется, что все лучшее впереди, где-то в будущем. Истина же в том, что лучшие времена всегда сейчас.

Бруно был доволен: старые клиенты вернулись, появилось много новых. Дэрри и Сеньоры стали королями Репербана. Я не удивился, получив вскоре письмо от Бруно, полное восторгов и благодарностей. Он писал, что собирается открыть еще один клуб в том же районе и просил прислать еще какую-нибудь группу. Клуб, о котором шла речь, назывался «Индра» и был расположен совсем рядом с «Кайзеркеллером». Бруно не упоминал никаких конкретных названий, но я решил, что мои Битлы готовы поехать осваивать новые пастбища. Я спросил их, что они думают о такой возможности.

«Едем!» «Гамбург, так Гамбург.» «Не все ли равно, где голодать?»

Типично битловская реакция — скептическая и довольно резкая. Конечно же, они хотели поехать. Общаясь с ребятами, я научился сдирать корку внешней суровой неприступности и определять, что у них делается внутри.

Я ответил Бруно, что БИТЛЗ, о которых я говорил ему раньше, хотят и готовы ехать в Гамбург. Я написал также Хауи Кэйси, менеджеру Сеньоров, извещая его о возможности приезда БИТЛЗ в Гамбург. Хауи ответил быстро и с поразившей меня

категоричностью. Смысл того, что он писал, был таков: «Послушай, Эл, мы развернули здесь такие дела, а ты собираешься все испортить, прислав этих Битлов. Они ни к черту не годятся. Мы не хотим их здесь. Они испортят все дело. Если хочешь прислать еще одну группу, присылай Рори Шторма. Это офигенно хорошая группа.»

Хауи всегда был прямым человеком и говорил то, что думал. Он считал, что БИТЛЗ еще не готовы для такого места, как Гамбург. Я принял к сведению его мнение, но у меня были другие соображения. Если не БИТЛЗ, то кого же посылать? Джерри Марсден и Пейсмейкеры были тогда очень популярны в Ливерпуле, но они и не хотели связываться с Гамбургом. Их устраивали гиги в домах отдыха на берегу моря. Я не хотел раздражать Дэрри, Хауи и остальных ребят, но БИТЛЗ тоже имели право откусить кусок сладкого пирога. Я был уверен, что они готовы к этому.

У них, правда, до сих пор не было ударника. А без ударника ехать в Гамбург нельзя. Но где его найти? Хорошие ударники встречаются крайне редко. Это искусство требует от человека быть одновременно атлетом и музыкантом.

Глава четырнадцатая
Угрюмый Битл

Вскоре ударник нашелся. Я устроил Битлам несколько гигов в одном кофейном баре на окраине Ливерпуля, в Хейманс-Грине. Хозяйкой бара была миссис Бест, очень симпатичная женщина, вдова Джона Беста, знаменитого импресарио-устроителя боксерских матчей на Ливерпульском стадионе. Именно на этом стадионе я устроил свой первый большой концерт бит-музыки, на котором, среди восторженной публики, были и Битлы: они были тогда робкими новичками, с завистью глядевшими на таких титанов, как Рори Шторм.

У Бестов был сын, по имени Пит. Пит был худым, темноволосым, угрюмым парнем. Когда Битлы играли там, они разрешали ему садиться за ударные, потому что он совсем неплохо стучал. В других гигах он не участвовал, но всякий раз, когда БИТЛЗ играли у Бестов, Пит неизменно садился за ударные, заполняя вакуум.

В первую же нашу встречу мне стало ясно, что мне с ним не поладить. Нет, враждебности не было, но чувствовалось какое-то отчуждение, какая-то глухая стена между нами. Может, в этом была моя вина, но мне хочется думать, что это не так. Я легко вступаю в контакт с людьми (за исключением отъявленных злодеев. Не выношу насилия. Я уже видел столько крови, что мне этого хватит на всю оставшуюся жизнь, благодарю покорно.)

Но Битлам Пит Бест нравился, и они собирались сделать его своим настоящим ударником. Ну, а если он им подходит, тогда я не возражаю.

Битлы знали, что у меня с Питом натянутые отношения. Пит «работал» под Элвиса Пресли и Тони Кертиса: длинный, смазанный бриолином клок волос свисал с его лба. Вид у него всегда был мрачный, угрюмый. Ему было легко культивировать образ мрачного парня: он и по природе был таким. Он был полной противоположностью остальным Битлам, которые, несмотря на свой напускной цинизм, были, в сущности, уживчивыми, отзывчивыми и добрыми.

БИТЛЗ играли тогда по всему Мерсисайду, и я решил, что им пора ехать в Гамбург, чтобы принять настоящее боевое крещение. Ведущей ливерпульской группой тогда были Джерри Марсден и Пейсмейкеры («Задающие Темп»). Мой старший друг Боб Вулер, ведущий диск-жокей Мерсисайда, был их страстным поклонником. Он пропагандировал «звук Мерси» с какой-то

фанатичной одержимостью, и если когда-нибудь будет написана история Мерси-бита, его имя должно быть вписано туда самыми крупными буквами. По сравнению с Брайаном Эпстайном он выглядит намного выше.

Когда Рэй МакФолл превратил «Пещеру» на Мэтью-стрит в бит-мекку молодежи, Боб Вулер стал там постоянным диск-жокеем. В те времена он всегда носил с собой толстую записную книжку, куда заносил интересные разговоры с группами и журналистами.

Боб был постоянным посетителем пресс-клуба на Лайм-стрит. Там, за бутылкой виски, он рассказывал столичным журналистам интересные истории о бит-сцене. Но только гораздо позже, когда эта сцена приобрела общенациональную и всемирную популярность, эти журналисты поняли, что проглядели великий музыкальный и социальный феномен, который развивался у них под самым носом. Они рвали на себе волосы, били себя в грудь, но было уже поздно. А в те дни, если они приходили в свой офис и рассказывали о новой музыке, которая сводила с ума ребят в Ливерпуле, боссы встречали их такими словами: «Все это хорошо, приятель. Но отдает провинциализмом, тебе не кажется? Слушай, займись-ка ты лучше вот чем: беги в такой-то суд, там разбирается дело об убийстве. Пахнет настоящей сенсацией.»

Наверное, никто лучше самого Боба Вулера не мог бы описать события тех лет. Может, он еще возьмется за это. А может, и нет. Он не заработал больших денег на ливерпульском буме. По моим сведениям, сейчас он занимается лотереями.

Однажды, Джерри и Пейсмейкеры играли вместе с БИТЛЗ на одном гиге. Я потащил туда Боба Вулера, чтобы он сам убедился, насколько выросли БИТЛЗ. «Увидишь, кто сейчас ведущая группа, это БИТЛЗ.» Боб был настроен скептически. «Нет. Это Джерри со своими ребятами. Они лучше всех.»

Джерри был действительно великолепен — и он сам, и все остальные. Очень рафинированная группа, спору нет. Но когда вышли БИТЛЗ, кто-то как будто надавил на нервную систему всех ребят в зале. Битлы стояли на сцене, в черных куртках, черных свитерах, в истоптанных башмаках, лохматые, неопрятные, в свободных позах, выдававших их абсолютное спокойствие. Но какое-то животное возбуждение, которое они генерировали, передавалось публике и заводило ее, подобно тугой пружине. Потом — бац! — пружина освобождалась, эмоции выплескивались и заливали самих исполнителей и их слушателей. Играя, БИТЛЗ строили прочный эмоциональный мост между собой и своей аудиторией. В этом было что-то сверхъестественное. Казалось, что все — и сами Битлы, и ребята в зале — находятся вместе внутри

какого-то гигантского яйца. В тот вечер это ощущение охватило меня особенно остро. «Ну что, Боб? Я тебе говорил!» Но Боб в тот день остался верен Пейсмейкерам. Ничего. Очень скоро он будет самым ревностным сторонником БИТЛЗ.

Я решил игнорировать злое письмо Хауи Кэйси. Бруно Кошмидер предлагал двухмесячный ангажемент в «Индре» за 150 шиллингов в неделю. Я написал ему, что согласен и сам привезу БИТЛЗ в Гамбург. Действие контракта начиналось в среду 18 августа 1960 года и заканчивалось в воскресенье 16 октября. Согласно контракту, они должны были играть с 8 вечера до 9.30. Затем получасовой перерыв и второе отделение — с 10 до 11 часов. Затем второй перерыв (по-немецки — «паузер») на полчаса и снова час игры. Потом еще один перерыв и снова игра — до двух ночи. Вечер тяжелого дня, если воспользоваться их фразой. Много пота. Но это будет хорошая школа. Становление БИТЛЗ. А мне, как менеджеру, полагалось 10 фунтов в неделю. Не такие уж гроши, я вам доложу.

Глава пятнадцатая
«Мек шоу, Битлз, мек шоу!»

Наш вояж в Гамбург чуть не сорвался. Достать выездной паспорт для Джона Леннона оказалось делом не простым. Мать его умерла, а отец был неизвестно где. Джон жил с теткой Мими. Мне пришлось побегать по судам и полицейским участкам, чтобы собрать справки, необходимые для выдачи паспорта.

Денег на поезд у Битлов не было, поэтому мы решили ехать на своем транспорте. Я достал старенький микроавтобус зелено-кремового цвета, мы все там и разместились: я с женой Берил и ее братом Барри, Лорд Вудбайн (он, как обычно, ехал просто так, для удовольствия); Джон, Джордж, Пол, Стюарт и угрюмый Пит Бест. Целая толпа народа для такой колымаги. А в Лондоне надо было взять еще герра Штайнера из бара «Рай и Ад», который направлялся в Гамбург, чтобы поступить в штат Бруно Кошмидера в качестве переводчика.

Так началось наше историческое путешествие. Десять человек плюс аппаратура — ясно, что до комфорта пульмановских вагонов тут было далеко. Зато дешево. У Битлов было туго с деньгами, и они попросили у меня аванс.

Пол сказал: «Эл, нам нужны бабки купить кое-что в дорогу. Не дашь нам в долг? Мы отдадим. Ты нас знаешь.» Да, я знал их. Хорошие ребята. Порядочные. Они отдадут долг… если вспомнят о нем. Я дал им 15 фунтов на всех. Расписка до сих пор у меня. В ней говорится:

> «Э. Р. Уильямс (если вам интересно, могу сообщить, что „Р“ — это мое второе имя, Ричард), Слэйтер-стрит, 23, Ливерпуль-1. Получено от Алана Уильямса 15 фунтов стерлингов. Подлежат вычету из будущих гонораров в Гамбурге.»

Подпись:

> Стюарт Сатклифф и Пол МакКартни «от имени БИТЛЗ».

Все очень официально. 15 фунтов! Смешно, если подумать о миллионах, которые вскоре посыпятся в их карманы.

Битлы пришли в десять утра, волоча с собой обшарпанные чемоданчики и сумки, набитые жалким барахлом: по две смены белья и несколько рубашек. Правда, на мои деньги они купили

новые черные свитера и даже бейсбольные тапочки (обычно они носили свои бейсбольные туфли или кеды, пока те сами не сваливались с ног). Да, шик-блеск. Первый класс.

К счастью, на крыше автобуса имелась багажная полка, иначе нам пришлось бы ехать в жуткой тесноте и путешествие превратилось бы в сплошное мучение. Мы разместили на крыше большую часть аппаратуры и решили, что трое будут сидеть впереди, семеро сзади, на боковых скамейках, а вещи свалили в середину. Я взял с собой спиртовку для чая — надо было экономить. Хлеб и сыр мы надеялись покупать в дороге. Ну, а пиво — тоже по пути, в придорожных пабах или кафе. Битлы были чрезвычайно возбуждены: им впервые предстояло покинуть пределы родной Англии. «Наконец-то!» «Начнем шоу прямо в пути!» «Встречай нас, Гамбург!»

Берил бегала, проверяя, все ли в порядке, а Лорд Вудбайн стоял и смеялся чьей-то шутке. «Господи! — он ударил себя по ляжке. — Что за путешествие! Почему именно Гамбург и почему именно БИТЛЗ? Это какое-то безумие, безумие, безумие!» Вспоминая эту сцену, я думаю, что она была какой-то сюрреалистической. Я, бывший водопроводчик, бывший еще бог знает кто — уличный торговец, скупщик утиль-сырья, неудавшийся певец — еду в Гамбург с пятью Ливерпульскими парнями, у которых за душой ни гроша, и Лордом Вудбайном, знаменитым исполнителем калипсо из Вест-Индии и Ливерпуля-8. Разношерстная компания. Можно начинать шоу прямо в пути, как сказал кто-то из них. Битлы просили меня написать их имена по бокам автобуса, чтобы все знали: они покидают город, отправляясь в далекие страны. Но я позабыл об этом. Тогда они пошли в «Джек», выпросили у моих людей муку, смешали ее с водой, и клейкая масса была готова. Потом они вырезали крупные заголовки из старых газет, выуженных из мусорных ящиков, собрали из этих заголовков слово «БИТЛЗ» и свои пять фамилий и прилепили все это к стенкам автобуса с помощью той клейкой массы. Потом они отошли в сторону и стали с восхищением оглядывать свою работу. «Чертовски здорово!» «Люди! Это мы — знаменитые БИТЛЗ!» «Первый же дождичек все это смоет к чертям.» «Наоборот, дождик все это еще лучше прилепит — как говно к одеялу.»

Наконец, все было готово. Совершив пробный круг по городу, мы направились в сторону Ламанша. В Лондоне мы подобрали герра Штайнера и уже в полном комплекте двинулись к морю. Мы едва успели на ночной паром. Подъемный кран подцепил наш автобус (мы, конечно, вышли) и перенес его на паром. Был момент, когда автобус угрожающе накренился и чуть не рухнул в

воду. Мы отделались очень даже не легким испугом. Очутившись на пароме, ребята разбежались во все стороны, исследуя его достопримечательности — комнаты отдыха, бары и все прочее. А вот и скамейки, на которых нам предстоит провести ночь. Ничего, ребята ночевали и в худших условиях: например, в погребе Лорда Вудбайна. Спанье без всяких удобств их ничуть не пугало. Они могли бы разместиться и на бельевых веревках, эти ребята.

Мы стояли на палубе — пятеро парней из Ливерпуля, моя жена — китаянка, вест-индиец Лорд Вудбайн, чинный немец герр Штайнер и Барри, мой шурин, китаец. Разноплеменная толпа, дети разных народов. Мы стояли и смотрели, как темный силуэт английского побережья уплывает в ночную даль. Кто-то из Битлов тихо запел «Bye Bye Blackbird» («Прощай, черный дрозд»), знаменитую ностальгическую песню. И мы все подхватили: «Пакую все свои заботы и печали… Прощай, черный дрозд… Никто здесь меня не любит и не понимает… Прощай, птичка!» Потом мы спустились в комнату отдыха и стали укладываться спать на жестких скамейках.

Автобусное путешествие нас здорово вымотало, и спали мы хорошо. А когда проснулись, было уже совсем светло. Паром приближался к берегам Голландии. Впервые в жизни Битлы видели очертания европейского континента. Они протерли глаза, плеснули себе в лицо холодной водой и стали вглядываться в очертания Земли Обетованной. «Похоже на Англию.» «Кто это там ходит? Так это и есть иностранцы?» «Вроде, люди как люди.» «Похожи на нас.»

Автобус был выгружен без всяких приключений. Слава богу. Мы были готовы расцеловать волосатых докеров. Они обращались с нашим грузом, как с королевскими бриллиантами. Знали бы мы, что те инструменты будут действительно скоро на вес золота!

Следующим испытанием была встреча с голландской иммиграционной службой. У ребят не было разрешения на работу, поэтому они выдавали себя за студентов. Не знаю, поверили ли голландцы в эту выдумку, но нас они пропустили беспрепятственно. Я думаю, тут не обошлось без влияния гипнотизма битловских личностей. Как всегда, тон задавал Джон. Он сорвал с головы одного служащего форменную фуражку и стал обходить всех, изображая нищего, просящего подаяние. В общем, они все превратили в шутку.

Итак, мы были в Европе. С ее правосторонним движением! Это обстоятельство было причиной нескольких опасных столкновений, но, к счастью, ничего серьезного. Голландцы привыкли к безумным англичанам, ездящим не по той стороне, и относились к таким нарушениям с улыбкой.

Мы ехали через Гаагу. Тысячи велосипедистов окружали наш автобус: люди ехали на работу. Здоровые, розовощекие, чисто вымытые, опрятно одетые, симпатичные люди. Когда мы останавливались у светофоров, они, конечно, тоже останавливались и, в ожидании зеленых огней, прислонялись к нашему автобусу. От этого наша бедная колымага угрожающе раскачивалась. В таких случаях Битлы высовывали свои косматые головы из боковых окон и, улыбаясь, кричали: «Убери корягу, приятель!» «Отзынь отсюда!» «Кончай раскачивать лодку!» «Глядите, какой славный зверек!» (Это о женщине.)

Голландцы тоже улыбались и кивали нам, приветствуя на своем языке. На окраине Гааги я опять сделал неправильный маневр, свернув не туда, куда надо, и нас чуть не сбил огромный грузовик. Грузовик прогромыхал мимо. Клаксоны ревели. Из окна кабины на нас глядел могучий кулак. Проклятые англичане, они угробят нас всех! Да, надо срочно учиться ездить справа. Срочно. Битлы кричали мне слова утешения и ободрения. Мы выехали на просторы сельской Голландии. Упоительный аромат деревни приятно щекотал ноздри. Зеленые пастбища радовали глаз. Мы забыли про все треволнения. Битлы то и дело восторженно кричали: «Красота!» «Как на открытке!» «Как в школьном учебнике!» «А где эти проклятые тюльпаны, о которых мы столько слышали?» «И ветряные мельницы!» «Не вижу мельниц.» «А, вот одна!»

Мы подъехали к дорожному знаку, указывавшему путь на Арнхем, где тысячи британских солдат сложили свои головы во время последней мировой войны. Говорят, что они проиграли битву, но покрыли себя неувядаемой славой. С войнами всегда так: храбрые люди храбро, но глупо умирают. Я заглушил мотор у Арнхемского мемориала, где написано: «Их имена будут жить вечно.» Сначала мы позавтракали купленными в дороге бутербродами с сыром, а потом мой шурин Барри сфотографировал нас на фоне мемориальной стены.

Я был глубоко взволнован: я увидел бесчисленные ряды маленьких белых крестов. Каждый крест — это британский солдат, погибший на чужой земле. Теперь их плоть, их кости вскармливают тучные земли голландской деревни. Удобрение. Я заплакал. Отвернувшись, чтобы никто не видел, я вытирал руками глаза. Я не хотел, чтобы меня считали неженкой.

Джон Леннон даже не вышел из автобуса. Это зрелище было не для него. «Мне это не интересно. Все это не то.» Он чувствовал то же, что и я: что война — бессмыслица, и что эти люди не должны были умереть. И все-таки меня поразило, что он не захотел выйти и посмотреть на свидетельство такого

трагического безумия. Я мысленно обругал его разными нехорошими словами. Таким был Джон: противоречивым, упрямым, не по летам циничным. Впрочем, если остальные были для меня просто мальчишками, то на Джона я смотрел как на зрелого молодого человека — ершистого, язвительного, странного молодого человека, который подавлял всех остальных. У гениальных людей всегда есть странности. Дорогой Джон.

Остальные все вышли из автобуса и получили свою долю трогательных впечатлений. Сейчас я вижу руку судьбы в том, что мы остановились у стены с надписью: «Их имена будут жить вечно». Потому что это относится и к БИТЛЗ.

Арнхем оказался приятным маленьким городком. Мы гуляли по его живописным улочкам. День был жаркий. В воздухе жужжали пчелы. Мы шли по улицам, обсаженным аккуратно подстриженными деревьями, и смотрели на людей, спешащих по своим делам. В каком-то переулке мы добрели до музыкального магазина. Битлы зашли внутрь, а мы с Берил, Вуди и Барри остались на улице. Лучше бы я пошел вместе с ними! Вскоре они вышли. Вид у них был возбужденный и виноватый, как у мальчишек, совершивших удачный набег на чулан, где хранится варенье. Нехорошее подозрение охватило меня. «В чем дело, ребята? Что случилось?» Я почувствовал недоброе. Мы были в чужой стране, без разрешения на работу, маскируясь под студентов. Не хватало еще неприятностей от местных властей!

Леннон огляделся вокруг, убедился, что никто не смотрит, и вдруг вытащил из-за пазухи большую, очень дорогую губную гармошку. «Нравится?» — спросил он. «Где ты ее достал? Разве у тебя есть деньги?» Я прекрасно знал, что денег у него нет. И он знал, что я знаю это. «Я ее раздобыл.» «Ты украл!» — наступал я. Леннон окинул меня своим гордым, стальным взглядом. «Нет, ты мне скажи: ты что, украл ее? — не унимался я. — Мы тут в чужой стране, выдаем себя за студентов, а ты идешь на такое! Господи! Мелкое воровство!» Я поморщился. Леннон молчал. Засунув гармошку в карман пиджака, он сказал: «Да, я украл ее.» «Это идиотизм какой-то, — вопил я. — Зачем ты это сделал? Ты мог загубить все дело. Я бы купил тебе эту штуку, если б ты как следует попросил!» Леннон смотрел на меня неприступным взглядом, в котором читалась одна мысль: «Ты меня не запугаешь.» «А, бесполезно говорить!» — сказал я. Мальчишки! И выходка Леннона была, конечно, мальчишеством. Да и кто из нас, положа руку на сердце, может поклясться, что в свои юные годы он не делал ничего противозаконного? Я помню, как, будучи мальчишкой, заходил в магазин и смахивал в карман конфеты с прилавка. И не только конфеты. Я «специализировался» на

электротоварах. Причем они мне совсем не были нужны. Я таскал их, потому что чувство опасности страшно возбуждало. И от скуки. А эта гармошка очень пригодилась группе. «Ладно, — сказал я. — Пошли. Все равно мы не можем отнести ее назад. Они вызовут полицию, и тогда быть беде. Давайте уносить отсюда ноги, пока целы. Не хватало еще нам угодить в местную тюрьму!»

Когда мы выезжали из Арнхема, в автобусе царила неловкая тишина. Все думали об этом дурацком инциденте. Тут, чтобы разрядить обстановку, Джордж предложил: «Давайте споем!» Отличная мысль. Нельзя же вечно дуться друг на друга! Леннон достал свою новую сверкающую гармошку и после нескольких пробных трелей заиграл «Мэгги Мэй». Мы все хором запели эту озорную песенку про известную ливерпульскую шлюху. Наверное, мы пели очень громко, заглушая даже шум мотора, потому что люди на улицах оборачивались, что-то кричали нам и махали руками.

На границе с Германией — опять встреча с таможенниками и иммиграционными властями. Все прошло как нельзя лучше. В наше байку про студентов поверили. А гитары? Ну, это для домашнего музицирования. «Немцы ведь очень музыкальная нация, не правда ли, майн херр?» «О йа, йа!» — и чиновник махнул рукой, что значило — проходите. Дорога в Гамбург прошла не без приключений. Сначала, сразу после переезда границы, колеса нашего автобуса застряли в трамвайных рельсах и нас чуть не раздавил мчавшийся навстречу трамвай. Потом, уже в Гамбурге, мы столкнулись с автомобилем, за рулем которого сидела женщина. Но все обошлось. Женщина оказалась милым существом и даже подробно объяснила нам, как добраться до Гроссе Фрайхайт-штрассе — улицы, где находились «Индра» и «Кайзеркеллер».

Мы выехали на Гроссе Фрайхайт как раз в тот час, когда начали зажигать огни в стрип-клубах, а проститутки выходили на свой вечерний рейд в поисках клиентов. Кого только не было на этой улице! Наркоманы и сводники, гангстеры и музыканты, обычные гомосексуалисты и трансвеститы, грязные старички и грязные молодые люди, женщины, ищущие мужчин, и женщины, ищущие женщин. В магазинах можно было купить кинжалы и пистолеты, наручники и дубинки, кастеты и бичи, даже ручные гранаты — если вы знали «места», конечно. В этом районе Гамбурга можно было купить что угодно и кого угодно. Битлы вышли из автобуса, чтобы размяться. Они вдыхали в себя грязный воздух Гамбурга, с любопытством осматривались. Город им сразу понравился. «Наш город», — сразу определили они. «Смотрите, сколько огней!» «Глядите — мужик в женской одежде!» «Что это

он так вырядился?» Пришлось объяснить им про трансвеститов. Для них это было новостью. «Транс… как ты сказал?» «Вот чудики!» «Что за город!» Я привел их в «Кайзеркеллер», который находился в самом конце улицы. Бруно встретил нас с восторгом. Битлы тоже были в восторге — от «Кайзеркеллера». Мне пришлось все время напоминать им, что, по контракту, они будут играть не здесь, а в другом клубе Кошмидера — в «Индре». «Так это и есть знаменитые БИТЛЗ?» — сказал Бруно (он говорил через герра Штайнера). Они поразили его своим неудержимым темпераментом и колдовским обаянием. Точно такое же впечатление они потом произведут на Брайана Эпстайна, но будущее было тогда еще скрыто за далеким горизонтом.

Дэрри Уилки и Сеньоры были тоже там. Они готовились выйти на сцену. Хауи встретил Битлов довольно холодно: он считал их второсортной группой. Не будем сердиться на него: он и Дэрри давно не слышали БИТЛЗ и не знали, насколько те выросли за последнее время. Причина холодности могла быть и в другом: Хауи, наверное, думал, что я рассказал Битлам про его злое письмо. Но я им ничего не рассказывал: зачем ссорить людей, когда наша большая игра только начинается?

«Вы будете играть в „Индре“, это грязный стрип-клуб», — злорадствовал Хауи. Тут я вмешался и указал на то, что это бывший стрип-клуб. Увлеченный ливерпульским звуком, Бруно прогнал стрип-герлз и взял БИТЛЗ.

При слове «стрип-клуб» БИТЛЗ не смогли скрыть своего разочарования. «Слушай, Эл, мы сыты этим стрипом по горло. С нас вполне хватило „Нового Кабаре“.» «Мы проделали такой путь не для того, чтобы играть для стрипперов.» «Нет, Алан, нет, нет, нет.»

Я заверил их, что никакого стрипа не будет. «Герр Кошмидер, — добавил я, — не такой человек, чтобы нарушать обещания.» «Не беспокойтесь, БИТЛЗ, — сказал Бруно. — Там больше нет стрипперов. Будьте уверены.» Битлы успокоились. Окружив Сеньоров, они стали расспрашивать их про местную ночную жизнь, о бабах и выпивке. «Здесь есть все, что хотите», — отвечал Дэрри. Было очевидно, что сам Дэрри хочет все и без труда это добывает.

Бруно повел нас в «Индру». Вход в клуб был не освещен, и снаружи «Индра» показалась нам мрачным заведением. «Эл, а где же обещанная реклама? Где большой анонс?» «Не вижу никаких плакатов.» «Здесь нас никто не найдет.» «Никто не узнает, что мы здесь играем!» «Надо было привезти с собой плакаты.» «Да, — пришлось признать мне, — это печальный факт.» Бруно что-то в бормотал в ответ и вел нас дальше, в фойе. Здесь Джон зажег

спичку и стал вглядываться в трепещущие тени. «Ну, вот вам и анонс, — сказал я торжествующе. — Не так уж и плохо, а?» Но и не так уж хорошо, добавлю я сейчас. При свете догоравшей спички Джона мы увидели на стене надпись крохотными буквами: «Знаменитые БИТЛЗ из Ливерпуля, в Англии.» Спичка погасла, и в кромешной темноте я почувствовал, как разочарованы Битлы. «Ну как, хорошо?» — весело сказал Бруно. Он не почувствовал разочарования Битлов. «М-да», — сказал один из них. «Анонс мог бы быть и снаружи, в огнях.» «Будет, будет. Увидите.» «В „Кайзеркеллере“ лучше.» «Не нравится мне это место.»

Самый большой недостаток «Индры» состоял в том, что ее постоянными клиентами были люди, приходившие на стриптиз-шоу. Он не был рок-н-ролльным клубом. Но сделка есть сделка. Главной цели я добился — привез БИТЛЗ в Гамбург. А дальше, я был уверен, они сами пойдут вверх. Их музыка годилась для такого города, как Гамбург, для этого второго Ливерпуля, только более шумного и открыто обслуживающего то, что некоторые называют пороком, а я называю обыкновенным сексуальным аппетитом, который уродуется нашим ханжеским обществом.

Потом Бруно повел нас в соседний кинотеатр. «Эл, мы не хотим в кино.» «Может, они хотят заставить нас играть аккомпанемент для немых фильмов.» «Лучше погуляем по городу.» «Не думаю, что он ведет нас в кино, друзья. Наверное, где-то здесь вы будете жить.»

Так оно и оказалось. Не будь мы так измучены дорогой и в то же время так обрадованы, что, наконец-то, приехали в Гамбург, могла бы произойти неприятная сцена. «Номера», где предстояло жить Битлам, представляли собой три грязные раздевалки за экраном. Раньше здесь был театр, потом его переделали в кинотеатр, и раздевалками (точнее, артистическими уборными) уже бог знает сколько времени никто не пользовался. Так вот он, значит, новый дом БИТЛЗ! Я не знал, что сказать. Да и что тут говорить? Отступать уже поздно. Берил, Лорд Вудбайн и я собирались устроиться в каком-нибудь дешевом отеле. На первое время денег должно было хватить — если очень, очень экономить. А у Битлов не было ни гроша. Им пришлось согласиться на эту ночлежку.

Когда мы туда пришли, шел какой-то фильм. Слышались выстрелы, крики, а по задней стороне экрана, обращенной к нам, бегали мерцающие картинки. Жуткое ощущение. «Ах, за что нас суют в эту дыру?» «Дом, родной дом, где ты?» «Передайте мамочке, что я люблю ее и больше не буду странствовать по свету.» «Хуже свинарника.» «Держу пари, что тут нет даже горячей воды.»

Я сочувственно смотрел на Битлов. Леннон сказал: «Эл, этот тип, наверное, считает нас скотами.» «Мне жаль, друзья, но что же делать? Сказать ему, что место не подходит?» «Не подходит» — не то слово. Я поглядел вокруг: полурасколотые умывальники, грязные стены, всюду пыль и полное отсутствие мебели, кроме двух-трех ломаных стульев. «О'кей, йа?» — спросил Бруно. «Не совсем», — сказал я, собираясь, от имени ребят, отказаться от этих роскошных апартаментов. Но тут, к моему удивлению, они сами пошли на попятный: «Посмотрим, как будет все остальное, Эл.» «Поиграем немного, а там будет видно.» «Потом найдем место получше.» Раз так — быть по сему. И я сказал Бруно: «На первое время подойдет, а там посмотрим.» «Да, конечно, — сказал Бруно. — Я велю принести кое-какую мебель. А сейчас мои люди притащат кровати.» Не успел он это сказать, как в дверях появилась группа могучих людей. Это были вышибалы из «Кайзеркеллера». Они притащили раскладушки и старые одеяла. Постели для БИТЛЗ. Приятных вам снов, ребята!

Таким было первое жилище БИТЛЗ в Гамбурге — три темные, грязные крысиные норы позади киноэкрана. А с другой стороны экрана сотни людей пребывали в мире киногрез, не зная, что совсем рядом, по ту сторону, отдыхали парни, которым предстояло стать крупнейшим явлением в истории поп-музыки. Когда этим парням надо было побриться, они брали кружки и шли в «Кайзеркеллер», чтобы набрать там горячей воды.

Но в тот первый вечер их еще ждала работа. Приготовив себе постели, они в последний раз оглянулись вокруг, подняли свои инструменты и сказали Кошмидеру: «О'кей, мы готовы.»

Посетители «Индры» пришли, конечно, глядеть стриптиз. Еще не все знали, что стриптиз отменен, а вместо него будут какие-то БИТЛЗ из Ливерпуля. Акустика в зале была безобразная: ковровые покрытия во всю стену и тяжелые толстые шторы на окнах поглощали всю музыку. Сцена была крошечной. Ужасные условия.

Битлы сделали все, что могли, но посетители остались глухи. Не того они ждали. Не на то шли. «Где же девочки? — кричали они. — Нас обманули!» Я ходил туда несколько вечеров подряд в надежде, что все наладится. Черта с два.

В довершение всего, над «Индрой» жила одинокая старуха, которая стала жаловаться на шум снизу. Когда шел стриптиз, шума было не так много, так что стриптиз устраивал старушонку. Она жаловалась в полицию, жаловалась Бруно, а Бруно жаловался мне. «Скажи ребятам, пусть играют потише.» Я отвечал на это: «Рок-н-ролл — это громкая музыка, разве ты не знал? Чего ты хочешь — чтобы БИТЛЗ играли камерную музыку?» Но я все же обещал ему уговорить ребят играть чуть тише. Они возмутились:

«За кого он нас принимает, этот Бруно? За мышей?» «Как можно тихо играть бит?» «Он знал, кого приглашает.» «Эл, этот человек не в своем уме.» «Кто она, эта карга, что жалуется?» «Не вините меня, друзья. Я только передаю то, что велел сказать Бруно.»

Мы не знали, что делать. Битлы были расстроены всем этим, и я тоже. На крохотной сцене было не повернуться. Громко играть было нельзя, иначе старуха садилась за телефон и звонила в полицию. А портить отношения с полицией Бруно не хотел. Ровно через неделю все, слава богу, устроилось. Бурно понял, что «Индра» не годится для рок-н-ролла и вернул туда стриптиз. Старушка обрадовалась возвращению голых дамочек и, умиротворенная, снова взялась за вязанье. Держу пари, что она была богомольной старушкой и регулярно ходила в церковь. Умереть можно со смеху!

Бруно Кошмидер взял БИТЛЗ в «Кайзеркеллер» и разрешил им играть, чередуясь с Сеньорами. Ребята прыгали от радости. Крохотная сцена «Индры» сковывала движения Битлов, и они так привыкли к этому, что, выйдя на большую сцену «Кайзеркеллера», долго не могли прийти в себя. Казалось, они примерзли к сцене. Когда я пришел поглядеть на них в «Кайзеркеллер» и все это увидел, я не вытерпел и крикнул: «Ребята, больше движения! Делайте шоу (make show)!» Немецкая публика подхватила мой клич, и вскоре он стал девизом всего Репербана: «Мек шоу» («мейк» в устах немцев превратилось в «мек»). «Мек шоу, БИТЛЗ, мек шоу!» БИТЛЗ быстро завоевали успех и большую армию поклонников. Кошмидер полюбил их. Это, впрочем, не мешало ему придираться и вечно на что-то жаловаться.

За это время я совершил несколько поездок в Ливерпуль и обратно. Я вел переговоры с Кошмидером, стремясь вызволить Рори и его ребят из ливерпульского плена и привезти их в Гамбург. Рори был отличным шоуменом и неистовым рок-н-роллльщиком.

В каждый свой приезд в Гамбург я отмечал растущую популярность БИТЛЗ. Однажды в «Кайзеркеллере» Дэрри Уилки, Хауи Кэйси и я сидели за стойкой бара и пили. Мы то и дело оборачивались, привлеченные криками публики, которая страдала от ранней формы битломании.

«Ну как, Хауи? Что ты сейчас скажешь о БИТЛЗ?» В моем голосе звучали злорадные нотки: Хауи долго не признавал БИТЛЗ. Хлебнув немецкого пива, Хауи сказал: «Я знаю, Алан, почему ты так говоришь. Действительно, я их ругал. Но ведь я не предполагал, что они будут так быстро прогрессировать. Сейчас они лучше всех, никаких сомнений.» А Дэрри добавил: «Алан, их ждет великое будущее, такое великое, что…» Но слов у него не

хватило.

Глава шестнадцатая
В кожаных штанах и с бичом в руке

В течение следующих полутора лет в «Кайзеркеллере», «Топ Тене» и затем в «Стар-клубе» БИТЛЗ процветали подобно экзотическим цветам в музыкальной оранжерее. В Гамбурге с ними происходило нечто такое, что инъектировало в их сердца и в их музыку некую таинственную жизненную силу, которая потом останется с ними навсегда.

Вслед за Сеньорами и Битлами на гамбургской сцене появились Джерри и Пейсмейкеры, Рори Шторм и Ураганы, Кинг Сайз Тэйлор и Доминоз. Все они играли долгие изнурительные часы. В будние дни работа заканчивалась в два часа ночи, а по субботам в три. Неудивительно поэтому, что все группы вынуждены были прибегать к возбуждающим таблеткам и алкоголю. Ребята были молоды и здоровы, но, чтобы выдержать такое напряжение, стимулирующие средства были просто необходимы.

Достать амфетамины было очень просто, а об алкоголе и говорить нечего. Среди популярных таблеток были черные, красные и зеленые «бомбардировщики», стимулянты, депрессанты и даже «шпанские мухи» — афродизиакальное (повышающее половое возбуждение) средство, которое можно было тоннами закупить в любом порномагазине этого района (не спешите туда: оно все равно не действует). Алкоголь в сочетании с пилюлями и таблетками образовывал мощную возбуждающую комбинацию, которая накладывалась на, и без того живой, темперамент ливерпульских музыкантов.

Многие группы жили вместе с проститутками, которые услаждали их, покупали им еду, одежду, а иногда даже дорогие инструменты. Как и все, ночные дамы Гамбурга были без ума от Битлов. Даже сейчас, если пройти по улицам Репербана (как это сделал я совсем недавно), где полуголые проститутки сидят на подоконниках публичных домов и зазывают клиентов, вы можете остановиться, поболтать с ними, и они расскажут вам удивительные истории про этих «озорных Битлов».

Битлы получали много денег, но они также легко уходили, как и приходили. Ребята не думали о том, что будет завтра. Когда они вдруг оказывались на мели (а такое тоже бывало), всегда находилась какая-нибудь красотка, которая покупала им еду и выпивку. Ребята впервые в жизни были так далеко от дома. Гамбург вскружил им голову. Но кто станет винить их за это? В

перерывах между выступлениями ребята знакомились с какой-нибудь красоткой, выпивали вместе, обнимались, шептали слова любви, потом проводили с ней ночь и думали: может, это и есть любовь? А потом, гуляя по кварталу публичных домов, они видели, как их подруга, в кожаных штанах и с бичом в руке, зазывает клиентов, сидя на подоконнике. Конечно, такие вещи служили питательной почвой, на которой вырастало циничное отношение к женщинам и к жизни вообще. Но это же и закаляло их и без того твердые характеры. Они узнавали жизнь с разных сторон.

Некоторые музыканты — я не буду говорить, кто именно, — ходили в клубы гомосексуалистов и влюблялись в трансвеститов неописуемой красоты. Вы думаете, я преувеличиваю, говоря о «неописуемой красоте»? Держу пари, что вы не отличите мужчину от женщины, если у него (у нее) роскошные груди, стройные ноги и кожа, как персик. Некоторые ребята — опять же я не скажу, кто именно — одевались в женскую одежду, чтобы извлечь максимум удовольствия из общения с трансвеститами. Эти странные мужеженщины (или женомужчины) выращивали свои привлекательные груди с помощью силиконовых инъекций или гормональных препаратов. Им не составляло никакого труда соблазнить ничего не подозревающего человека, который думал, что его развлекает фантастическая женщина. Но потом наступал критический момент, и соблазненный вдруг обнаруживал, что «она» на самом деле во многих отношениях подобна ему, а то и превосходит его кое в чем. Из чистого любопытства я бывал во многих местах, где собирались трансвеститы. С ними всегда было интересно и весело, даже если вы не собирались с ними спать. Бурно — тот вообще там пропадал, а я мог терпеть это только в маленьких дозах.

В Гамбурге тех лет пышно цвела преступность. Гангстерские элементы, которыми всегда кишмя кишит клуб-ленд, нанимали бандитов, чтобы те устанавливали угодные им порядки. Полиция же не вмешивалась в эти дела, рассуждая так: пусть гангстеры убивают друг друга, лишь бы не трогали «простых граждан». Все швейцары и вышибалы носили револьверы на плечевой перевязи под куртками. Это я узнал из разговора с одним владельцем клуба, с которым успел подружиться.

«Удивляюсь, как этот маленький человечек умудряется поддерживать порядок. У него росту, наверное, два вершка, не больше.» «Не волнуйся, — сказал мой друг. — У него есть кое-что вот тут», — он похлопал себя по плечу. Потом он подозвал этого человека. Коротышка подошел. «Покажи ему своею пушку.» Тот подозрительно покосился на меня. «Не бойся, это свой.» Человек

сунул руку под куртку и вытащил пистолет такого огромного размера, что я ахнул. В его крошечных руках он был похож на пушку. Это был самозарядный пистолет 45-го калибра. Такие есть в американской армии. Этой штукой можно снести башку, если стрелять в упор. Или проделать дырку в теле величиной с тарелку. Хорошо иметь при себе такое средство убеждения. «А как смотрит на это полиция? — спросил я. — Там, откуда я приехал, такие вещи запрещены законом.» «Полиция не суется в наши джунгли. Здесь мы хозяева. А полиция только помогает иногда, если кто-то выходит за рамки. В этот бизнес вложено много денег, и продолжает вкладываться. А те, кто это делают, не желают, чтобы их вклады оказались в опасности. Они знают нужных людей. Нужные люди знают полицию. Все очень четко продумано.»

Несмотря на все это, или наоборот, благодаря всему этому, район Санкт-Паули — Репербан — Гроссе Фрайхайт был вполне безопасный. Если вы приходили разлечься и занимались только своим делом, ни во что не вмешиваясь, то могли чувствовать себя в полной безопасности. Относительно, конечно. Во всяком случае, в нынешнем Лондоне куда опаснее, чем в тогдашнем Гамбурге.

Вот в такие времена и в такой обстановке очутились ливерпульские группы. Они много пили, глотали много таблеток и работали до рассвета, играя свою музыку, которая стала музыкой всего мира. Долгие часы соперничества с Сеньорами, Пейсмейкерами, Кинг Сайз Тэйлором, Доминоз и Большой Тройкой сослужили Битлам добрую службу. Чтобы выдержать эту гонку, им приходилось выкладываться и постоянно искать новые пути. Другие группы начали бег раньше, они имели фору. БИТЛЗ сначала поравнялись с ними, затем включили максимальную скорость и всех перегнали. Они стали группой N1. Остальные признали их превосходство.

Выходки и чудачества Битлов далеко не всегда приходились по вкусу немцам, многие из которых еще помнили минувшую войну и чувствительно реагировали, когда кто-то задевал их национальную гордость. Война закончилась 15 лет назад, но крайне ранимое тевтонское самолюбие еще давало о себе знать. Впрочем, немцы были разные. Были и такие, кто был рад забыть мрачные времена, когда был «один народ, один рейх, один фюрер».

Леннон не давал им этого забыть. Он орал: «Зиг хайль!» со сцены «Кайзеркеллера», вскидывая руку в нацистском приветствии и обзывал публику «проклятыми нацистами». Ему доставляло удовольствие дразнить немцев, напоминая им о мрачном прошлом. Хотя, при этом шуме и гаме, который стоял в

зале, мало кто его слышал. А если кто и слышал, то, наверное, не верил своим немецким ушам. Но все равно в такие моменты я всегда боялся, как бы чего не вышло.

Взрывоопасные ситуации возникали и без провокации со стороны Битлов. Иногда в клуб являлись толпы гангстеров и посылали на сцену дюжины ящиков с выпивкой. Если бы Битлы отказались от угощения, дела могли быть плохи. Этим типам ничего не стоило начать пальбу. А я хотел, чтобы ребята остались целыми и продолжали делать деньги.

Хотя я знал, что Леннону бесполезно делать замечания за его выходки, я все-таки иногда его бранил за сквернословие на сцене. Такие слова, как «shit», «fuck» и «piss» были частью обычного сценического лексикона БИТЛЗ.

Леннон пил не больше, чем все остальные обитатели тех мест. Бывало, правда, и он хватал лишку. Я видел его за кулисами в состоянии, близком к обморочному: голова низко опущена, слюна у рта, он что-то бормочет и тянется к очередному стакану. В такие моменты я думал: «Ну, этот парень теперь не выйдет на сцену». Но, клянусь всеми святыми, он выходил-таки, заводился и делал великую музыку. Крепкий парень.

Вообще удивительно, как Битлы не превратились в отчаянных алкоголиков. Кто-нибудь из публики, желая выразить свое восхищение, всегда рвался к сцене, хватал Битлов за щиколотки, угощал шампанским. Пьяницы-энтузиасты выносили даже целые ящики с пивом или шампанским и с грохотом ставили их на сцену. «Тринкен, тринкен!» — орали пьяные благодетели и, шатаясь, шли на свои места.

Ребята открывали бутылки любым предметом, который оказывался под рукой: гитарой, ножом или с помощью «усилка». Я видел, как Леннон открывал пивные бутылки зубами. Видя это, я всякий раз морщился. Я думал: ну, сейчас он выплюнет кучу зубов. Но этого никогда не случалось. Однажды вечером толпа в «Кайзеркеллере» никак не могла дождаться, когда начнется музыка. Какой-то пьяный немец кинулся к сцене, просунул голову за занавес и заорал: «Мек шоу, мек шоу!» Но он выбрал неподходящий день: Леннон набрался пива и был в агрессивном расположении духа. Немец кричал, что привел с собой важных гостей и они не могут ждать так долго. Не услышав в ответ лакейского «Яволь, майн херр!», немец распалился и стал ругаться. Леннон не выдержал и крикнул: «Убери прочь свою толстую харю!» Тот не унимался. Тогда Леннон размахнулся и ударил его носком сапога в лицо. Пухлое тело немца, описав дугу, удалилось в том направлении, откуда появилось.

БИТЛЗ начали, как обычно, будто ничего не произошло.

Кажется, Пол пел «It's Now Or Never» («Теперь или никогда»). Оскорбленный немец взял эти слова своим боевым кличем. Он решил объявить тотальную войну Битлам вообще и Джону Леннону в частности. Он бросился в лобовую атаку. Леннон видел его потное лицо, искаженное ненавистью. Еще один прицельный удар — и фриц отлетел к публике.

Вскоре я увидел его рядом с Кошмидером. Размахивая руками и вытирая кровь с лица, он жаловался ему на Леннона. Бруно подошел ко мне. Я вступился за Джона. «Ребята имеют право защищаться. Мы здесь не в детском саду», — сказал я. Бруно пришлось согласиться.

Но далеко не всегда с ним было легко ладить. Я уже говорил, что он быстро полюбил Битлов и, подобно Эпстайну, стал их слишком опекать и даже ревновать (не будем осуждать Бруно, он был далеко не единственным в этом смысле).

Владельцы гамбургских клубов всегда включали в текст своих контрактов с группами примерно такую «защитную» статью: «Артисты не должны без письменного согласия администрации появляться в местах общественного развлечения в пределах 25 миль от упомянутого здесь места развлечения в течение 30 недель до, во время и после истечения срока настоящего соглашения…» Изложено все по-тевтонски четко, ясно. Сковывает, как железные оковы.

После работы, а иногда даже и в перерывах («паузерах») Битлы шли в клуб «Топ Тен», тут же неподалеку, за углом. Он принадлежал высокому, красивому, деликатному немцу по имени Петер Экхорн. Он был настоящим другом Битлов. Они шли туда не только чтобы увидеть Тони Шеридана, отличного певца и гитариста. Они высоко ставили Тони. Можно даже сказать, что он был их кумиром. Они признавались, что многому научились от него. Битлы не подозревали, что герр Штайнер, переводчик Бруно, служил также его осведомителем. Ему было поручено следить за БИТЛЗ и докладывать, если они будут ходить в другие клубы этого района. Когда Штайнер прибежал к Бруно и донес, что видел его драгоценных Битлов в «Топ Тене» Бруно рассвирепел и сотряс воздух тяжелыми немецкими ругательствами. Ему не нравилась дружба Битлов с Шериданом, потому что Тони покинул «Кайзеркеллер» и увел за собой своих фанов.

Вопреки недовольству Кошмидера, ребята продолжали ходить в «Топ Тен» и в другие заведения. Они не желали интерпретировать все положения контракта буквально. А герр Бруно делал именно так. Он жил по закону контракта. А ребята жили по закону жизни: принимали ее такой, какой она была, и

толковали ее законы так, как подсказывало сердце.

Кошмидер особенно приставал к Дерри. Дерри был первоклассным певцом. Публика любила его за то, что он никогда не сачковал, а всегда выкладывался до предела, не жалея себя. Грешно было жаловаться на него. А Бруно дошел до того, что требовал его возвращения на сцену, когда Дерри, спев свою партию, шел к бару выпить пива. «Вы должны быть на сцене вместе с остальными, герр Дерри!» — говорил Бруно. «О да, я знаю. Я вернусь через минуту, только выпью пива с друзьями. Не волнуйтесь.» «Я не волнуюсь. Но в вашем контракте, герр Дерри, ясно указаны все паузы. Вернитесь на сцену.» Иногда Дерри возвращался, иногда — нет. В последнем случае Бруно злился, смешно подпрыгивая, ходил туда-сюда, а герр Штайнер нервно потирал руки и бегал за ним следом. Уморительная сцена!

Как вы уже поняли, Бруно был из тех людей, кого надо либо принимать такими, какие они есть, либо отойти в сторонку и, сплюнув, оставить в покое. Иногда он бывал замечательным человеком, иногда — сволочью. Как и все мы.

Ливерпульские группы не желали быть автоматами. Не из того теста они были сделаны. В крови у них не было подобострастия. Пришло время, и Сеньоры решили: хватит. Обе стороны поняли, что лучше будет расстаться. Ребята ушли из «Кайзеркеллера». Они хотели устроиться где-нибудь в другом клубе, но контракт запрещал им это. Какое-то время они жили на подачки друзей и знакомых дамочек с улицы. Они пытались выяснить возможность работы в клубах Дании и Швеции, но тогда ничего из этого не вышло. Наконец, потеряв всякую надежду, они плюнули и вернулись домой — без гроша в кармане, разочарованные, но умудренные большим жизненным опытом.

Теперь Кошмидеру нужна была новая группа для выступления в паре с БИТЛЗ.

Глава семнадцатая
Маленький Покс-Доктор Гамбурга

В то время ведущей Ливерпульской группой были Рори Шторм и Харрикейны (Ураганы). Ударником у них был Ринго Старр — да, тот самый — весь в кольцах и с печальными глазами мексиканского бандита.

Ураганы страшно хотели поработать в Гамбурге: до них, конечно, уже дошли рассказы про тамошнюю лихую жизнь и хорошие «бабки». Как и все, они жаждали новых впечатлений, нового возбуждения.

В отличие от многих других групп, Ураганы привыкли к хорошей жизни. Жалкие каморки и третьеразрядные отели были не для них. В курортных городах, где они были особенно популярны, они жили в прекрасных условиях: в домиках, стилизованных под швейцарские шале. Недостатков в девочках, как вы понимаете, тоже не было. Когда Рори со своими Ураганами приехал в Гамбург, и Бруно Кошмидер показал им раздевалки за сценой, где им предстояло жить, я думал, что Рори тут же скомандует ребятам «Кругом!» и они уедут домой.

«С-с-слушай, Алан, т-т-ты ничего не говорил про т-т-такие условия.» «Ах, оставь, Рори. Ты знал, что здесь тебя не ожидает „Ритц“», — сказал я. Рори окинул взглядом эти грязные апартаменты, потом перевел взгляд на меня. На лице у него было такое трогательное, расстроенное выражение, что я чуть не прыснул. «Н-н-но это у-у-ужасно.» «Мы не свиньи, — вставил Ринго. — Что все это значит, Алан?» Ринго всегда был щепетилен, когда дело касалось его личных удобств. «Это ненадолго. Потом подыщем что-нибудь получше. Ну, согласны?» — умолял я. «Ладно», — сказали они, с отвращением глядя на свое новое жилище. До них здесь жили Сеньоры, они не слишком заботились о поддержании чистоты. То же самое можно сказать обо всех других гамбургских группах. «Черт подери, вы посмотрели бы, в каких условиях живут Битлы, и то не жалуются», — сказал я. «Ну, то Битлы. А мы привыкли к комфорту.» «Подумаешь, Битлы!» — сказал Ринго.

Жилище БИТЛЗ напоминало свинарник. Они совсем не следили за чистотой. На полу всегда валялись окурки, бумажки, предметы одежды, пустые пивные бутылки, объедки на бумажных тарелках. Где ты, добропорядочный английский «хоум»? Когда живешь на выпивке и на таблетках, ненормальное превращается в норму.

Не знаю, как сейчас, а в Гамбурге тех лет были широко распространены венерические болезни. Мало кто из ливерпульских ребят избежал знакомства с покс-докторами.[7] Гамбург — большой международный порт, и власти позаботились о том, чтобы таких докторов было достаточно. Хуже всего было то, что возвращаясь в Англию, ребята привозили с собой эти болезни. Не хочу сказать, что они делали это намеренно. Просто так случалось. Как раз в те годы кривая роста венерических болезней в Англии резко пошла вверх, и я утверждаю, что эти болезни постоянно экспортировались из Гамбурга.

Ребята из групп не слишком заботились о личной гигиене. Они даже не знали о симптомах заболеваний. В те годы пропаганда медицинских знаний не была еще поставлена так, как сейчас. Поскольку я был старше всех, многие ребята приходили со своими проблемами ко мне. А одной из этих проблем были венерические болезни. Я стал Маленьким Покс-Доктором Гамбурга. Конечно, я мог бы обойтись и без этого титула, но что делать. Я помогал, как мог.

Ливерпульцы любили ходить в маленький бар «Гретель и Альфонс» на Гроссе Фрайхайт. В нем не было ничего особенного, но Битлы и многие их друзья почему-то облюбовали это место. И вот там, в задней комнатке, я часто выполнял обязанности покс-доктора. Кто-нибудь из ребят, озираясь, подходил ко мне и робко начинал: «Слушай, Эл, можно поговорить с тобой наедине?» «Конечно. А что такое?» «Ну… Э-э… Отойдем подальше.» Мы отходили подальше, а остальные продолжали пить пиво, то и дело поглядывая на часы — как бы не опоздать на сцену. «Только никому не говори», — просил озабоченный парень. И я сразу догадывался, в чем дело. «Ну, ну. В чем дело?» Парень начинал возиться с ширинкой. «Понимаешь, я тут познакомился с одной… А она оказалась с этим. Короче, что-то не в порядке с моей шишкой.» Ах, эти шишки! Сколько я их перевидел за то время! Они снились мне ночами. Но не возбуждали: я ведь не гомик. «Ну, посмотрим, что у тебя там.» Зиппер раскрывался, появлялся провинившийся придаток, и Маленький Покс-Доктор Гамбурга наклонялся, чтобы провести обследование. Я смотрел, нет ли опухолей в паху, спрашивал, нет ли болей при мочеиспускании — в общем, все, как я об этом читал. К сожалению, чаще всего эти симптомы имели место. Иногда я просил пациента помочиться в пивную бутылку и исследовал мочу при тусклом свете бара. Конечно, так можно наделать много ошибок, особенно, если бутылка плохо вымыта. Короче, я делал все, что было в моих силах. Чаще всего мое обследование кончалось тем, что я отправлял пострадавшего к местному «знахарю» или в

ближайшую больницу — если были какие-то сомнения. Но, конечно, мало кто шел в больницу, большинство — из робости и смущения — предпочитали лечиться у частников. Врачи предписывали инъекции и требовали отказаться от алкоголя и наркотиков, чтобы инъекция могла оказать эффективное действие. Но безответственность и богемный образ жизни сводили на нет всякое лечение. Когда все вокруг пьянствуют и глотают пилюли, трудно подчинить себя железной самодисциплине. Много всякого случалось в те сумасшедшие времена. Любого, кто мог прожить эти времена в целомудренной чистоте, я бы назвал святым. Только вряд ли такие были тогда. И вообще когда-либо.

Идя по улице, можно было услышать над ухом громкий, настойчивый голос: «Эй, мистер, не желаете поглядеть? Двое мужчин факают женщину.» «Или вот: две женщины факаются. Хотите посмотреть?» «Мистер, вы любите мальчиков? Взгляните на этих чудесных мальчиков!» «Тебе нужны наркотики, парень?» «Хочешь, чтобы тебя отхлестали?» «Хочешь, чтобы тебя пофакали?» Хочешь, чтобы тебя повесили, четвертовали — там предлагали все, что угодно. Все эти безобразия искупались человечностью Репербана, и в этом смысле он — полная противоположность лондонскому Сохо. В репербановских злачных местах вас обдерут так же ловко, как и в Сохо, но сделают это с подкупающим дружелюбием и с уважением к вашей личности.

Как я уже говорил, чувство юмора у Битлов было окрашено в мрачные тона. По своим взглядам они были нонконформистами, но — удивительное дело — они в то же время излучали таинственную эманацию добропорядочности и казалось, что они простые ребята. Сам я не очень религиозен. Конечно, в трудную минуту я могу воскликнуть на одном дыхании: «Господи! Пронеси чашу сию мимо меня!» Но, для меня, мир слишком суровая штука, чтобы можно было верить в какой-то способ спасения на небесах. И все же я был шокирован, когда Битлы сами смастерили изображение этой суперзвезды, Иисуса Христа.

Однажды, далеко за полночь, они пьянствовали на квартире Манфреда Вайследера, владельца «Стар-клуба». Ради хохмы они вдруг решили внести свой вклад в религиозное чувство горожан: достали картон, бумагу и прочие материалы, сделали 8-футовую фигуру распятого Христа и подвесили ее к крыше мансарды. Там она и висела всю ночь. А утром, когда добропорядочные богомольные граждане Гамбурга под перезвон колоколов местных церквей вышли на тихие улицы, чтобы идти к воскресной мессе, они увидели на фоне гамбургского неба самого Иисуса. Можно

было бы принять этот факт как знак глубокой веры Битлов, если бы не одно обстоятельство: к фигуре Христа, в соответствующем месте, кто-то прикрепил здоровый презерватив, наполненный пивом.

Безобразная выходка, конечно. Независимо от того, верите вы в бога или нет. Наверное, Битлы были пьяны вдрызг, иначе они вряд ли решились бы на такое.

Конечно, посыпались протесты от местных жителей, но Манфреду удалось замять дело. Битлы отделались суровым предупреждением. В тот раз их юмор зашел слишком далеко. Как, впрочем, и в другие «разы» — когда, например, они посмеялись над бедными монашками, пописав на них из окна своего жилища.

Глава восемнадцатая
Головорезы Кошмидера

Когда Рори Шторм и Ураганы играли вместе с БИТЛЗ в «Кайзеркеллере», происходило много всяких веселых историй. Рори любил дразнить Бруно Кошмидера. Бруно терялся, не зная, как реагировать на шутки Рори и на его заикание.

Сцена «Кайзеркеллера» — то ли от времени, то ли от тяжести бутылок, то ли от того, что ребята слишком много по ней топали — стала угрожающе трещать и расшатываться. Битлам это не нравилось. Они сказали Бруно, что в один прекрасный день они (или обе группы вместе) могут провалиться к чертовой матери, погибнув под обломками. «Герр Кошмидер! Вы что, хотите увидеть, как мы исчезаем в облаках пыли?» «Кто будет платить за полученные увечья?» И добавляли, уже ливерпульской скороговоркой, чтобы он не понял: «Ну ты, старый скряга, когда починишь проклятую сцену?» Но Бруно не спешил раскошеливаться на ремонт. Рори тоже приставал к нему: «К-к-клянусь г-г-господом богом, мистер Кошмидер, если м-м-моя нога провалиться и застрянет в этих д-д-досках, я — мать твою — з-з-затаскаю тебя по с-с-судам и — мать твою — оставлю тебя без единого пф-ф-феннига.»

Бруно растерянно глядел на блондинистого парня. Он никогда не мог понять, что тот говорит. К тому же, выражение лица у Рори было какое-то загадочное, хоть и не враждебное, даже когда он сердился. Бедный Рори. Ему предстоит умереть при трагических обстоятельствах, в момент острого душевного кризиса. «Все будет хорошо, ребята. Продолжайте играть. О сцене я позабочусь», — заверял Бруно, но все осталось по-старому. Рори был крепкий, атлетического сложения, парень, отличный бегун и пловец. Он совершал фантастические прыжки на сцене, раскачивался на люстрах. Однажды он даже прыгнул с моста в Брайтоне — только не в воду, а на сушу. К счастью, он упал в кучу грязи, которая смягчила удар. Все это он делал ради забавы или на спор. Бруно, конечно, не знал, что нанял атлета.

На Гроссе Фрайхайт ребята любили ходить в «Кафе Вилли», где заказывали кукурузные хлопья с молоком (да, да!) и запивали все это пивом. Эту моду ввели Битлы, а потом ее подхватили все остальные.

И вот однажды в этом кафе созрел заговор. «Надо проучить этого типа.» «Что будем делать?» «Как заставить скрягу построить новую сцену?» «Подожжем ее!» «Не пойдет: спалим все вокруг и

сами сгорим.» «Послушайте: эта сцена все равно рухнет, рано или поздно.» «Ну да, и мы вместе с ней.» «В том-то и дело.» «Давайте, ускорим этот процесс.» «Как это?» «Будем побольше прыгать.» «Проломим ее к чертям!» «И Бруно придется построить новую.» «Отличная идея!»

Сказано — сделано. В тот вечер ребята дали такой неистовый «мек-шоу», что у Бруно глаза на лоб полезли. Они совершали дикие прыжки и топали так, что сцена шаталась, доски трещали, а пианино раскачивалось, издавая резкие нестройные звуки. Бруно почувствовал неладное. «Что-то вы сегодня слишком энергичны», — сказал он ребятам. «Яволь, герр Бруно!» «С чего бы это?» «Мы делает шоу. Мек-шоу! Разве не этого вы всегда требуете?» «Так-то оно так…» «Чем же вы не довольны?» «Есть люди, которым никогда не угодишь.»

Так продолжалось несколько вечеров подряд. Шоу становилось все более неистовым. Ребята заключили пари: группа, которая первой проломит сцену, будет победительницей. Проигравшие ставят ящик шампанского и катают победителей на своих плечах вокруг Репербана.

Победили Рори Шторм и Ураганы. И случилось это во время исполнения «Blue Swede Shoes». Сцена рухнула, увлекая за собой ребят вместе с их инструментами. Публика была в восторге. Немцы любят такие вещи: вкус к разрушению у них в крови.

Под гиканье толпы Ураганы вылезли из-под обломков и бросились в «Кафе Вилли». Им не терпелось поскорее объявить Битлам о своей победе. Бруно, конечно, понял, что ребята нарочно сломали сцену, однако доказать этого не мог. Но ему помогли… Радостные и возбужденные, ребята праздновали победу над старым сквалыгой Бруно Кошмидером. Шампанское лилось рекой. А в дальнем углу бара, смешавшись с толпой, стоял верный пес Кошмидера — герр Штайнер. Он все видел и слышал. Теперь Бруно имел доказательство умышленного вандализма. Скрипя тевтонскими зубами, слушал он донос своего агента. Нет, такого он не потерпит. Хватит! Надо проучить этих зарвавшихся англичан. Он тут же снарядил ударный отряд, составленный из своих вышибал и официантов, и послал их в «кафе Вилли» задать перцу этим мальчишкам. Вооруженный дубинками и ножками от стульев, отряд головорезов Кошмидера ворвался в «Кафе Вилли» и набросился на ребят из Ливерпуля. Люди Кошмидера были крепкими ребятами с бычьей шеей. Они рассчитывали легко справиться с юнцами из Ливерпуля. Конечно, мои ребята не были «гладиаторами баров» (так называют тех, кто приходит туда специально, чтобы устроить бузу), первыми они никогда не лезли в драку, но умели постоять за себя, если возникала нужда. Такая

нужда теперь возникла.

«Вперед, Ливерпуль!» «Бей их стульями, ребята!» Они выдернули ножки стульев и столов бедного заведения Билли и ринулись в бой. Сцена напоминала кадры из кино-боевика. Схватка длилась недолго и закончилась поражением кошмидеровского батальона. Немцы отступили. Ребята победили. И Бруно пришлось построить новую сцену. Кафе снова приняло нормальный вид. Ребята скинулись и заплатили за причиненный материальный ущерб. Никаких осложнений после этого не было. Так было везде в районе Репербана. Можно было учинить настоящий разгром, но если вы тут же платили за причиненный ущерб — все прощалось и забывалось.

Глава девятнадцатая
Битлз — это что, немецкая группа?

Однажды, во время очередного «паузера» БИТЛЗ, я сидел с ними в одном клубе на Гроссе Фрайхайт. Мы пили пиво и мирно беседовали. С нами были наши приятели — несколько местных гангстеров с подругами.

На сцену вышла латиноамериканская группа в белых смокингах. Волосы у всех были смазаны бриолином. Загремели барабаны «бонго», затрещали маракасы, и группа запела популярный тогда хит Элвиса Пресли «It's Now Or Never».

В то время это была любимая мелодия Пола МакКартни, и он стал подпевать. Вдруг я увидел, как к нашему столику подходит незнакомый человек. Правая рука под пиджаком. Как у бандита из фильма Джимми Кэгни, решил я. Так оно и оказалось.

Человек остановился у нашего столика, вынул руку из-под пиджака и направил дуло пистолета на одного из наших немецких друзей. «Ложись!» — крикнул я, думая прежде всего о безопасности Битлов. Все пригнулись. Грохнул выстрел. Стрелявший бросился бежать. Когда я выпрямился, голова нашего немецкого друга лежала на столе в луже крови. Не знаю, что это было. Наверное, междоусобная война гангстеров. Таким был район Санкт-Паули — Репербан. Человеку запросто могли снести башку, когда он мирно попивал пиво. Жертву унесли. «Все в порядке, господа!» — крикнул вышибала. Но Битлы не были в этом уверены. «Проклятье! Как в Чикаго!» «Могли и нас пристукнуть.» «Мамочка, я не хочу умирать!» «Нам скоро на сцену.» «Дрожу, как осиновый лист.» Я видел, что Битлы были в шоке, хоть и пытались шутить. Я тоже дрожал, как осиновый лист. Кровь на столе среди пивных бутылок. Ребята пошли в «Кайзеркеллер» и играли, как обычно. Разве странно после этого, что они смогли потом выдержать битломанию?

В тот период своего ученичества в «Кайзеркеллере» БИТЛЗ записали свою самую первую пластинку. Я выступал в роли продюсера, руководителя записи и рекламного агента — все в одном лице.

В группе Рори Шторма был парень по имени Вэлли, который тоже хорошо пел. У него был широкий вокальный диапазон, и Битлы восхищались им. Я сам когда-то учился на певца и сразу определил широкие потенциальные возможности Вэлли. Если дать ему бэкинг БИТЛЗ, то должен получиться интересный звук — так думал я.

К этому времени все Битлы, кроме Пита Беста, уже подружились с Ринго Старром из группы Рори Шторма. Они были собутыльниками.

Любимыми песнями Вэлли были «Fever» и «Sommertime». «Эл, давай сделаем пластинку!» «Пластинку? Какую?» «Обыкновенную — с дыркой посередине.» «Ну, ну. И с кем же вы будете ее делать?» «С Вэлли.» «Почему именно с ним?» «Он клевый певец.» «А кто будет платить за все это?» «Ты, конечно.» «Ах, вот как!»

Вот как мы решили сделать первую пластинку БИТЛЗ. Историческое решение. Питу Бесту они сказали, что стучать будет Ринго Старр — потому, дескать, что он привык к Вэлли и знает все его песни. Питу это, конечно, не понравилось, но ему пришлось смириться.

Свалив гитары, барабаны, микрофоны, бутылки с пивом и пакет с бутербродами в мою машину, мы поехали в гамбургскую «Акустик-Студию», где люди записывали поздравительные пластинки. Ну, вы знаете, какие. Например: «Здравствуй, мамочка. Это говорю я. Мы живем хорошо. Ждем тебя на рождество. Как твое здоровье? Бэби передает тебе привет. Бэби, скажи что-нибудь бабушке! Гу-гу-гу… Ну все, мамочка. Привет Джо, Джону, Саре, Альфи, Дотти, Лулу, бла-бла-бла…»

Студия была крохотная. Не знаю, что там сейчас. Может, она делает большой бизнес. Слово «БИТЛЗ», конечно, ничего не говорило работникам студии. Для них они были очередной любительской группой, которая хочет записать себя на пластинку: скорее всего, чтобы послать своим родным в Англии. «Вы хотите послать привет своим родным?» «Если мы хотим послать привет, мы пишем письма.» «Эл, скажи им, что мы музыканты.» «Какой смысл? Их это не интересует.» «Что-то больно мала эта студия.» «А ты почем знаешь? Небось, в первый раз пришел на студию записи.» «Эй, а что это за смешная машина вон там?» «Эх, простота, это же кофемолка.» «Да? Интересно!» «Ну ладно, друзья. Начнем.» Ребята сгрудились вокруг микрофонов, Вэлли стал посередке, и сессия записи началась. Вэлли так разволновался, что забыл текст «Summertime». «Ну, ты даешь, Вэлли!» «Ты же миллион раз пел ее!» «Забыл слова в такую минуту!» «Сейчас, сейчас… Я просто волнуюсь.» «Дайте ему таблетку.» Ринго нервно теребил свои палочки. На пальцах у него было столько колец, что он не мог нормально поковырять в носу. Это была его первая запись вместе с БИТЛЗ. Музыканты, которым вскоре предстояло потрясти весь мир, впервые собрались вместе для совместной записи. Студия, правда, была размером с кухоньку, что у моей тетки Фанни в Дингле, и все же это была студия.

Вэлли, наконец, вспомнил слова. Он запел, а Битлы

подпевали и подыгрывали. Потом они сделали «Fever». Инженер проиграл готовую запись. Все было отлично, просто здорово… кроме барабанов Ринго. В студии было так тесно, что об отдельном месте для ударника не могло быть и речи. Поэтому звук барабана получился такой, будто кто-то у вас над ухом раскалывает кокосовые орехи. Это нас здорово рассмешило. Но Ринго было совсем не смешно. «Черт знает что! Эл, неужели это я?» «Конечно, ты, кто же еще?» — издевались ребята. Зато Вэлли был доволен. Его голос записался блестяще. Мы сделали пластинку! Инженер извинился за то, что запись пришлось сделать на 78 оборотов. На обратной стороне диска кто-то бойко рекламировал дамские туфли и сумочки. Как вам это нравится? Дамские туфли на первой пластинке БИТЛЗ!

Я заплатил за пластинку с ее жуткими барабанами — 10 фунтов за все. Битлам понравился их звук на диске. Теперь они хотели записаться одни, без Вэлли. Но я снова посмотрел на часы. «В другой раз, ребята. Вам скоро на сцену.» «К черту Кошмидера!» «Сделаем свой диск!» «Мы сами заплатим.» «Подумаешь, каких-то десять несчастных фунтов!» «Дело не в деньгах, — сказал я. — У нас нет времени. Вы знаете Бруно.» Если бы бедняга Бруно услышал, что они в тот раз про него говорили, его немецкие уши зарделись бы багрово-огненным цветом. «Пошли. Пора возвращаться на Репербан.» «Ради бога, Алан!» «Эл, не будь свиньей!» «Время, друзья, время. Нам пора.» «Ты пожалеешь, Эл.» «Это вы пожалеете, когда Медведь Бруно вцепится в вас своими когтями.» Так мы и не сделали диск БИТЛЗ без Вэлли. Я остался глухим к просьбам Битлов, и погнал их обратно на Гроссе Фрайхайт. Мы успели только-только. Идиот! Зачем я не дал себя уговорить?

Потом я повез наш диск в Лондон, на фирму «Грейд» Там его очень вежливо и внимательно послушали и даже похвалили, но барабаны Ринго, по-моему, привели их в некоторое замешательство. «Как, вы сказали, называется группа?» «БИТЛЗ. Они сейчас в Гамбурге.» «В Гамбурге? Это что, немецкая группа?» «Нет, Они англичане. Из Ливерпуля, — поправил я. — Они играют там в клубе.» «В клубе, говорите?» «Да.» Люди из «Грейда» отвергли пластинку.

Насколько я помню, инженер «Акустик-Студии» сделал нам четыре оттиска. Где-то они сейчас? Для хорошего коллекционера они теперь бесценны! Один оттиск был у меня, другой — у Ринго. Вэлли и Рори Шторм тоже получили по одному. Свой я потерял, Ринго — тоже. Как всегда, со мной это случилось по пьянке. Спустя несколько лет, уже в Лондоне, Ринго попросил меня принести ему этот диск: он хотел сделать копию взамен

утерянной. По пути к нему домой я встретил веселую компанию своих приятелей. Они потащили меня на какую-то вечеринку, кажется, в гости к певцу Тони Беннету. Я, конечно, не смог устоять и, как обычно, набрался. Я все время повторял себе: «Не напивайся. Не теряй пластинку. Она нужна Ринго.» Разумеется, Ринго ее не получил. Вино текло рекой, мне было хорошо, и я ни в чем себе не отказывал. Одной рукой прижимая диск к груди, я другой рукой подносил стакан ко рту. Надо было делать наоборот. Драгоценный диск пропал!

Когда срок контракта, заключенного БИТЛЗ с Кошмидером, подходил к концу, случилось нечто такое, что омрачило их пребывание в Гамбурге.

Это случилось перед самым Рождеством. Битлы были в своей каморке за серебристым экраном и отдыхали, глядя на потолок, где красовалось слово «БИТЛЗ», которое они же сами вывели с помощью копоти и свечи. Потом, из озорства, кто-то из них достал презерватив, надул его до размера футбольного мяча и поджег. Невинная забава всех мальчишек от Британских островов до Сингапура. Вдруг один язычок пламени лизнул пыльные обои, и через минуту вся стена была уже объята пламенем. Правда, пожар удалось быстро потушить, но Кошмидер, конечно, обо всем проведал и наговорил Битлам много гадких слов. Но это не все: он донес на них в полицию. Джорджа и Пола увели в участок. Инцидент этот раздули до невероятных пропорций. Говорили, например, что Битлы специально устроили пожар, чтобы спалить свое жилище — они, якобы, так хотели отомстить Кошмидеру за его постоянные придирки. К счастью, обвинений им не предъявили, но этот случай потом им припомнили, когда они снова захотели приехать в Германию. На другой день полицейские посадили Джорджа и Пола на самолет, который улетал в Англию. Бай-бай, БИТЛЗ! Назад не возвращайтесь!

Остальные добирались домой сами. Скоро они снова все были в Ливерпуле и опять принялись искать работу. Битлы были теперь не намного богаче, чем пять месяцев назад. Зато теперь у них был этот великий звук. Звук, который скоро пойдет по всему миру.

Глава двадцатая
Хлопья снега и обгорелые остатки «Топ Тена»

В конце 1960 года Рэй МакФолл, хозяин «Пещеры» на Мэтью-стрит, все еще был сторонником джаза, но уже потихоньку поворачивался к «ливерпульскому звуку».

А я открыл на Сохо-стрит свой собственный клуб «Топ Тен». Я знал, что делал. У ребят были деньги. Им был нужен свой клуб. Я рассчитывал, что БИТЛЗ по возвращении из Гамбурга будут выступать у меня. «Топ Тен» будет музыкальным домом.

Но этой мечте не суждено было сбыться. Как и многим другим моим задумкам. «Топ Тен» был похож на длинный низкий амбар. Интерьер был простенький, но в нем была какая-то грубая красота — по крайней мере, так мне хотелось думать. Мой клуб стал популярным заведением в ту же минуту, как только я его открыл. В первые же дни у нас играли многие известные группы. Я делал бизнес на кока-коле, и денежки исправно стекались в мою казну.

Но через восемь дней клуб сгорел дотла. Хорошо еще, что это случилось сразу после закрытия, когда все посетители ушли, иначе без жертв не обошлось бы. Пожарные ничем не могли помочь. «Топ Тен» на Сохо-стрит прекратил свое существование. Всего после открытия — через неделю! Накрылся мой замысел создать музыкальный дом БИТЛЗ.

В ночь перед Рождеством я бродил среди обгорелых досок и черных от сажи кирпичей, среди обломков гитар и усилителей в поисках вещей, которые могли бы еще пригодиться. Пошел снег. Тонким серебристым одеялом накрыл он обгоревшие остатки моего клуба. У «Эмпайр-театра» на Лайм-стрит оркестр Армии Спасения играл рождественские калядки. Я почувствовал комок в горле.

Тут я увидел Битлов. Они брели по снегу в мою сторону. Они пришли посмотреть на свой музыкальный дом, о котором я столько рассказывал. Они уже знали о беде. «Привет, ребята!» «Хай, Эл!» «Судьба жестоко обошлась с тобой, Эл.» «Вот он, наш новый дом.» «То, что от него осталось.» «Проклятое невезение.» «Такова жизнь.»

Мы стояли и смотрели, как снежинки медленно опускаются на руины «Топ Тена». «Ничего, Эл. Мы будем играть у тебя в любом другом месте.» «Будь уверен.» «Мы с тобой, Эл.» «Спасибо,

друзья.»

Мы пошли в театральный паб у «Эмпайра» и, попивая пиво, стали вспоминать гамбургские дни. Они были не прочь опять туда поехать. Но после всего, что было, пустят ли их туда? «Помоги нам, Эл.» «Сделай что-нибудь.» «У полиции мы теперь в немилости.» «Из-за пожара.» «И проклятого Кошмидера.»

Я обещал прозондировать почву насчет Гамбурга, а пока что устроил им несколько неплохих гигов: в зале «Гросвенор», вместе с Сеньорами, и в «Лизерлендской Ратуше». Это были уже не те начинающие, робкие музыканты, с которыми в августе я путешествовал в микроавтобусе. Они играли теперь уверенно, мощно, убедительно. Они стали кумирами мерсисайдской молодежи.

Импресарио Брайан Келли хорошо помнит «Лизерлендский» гиг БИТЛЗ во второй день рождества. Он заплатил им тогда 8 фунтов за вечер.

Когда БИТЛЗ вышли на сцену и взяли первые аккорды, толпа ребят повалила из глубины зала к сцене. Вышибалы, стоявшие на посту у входных дверей, подумали даже, что началась драка, и бросились наводить порядок. Но драки не было. То были первые признаки зарождающейся битломании.

Брайан Келли все это видел, и в первый же перерыв пришел к ребятам за кулисы. «Послушайте, ребята. Не хотите ли сыграть здесь еще несколько раз — скажем, в ближайшие два месяца?» К тому времени Битлы выработали для себя тайный язык, который ставил непосвященных в тупик. Они посовещались на этом жаргоне, после чего Леннон сказал: «Мы согласны. По рукам!»

БИТЛЗ взяли штурмом весь Мерсисайд, точнее — его молодежный спектр. Они играли в залах, принадлежавших местным церквям и в муниципальных залах по всей округе. Их популярность росла с каждым днем.

В то время почти все группы выступали в одинаковых униформах — чаще всего это были мохеровые костюмы и узкие галстуки. Битлы же по прежнему выходили на сцену кто в чем, в своей обычной одежде. Постепенно все другие группы, подражая им, переоделись в поношенные кожаные куртки и истоптанные сапоги.

В первые месяцы 1961 года БИТЛЗ стали неоспоримыми лидерами мерсисайдского рок-н-ролла. БИТЛЗ, БИТЛЗ, БИТЛЗ — это слово передавалось по тинэйджеровскому телеграфу. Подростки считали их своей группой. Битлы знали это. Знали это и импресарио. Я тоже знал. Но мы никак не могли предполагать, что очень скоро эти ребята завоюют и сердца взрослых. Конечно, и я, и Боб Вулер — мы были уверены в их грядущей

популярности. Но чтобы в таких грандиозных масштабах? И, опять же, когда? Через миллион лет? Нет, такое нам даже во сне не виделось.

Многие тогда упустили свой шанс. Мы видели, что назревает буря, но не сумели вовремя поставить паруса. Нет, я не жалуюсь, господа. Вовсе нет.

Между тем Битлы мечтали о Гамбурге. «Эл, ты не забыл, что мы хотим снова в добрый старый Гамбург?» «Эл, мы любим этот город.» «Конечно, Ливерпуль — тоже отличный город, но…» «„Блер-Холл“ все-таки не Репербан.» («Блер-Холл» — это один из залов, где они играли.) «У меня жуткая ностальгия по „Гретель и Альфонсу“.» «Ну как, Эл, а? Как насчет Гамбурга?» «Да, да, я помню. Я делаю все, что в моих силах.»

Я действительно делал, что мог. Я знал, что Петер Экхорн жаждет видеть БИТЛЗ в своем «Топ Тене», клубе на Репербане. Они любили Петера. Я тоже любил Петера. Все любили и любят Петера. Славный тип. Высокий, стройный, с кривой усмешкой. Когда с ним говоришь, он иронически ухмыляется. Вбирает в себя то, что слышит. Прикидывает, рассчитывает, кумекает. Осторожная, хитрая бестия.

Чтобы ребятам разрешили работать в Германии, надо было задобрить правительственных чиновников. С этой целью я написал письмо немецкому консулу в Ливерпуле. Вот оно:

> «Германскому консулу. Германское консульство, 1 марта 1961 г. Черч-стрит, Ливерпуль
>
> Дорогой сэр!
>
> От имени группы музыкантов, имена которых я прилагаю, я ходатайствую перед Вами о выдаче им разрешения работать в Гамбурге в качестве профессиональных музыкантов.
>
> Некоторое время тому назад они играли в этом качестве у г-на Кошмидера по адресу Гамург-4, Гроссе Фрайхайт, 36, однако г-н Кошмидер не выполнил ряд обязательств: в частности, не предоставил музыкантам приличного жилья, не выхлопотал им рабочих удостоверений и не переводил в Немецкий банк полагающиеся мне комиссионные (10 фунтов в неделю).
>
> Из сказанного ясно, что г-н Кошмидер сам нарушал условия контракта. В то же время он чинил музыкантам препятствия, не давая им работать в другом клубе. Правда, в этом ему не удалось преуспеть полностью.
>
> Г-н Кошмидер донес на них в полицию о совершенном ими незначительном проступке, в

результате чего двое музыкантов были высланы из страны.

Могу вас заверить, что все упомянутые музыканты характеризуются с положительной стороны, происходят из добропорядочных семей и не имеют судимостей или приводов в полицию.

Мое музыкальное агентство ежегодно регистрируется в органах местного управления.

Могу Вас заверить, что, если им будет разрешено работать в Германии, они будут работать на хорошего нанимателя по законному контракту.

С уважением,

Э. Р. Уильямс»

Получив положительный ответ из германского консульства в Ливерпуле, я стал собирать необходимые справки. Поскольку ребята не достигли совершеннолетия, нужно было получить письменное согласие от ближайших родственников. Выработать хорошие условия контракта тоже было не так просто. Наконец, все бумажки были собраны, контракт с Экхорном подписан, и Битлы с легким сердцем отправились в Гамбург, чтобы играть в «Топ Тен»-клубе.

Кстати, именно в этот приезд БИТЛЗ записали пластинку с ведущим артистом «Топ Тена» Тони Шериданом. Она называлась «My Bonnie» и была выпущена фирмой «Полидор».

Глава двадцать первая
Начало конца

В «Топ Тене» играла еще одна моя группа — Джерри и Пейсмейкеры. Все ребята были дружны между собой. В этот приезд в Гамбург Стюарт Сатклифф познакомился с красивой немецкой девушкой, Астрид. Она приходила каждый вечер и садилась как можно ближе к сцене, а в перерывах Стюарт спускался к ней, и они сидели, взявшись за руки.

Стюарт продолжал заниматься живописью и даже поступил в местный художественный колледж. Преподаватель, профессор Эдуардо Паолоцци, с восторгом отзывался о его работах. Он считал, что у Стюарта большое будущее, и советовал ему целиком посвятить себя занятиям живописью.

Работать глубоко за полночь в «Топ Тене», а потом идти на лекции в колледж было, конечно, тяжело. И Стюарт ушел из группы, решив посвятить все свое время учебе. Это был мудрый шаг. Стюарт любил БИТЛЗ, ему нравилось быть в группе, но он прекрасно понимал, что музыкант из него никудышный. Он держался только благодаря ребятам: они «выносили его на своих плечах».

Стюарт ушел, но дружеских связей с приятелями не растерял. Он часто приходил в «Топ Тен» поболтать с ними за кружкой пива. И так случилось, что именно от Стюарта я узнал неприятную для меня новость. Дело было вот в чем. В «Топ Тене» БИТЛЗ получали 150 фунтов в неделю. Из этой суммы они должны были еженедельно перечислять 15 фунтов на мой счет в гамбургском банке. Стюарт прислал мне письмо, в котором сообщал, что Битлы не собираются платить мне комиссионные, потому что договорились о гигах в «Топ Тене» сами, еще в то время, когда играли в «Кайзеркеллере».

Это было не так, если бы не мои геройские усилия и старания убедить представителей германских властей в Ливерпуле, им никогда не позволили бы вернуться в Гамбург. А кто, если не я, бегал, высунув язык, доставая все нужные справки и подписи?

Получив это письмо, я побледнел. Меня всего трясло. Так подло поступить со мной после всего, что я для них сделал! Во всем этом я видел руку Леннона. Спешу оговориться: эта книга не должна рассматриваться как мой «гимн ненависти» к Леннону. Джон был их вожаком, доминирующей фигурой в группе, поэтому со стороны он может показаться этаким главным злодеем. Но это все не так. Это была сильная, яркая личность со многими

странностями. Сейчас у меня нет к нему никаких враждебных чувств, да и в то время раны нашего отчуждения быстро зажили. Но почему они так гнусно поступили со мной, после стольких лет дружбы? Я думаю, они это сделали по молодости. Ведь они, в сущности, были еще мальчишками, и не вполне ясно сознавали свои письменные и моральные обязательства. Обида и негодование жгли мое сердце. Я сел и написал Битлам такое письмо:

«20 апреля 1961 г.

Дорогие все!

Я возмущен вашим намерением не платить мне комиссионных, обусловленных нашим контрактом.

Позвольте напомнить вам, что, если бы не я, не видать бы вам Гамбурга, как своих ушей. К тому же, по закону, человек, связанный одним контрактом, не имеет права вести переговоры о другом контракте, пока не истек срок действия первого.

Я вижу, у вас началось головокружение от успехов. Позвольте еще раз напомнить, что своим нынешним контрактом вы целиком обязаны мне и никому другому.

Итак, ребята, вы видите: я очень раздражен (это даже мягко сказано). Если вы все же будете упорствовать в нежелании платить мне комиссионные, то, обещаю вам, я добьюсь того, чтобы в течение двух недель вас выгнали из Германии. Не думайте, что я шучу.

Я представлю также доклад о вашем поведении в Ассоциацию менеджеров (полным членом которой я имею честь быть). Эта ассоциация создана для охраны прав менеджеров и защиты их от артистов, не выполняющих своих обязательств. Итак: если вы хотите играть только в Ливерпуле для местных ребят, тогда смело вперед: плюньте на свои обязательства.»

Дальше я сообщал разные ливерпульские новости:

«Один мой друг, импресарио, в сентябре привозит в Англию Рэя Чарльза. Я собирался подключить вас к его турне, но, коль скоро вы не выполняете условий договора, забудьте об этом. Вместо вас я пошлю Рори Шторма. И не думайте, что я беру вас на пушку: проверить можете по музыкальным газетам.

Помните, ребята: если я захочу, я смогу сделать для вас больше, чем все остальные, вместе взятые. Эти „остальные“ только сдирают мои идеи. Это я убедил Рэя

МакФолла сделать „Пещеру“ рок-клубом. Поэтому вы, должно быть, не в своем уме, если хотите нравиться ливерпульской публике.» (Этим я хотел подчеркнуть, что БИТЛЗ должны мыслить широко, а не ограничиваться статусом чисто местной группы.) «Я бы не хотел с вами ссориться, но не хочу молчать, когда люди, которых я считал порядочными, нарушают свое слово. Могу поклясться, что раньше вы были порядочными людьми — за это я вас и проталкивал в те времена, когда никто не хотел вас слушать.

Искренне ваш, Алан»

Это письмо было началом конца наших деловых связей. Но не написать его я не мог. Дело было не столько в деньгах, сколько в коварстве людей, которые были мне близкими друзьями. Мы вместе прошли через столько всяких невзгод!

Конечно, я не мог знать, что прощаюсь с миллионами фунтов и со всемирной славой. Легко быть мудрым «опосля».

Битлы упорно стояли на своем. Конечно, я не стал выполнять свои угрозы: не обливал их грязью, не чернил перед другими менеджерами. Я также с легкостью мог бы добиться изгнания их из Германии. Но я не мстительный тип.

Я написал еще несколько писем Стюарту, жаловался на вероломство Битлов. Но чем он мог помочь? В ответных письмах он рассказывал мне о себе. Они с Астрид жили в квартире на верхнем этаже по Айсбуттелер-штрассе, 4. У них там все было выкрашено в черный цвет. Стюарт жаловался на постоянные головные боли и приступы депрессии. Он провел много бессонных ночей, бьясь головой о стенку, чтобы остановить боль. «Пятый Битл» был обречен. Врачи ничем не могли помочь. Они не могли понять даже причину болезни. Но Стюарт знал, что это началось с того БИТЛЗ-гига в «Лизерлендской Ратуше», когда его избили враждебно настроенные юнцы. Парадоксально, но в этот мрачный период своей жизни Стюарт сделал заметный шаг вперед в своем творчестве. У меня до сих пор хранится много его работ.

Примерно в этот же период, к концу 1961 года, Ричард Старки, он же Ринго Старр, расстался с Рори Штормом у Ураганами. Он жил в родительском доме в Адмиральской роще, слушал музыку «кантри» и мечтал об Америке. Он видел себя на лошади, в ковбойских сапогах, с револьвером на боку. Он хотел стать техасцем. Но вместо этого стал Битлом.

Глава двадцать вторая
«Брайан, держись от них подальше!»

Битлы возвращались в Ливерпуль после выступлений в «Топ Тене». Их ждала серия гигов в «Пещере», которая к тому времени уже была подключена к рок-н-роллу и биг-биту. Перед отъездом из Гамбурга они договорились с владельцем «Стар-клуба» Манфредом Вайследером, что в конце года и в начале следующего, 1962-го, приедут снова.

Рэй МакФолл подсчитывал прибыли. Ринго мечтал о широких равнинах Техаса. Ребята из Мерсисайда слушали «My Bonnie» — не из-за Тони Шеридана, а ради БИТЛЗ. Эта пластинка была у Боба Вулера, диск-жокея «Пещеры», и он ставил ее без конца, рекламируя БИТЛЗ.

Однажды, как все мы знаем, в магазин грампластинок и мебели на Уайтчепел зашел молодой человек и спросил «My Bonnie». Хозяин магазина, Брайан Эпстайн, удивленно вскинул брови: «Впервые слышу. Кто, говоришь, исполняет? БИТЛЗ? Кто это такие?»

Брайан мечтал стать артистом. Он даже окончил курс в КАДИ (Королевской академии драматического искусства), но был слишком робок и неуверен в себе, чтобы избрать актерскую карьеру. Он был гомосексуалистом и вращался среди ливерпульских парикмахеров, которые держали притон на Фолкнер-сквер.

Брайан был отличным парнем. Добрым и отзывчивым, настоящим другом. Мы с ним отлично ладили. Когда он решил побольше узнать про этих ребят, Битлов, от которых без ума местные подростки, он пришел ко мне, и я рассказал ему все, что о них знал — все, кроме мрачных деталей моей ссоры с ними. Потом он пошел к Бобу Вулеру в «Пещеру». Боб тоже с восторгом отозвался о БИТЛЗ и сообщил ему, когда они будут в «Пещере».

Брайан пришел в указанный день. Он стоял позади толпы подростков и, как зачарованный, смотрел на сцену. Битлы поразили его и как музыканты, и как личности. Он ходил вокруг и говорил всем: «Не правда ли, они обворожительны?»

Битлы притягивали его прежде всего как личности. Он видел, как они завораживают толпу. Когда они, неряшливо одетые, выходили на сцену этой душегубки, затерянной среди овощных складов, атмосфера сразу наэлектризовывалась. Подростки падали на пол и как будто молились им, как каким-то странным богам с иной планеты. Брайан видел восхищение в их глазах.

Связь, которую Битлы создавали между собой и своими поклонниками, казалась ему почти осязаемой. Если бы он не был гомосексуалистом, вряд ли он привязался бы к ним так сильно. Он часто говорил со мной о Битлах, приходя ко мне в «Голубой Ангел». Я видел, что он «заторчал» на них. Раз и навсегда.

Однажды, когда он пришел в «Голубой Ангел», я купил ему выпить, и мы сели в дальний угол, где музыкант по имени Дагги тихонько тренькал на пианино, услаждая слух взрослых посетителей. Брайан опять краснел. Он всегда смущался и краснел. Это была одна из его самых обаятельных черт. Он краснел, как школьник.

«Ну, ну, Брайан, поговорим. Что, опять про БИТЛЗ? Я слыхал, ты бегаешь по всему городу и расспрашиваешь о них.» «Это правда, Алан. Вот что я хотел у тебя спросить. Ты ведь был первым, кто их нашел. Значит, ты знаешь их лучше других.» «Да, Брайан, мне тоже так кажется.» «Что значит: кажется? Я знаю, ты недоволен контрактом с ними…» «Ах, ты уже про это проведал? Я не хотел первым говорить про это. Не люблю сплетен.» «Да, я знаю про эти дела, Алан. Но я твердо решил взять их к себе, помогать им, быть руководителем, опекать. Я верю в них.» Он не то что краснел, он потел, говоря о них. Он был загипнотизирован. Я решил честно рассказать ему обо всем, что случилось между нами, раз это было так серьезно. «Только будь чертовски осторожен, Брайан. Смотри, что они устроили мне в Гамбурге: отказались отчислять комиссионные, какие-то 15 фунтов в неделю. И это после всего, что я для них сделал! Кабы не я, где бы они сейчас были?» И я обругал их неприличными словами. Брайан поморщился: «Алан, прошу тебя…» Я продолжал: «Они хорошие ребята, но когда речь идет о контракте, они жестоки и безжалостны, по-юношески вздорны. Будь осторожен, когда подписываешь с ними контракт, не допускай никаких двусмысленностей: ради своего блага и ради их блага.» «Хорошо, Алан, но ты скажи мне откровенно: брать мне их или нет? Твое искреннее мнение.» «Хочешь узнать мое искреннее мнение? Вот оно: держись от них подальше!»

Прислушайся Брайан тогда к моему совету, он сейчас был бы жив. Не слишком богат, но жив. А БИТЛЗ были бы большие нули. Хотя навряд ли.

«А ты сам не хочешь снова сойтись с ними?» — спросил Брайан. Я ответил без колебаний: «Нет, спасибо. Пусть их берет кто-нибудь другой.»

Все. Я вышел из игры. Берите их, кто хочет, и — желаю удачи! Я отказывался от БИТЛЗ. В этот момент Дагги играл вещь, которая называлась «Судьба». Можете себе представить? Судьба!

«Пожалуй, я возьму их, — сказал Брайан. — Им сейчас нужен кто-нибудь…» «Это верно, но помни, что я тебе говорил, Брайан. Боюсь, как бы они не оставили тебя ни с чем. Они талантливы, хороши собой, жизнерадостны, своеобразны. Это одна сторона дела. Но есть другая: они не выполняют взятых обязательств.» «Да, ты наверное, прав, Алан. Но я чувствую вот здесь, — он похлопал себя по груди, — что вместе с ними я добьюсь чего-то такого, такого большого…» Он не мог выразить до конца всей мощи своей слепой веры в БИТЛЗ. «Они магнетичны», — это было его любимое определение Битлов. В те времена он повторял его без конца.

В промежутке между выступлениями в «Стар-клубе» и возвращением в Ливерпуль Битлы взяли к себе Ринго Старра. К тому времени он забросил мечты о Техасе, что оказалось очень кстати, потому что Джон, Джордж, Пол и их новый босс Брайан решили выгнать Пита Беста и взять его, Ринго. Прощай, Техас! Здравствуй, Гамбург и миллионы фунтов!

Однажды вечером Джордж, Пол, Джон и Брайан пришли ко мне в «Голубой Ангел». Мы спустились в погребок, чтобы выпить и поболтать. В полумраке бара я заметил, что у Джорджа синяк под глазом. Странно, Джордж такой тихий, миролюбивый парень. Я ничего не сказал. Как обычно, я налил ребятам виски с кока-колой, а Брайану — одно виски. Джордж спросил меня очень серьезным тоном: «Алан, кто, по-твоему, лучший ударник — Пит Бест или Ринго Старр?»

Не знаю, почему Джордж задал этот вопрос. В оценке сравнительных достоинств обоих ударников не могло быть сомнений. Я ответил сразу: «Конечно, Ринго Старр. И это всем известно.»

Джордж заулыбался. «Ну что, Брайан? Что я тебе говорил? Конечно, Ринго Старр!»

Оказалось, что днем они играли в «Пещере», и вместо Пита Беста за ударные впервые сел Ринго Старр. Кто-то из верных фанов Пита Беста бросился на Джорджа и поставил ему фонарь под глазом. Они были чертовски преданы своим кумирам, эти ребята из «Пещеры». Впрочем, скоро они признают Ринго.

В другой раз, вскоре после присоединения Ринго, Брайан пришел ко мне в «Голубой Ангел». В глазах его были слезы. «Выйди-ка на улицу, Алан. Посмотри, что они сделали. Это ужасно! Как они могли?» Слеза скатилась по его щеке. Брайан был очень, очень впечатлителен. Он недавно купил «бентли» и вот теперь вел меня к сверкавшему свежей эмалью новенькому автомобилю. Оказалось, кто-то облил машину кислотой, и во многих местах кислота так разъела краску, что страшно было

смотреть. Бессмысленный, подлый вандализм. «Ревность, — сказал Брайан, уловив вопрос в моих глазах. — Обычная ревность.» «Но кто ревнует и кого?» «Ревнуют меня к Битлам. Знаешь, Алан, есть очень злые люди. В таком деле, как наше, все может случиться.» «Ничего. Машину ты можешь покрыть новой краской, а вот тот, кто это сделал, новую голову себе не достанет.»

Моя шутка развеселила его. Мы вернулись в «Ангел» и крепко напились. Как раз в то время я начал сильно поддавать. Я и сейчас поддаю. Мне это нравится.

Когда БИТЛЗ играли в зале «Нью Брайтон Тауэр», Брайан на себе испытал, что битломания может приводить к безобразным, кровавым сценам насилия. Эта сторона шоу-бизнеса была ему еще незнакома. В тот вечер он получил боевое крещение.

В «Нью Брайтон Тауэре» хозяева ставили вышибал не только у входных дверей, но и внутри, на лестнице, ведущей наверх, в танцевальный зал. В тот вечер я стоял у дверей, помогая вышибалам сдерживать напор безбилетной толпы. Когда подростков не пускают, они жутко озлобляются и лезут в драку. В тот раз они стали даже швырять в нас камнями и осколками кирпичей. Хорошо что рядом были баки для мусора: мы подтащили их к дверям и укрылись от града камней. Мы чувствовали себя, как древние римляне или бритты.

Брайану сообщили про стычку у входа, и он решил сам пойти посмотреть. Подойдя к дверям, он увидел, как двое грузных вышибал колотят одного подростка дубинками. Брайан не мог такое стерпеть. Он схватил одного из вышибал за плечо и завизжал своим фальцетом: «Прекратите! Вы звери! Сейчас же отпустите бедного мальчика!»

Вышибалы не верили своим изуродованным, как у боксеров, ушам: один из боссов вступался за врага! Брайану было невдомек, что тот «бедный мальчик» только что огрел вышибалу кирпичом — так, что того пришлось срочно везти в больницу. Поэтому заступничество Брайана за юного головореза никто не оценил. Кто-то схватил его за грудки, ударил в живот и сказал: «Вали отсюда, тра-та-та!» Корчась от боли, Брайан заковылял прочь, а вышибалы продолжали дубасить юного хулигана, который теперь уже не сопротивлялся.

Веселые времена.

Глава двадцать третья
Последняя встреча со Стю в ливерпульском кегельбане

В начале 1962 года Битлы возвратились из своей очередной поездки в Гамбург. С ними приехали Стюарт Сатклифф и прекрасная Астрид. Было видно, что они очень любят друг друга. Меня поразило физическое состояние Стюарта: он был похож на мертвеца. В кегельбане, куда мы все зашли, я отвел его в сторону и сказал:

«Стюарт, ты плохо выглядишь. Точнее, ты просто ужасно плохо выглядишь. В чем дело?» «Я знаю, Алан, знаю. Это все из-за проклятой головной боли. Она все не проходит. И ничего нельзя сделать. Я был у английских врачей, но они говорят то же, что и немецкие: ничем не можем помочь.»

Я видел: Стю на пороге смерти. И, несмотря на это, он отказывался говорить о себе, переводя разговор на БИТЛЗ. Он прямо преображался, говоря о том, как хорошо идут у них дела. Нет, он не жалел, что оставил группу. Он знал, что гитариста из него не выйдет и через миллион лет.

Потом Битлы и Стюарт с Астрид опять уехали в Гамбург, а спустя несколько недель я получил от Астрид телеграмму. В ней говорилось: «Моя Стюарт умер». Это случилось 10 апреля 1962 года. Он умер от кровоизлияния в мозг на пути в больницу в карете скорой помощи.

«Пятый Битл» умер, когда ему было всего 20 лет. Он прожил так мало. Ему не суждено было увидеть взлет БИТЛЗ к славе. Он был бы так рад этому. И не завидовал бы, не испытывал никакой горечи, что они сделали это без него.

Надо было сообщить о смерти Стюарта его матери Милли. Эту печальную миссию пришлось выполнять мне. Она рыдала на моем плече. Я тоже не мог удержаться от слез.

Миссис Сатклифф вылетела в Гамбург вместе с Брайаном, который отправлялся туда, чтобы повидать БИТЛЗ. Они встретили их в аэропорту все в слезах.

Битлы не были на похоронах Стюарта, которые состоялись в Ливерпуле, на хьюстонском кладбище. Они даже не прислали хотя бы букетики цветов юноше, который их так любил. Битлы — не из тех людей, кто ходит на похороны. Но они очень переживали эту утрату.

Астрид, которая часто говорила мне: «Стюарт для меня —

все», была безутешна. Она и Милли Сатклифф никогда особенно не дружили. Даже смерть дорогого человека не сблизила их, и Астрид остановилась у жены Джона, Синтии, в Вирроле.

После похорон я поехал по ливерпульским кабакам и порядком набрался. Поздно ночью я очутился в Бланделсэндсе, где провел с ребятами столько веселых часов на пляже, где мы когда-то жгли костры и пели озорные песни. С канала Кросби доносились звуки туманного горна и печальные гудки пароходов. Я развел маленький костер и сидел у него, вспоминая человека, который пошел работать мусорщиком, чтобы «узнать настоящих людей». Так, у костра, я и заснул.

Проснулся я только на рассвете. Пес лизал мне щеку. Наверное, он думал, что я мертв. Когда я возвращался в город, из-за облаков вдруг выплыло солнце.

После смерти Стюарт стал своего рода культовой фигурой для молодых ливерпульцев. В некрологе на смерть Стюарта «Ливерпул Дэйли Пост» писала:

> «В 15 лет он получил Аттестат об общем образовании в Прескотской грамматической школе. В 16 был студентом Ливерпульского Художественного колледжа. В 17 стал бас-гитаристом БИТЛЗ. Через два с половиной года он ушел из группы, чтобы учиться в гамбургском Колледже Искусств, где подавал большие надежды. Спустя 10 месяцев он умер от кровоизлияния в мозг.
>
> Так трагически оборвалась жизнь Стюарта Сатклиффа, одну из картин которого купил сам Джон Мурс.
>
> Ранние работы Сатклиффа напоминают Джона Брэтби… Его последние, гамбургские, работы сделаны в абстрактной манере и полны теплой задумчивости…
>
> Днем он ходил на занятия, а вечером и до поздней ночи играл с БИТЛЗ в ночном клубе Гамбурга. Потом его учитель, профессор Эдуардо Паолоцци, посоветовал ему бросить БИТЛЗ и сосредоточиться на живописи. Он так и сделал. Но он был уже серьезно болен. Ему оставалось жить всего 10 месяцев.
>
> Предстоящая посмертная выставка Стюарта Сатклиффа в „Блюкоут Чеймберс“ организована его матерью, бывшей школьной учительницей, женой мистера Чарльза Сатклиффа, судового инженера.»

Билли Харри, основатель и владелец поп-газеты «Мерси Бит», ныне большой человек в лондонском шоу-бизнесе, писал в своей

газете:

> «Я помню Стю как человека впечатлительного, сложного, талантливого… Это большая потеря — нет, не для музыки, но для искусства вообще.
>
> Он любил БИТЛЗ. Счастливейшим моментом в его короткой жизни был тот, когда он продал одну свою картину, купил на эти деньги гитару и примкнул к БИТЛЗ.
>
> Он много дал БИТЛЗ — не как музыкант, но как личность. В нем шла внутренняя борьба между любовью к музыке и любовью к живописи. Последняя победила… Многие ведущие искусствоведы восхищались его работами.
>
> Он был очень молод. Из него мог выйти крупный художник. Его смерть была ударом для всех… Его мать Милли, кроме воспоминаний о сыне, хранит много его работ. У меня самого есть несколько картин Стю. С ними я никогда не расстанусь.»

По случаю выставки работ Стюарта гамбургского периода (1961–1962 гг.) в ливерпульской галерее «Нептун» в 1969 году известный искусствовед Айвор Джонс писал:

> «Между 23 июня 1940 года, годом рождения Стюарта в Эдинбурге, и 10 апреля 1962 года, годом его смерти в Гамбурге, лежит пора его детства и отрочества, учеба в Прескотской школе и Ливерпульском Колледже искусств, краткий период работы с БИТЛЗ и, наконец, последний год, год бурной творческой активности в гамбургской Школе искусств.
>
> Нельзя недооценивать разнообразные влияния, которые он испытал: преданность матери, всегда верившей в талант сына; ученичество в Колледже искусств; битловский период — особенно дружба с Джоном Ленноном. И все же именно в гамбургской Школе искусств он нашел себя. В 1961 году он поступил в класс профессора Эдуардо Паолоцци. Музыка отступала на задний план по мере того, как он все больше внимания уделял искусству, с одержимостью работая в своей эксцентричной „черной студии“ на чердаке дома, где жили супруги Кирххерр, с дочерью которых, Астрид, фотографом по профессии, он обручился. То было время триумфа над отчаянием, период горения и одержимости своей работой.

Почти вся его выставка в галерее Уокер в 1964 году была отдана его работам гамбургского периода, и этот факт сам по себе примечателен, потому что именно в Гамбурге наступил его Ренессанс — к сожалению, слишком короткий.

Работы, демонстрируемые на нынешней выставке, это всего лишь маленькая частичка его обширной творческой продукции гамбургского периода, и я испытал большое волнение, осматривая их.

Выставка в галерее „Уокер“ была достойной данью памяти этому интересному художнику с чрезвычайно ранимой душой. Она не была рекламным трюком, рассчитанным на то, что толпы тинейджеров сбегутся отовсюду, чтобы поглазеть на работы бывшего Битла: члены организационного комитета Джон Вилетт, Николас Хорсфилд и Джон Джейкоб слишком порядочные люди, чтобы марать свое честное имя ради дешевой рекламы.

Устроители нынешней выставки в „Нептуне“, спустя 7 лет после смерти Стюарта, руководствуются теми же мотивами: дать ему хоть немного признания, которого он так заслуживает.»

Глава двадцать четвертая
Валет, гонки с Ринго, Рори и Силла Блэк

5 октября 1962 года БИТЛЗ выпустили свою первую с Брайаном сорокопятку «Love Me Do». Она вошла в таблицы популярности. БИТЛЗ готовились к прыжку на широкий экран мировой славы.

Брайан Эпстайн был в это время очень озабочен проблемой рекламы. Он плохо разбирался в этой стороне дела. Тогда он решил обратиться за помощью к моему приятелю Уильяму Маршаллу, ливерпульскому корреспонденту «Дейли Миррор». Он хотел предложить Вилли взять на себя рекламу БИТЛЗ.

Однажды в пресс-клубе раздался звонок. Это был Брайан. Не может ли Вилли зайти сегодня к нему в офис на Уайтчепел? Вилли не мог: он заканчивал обзорную статью об одном уголовном деле.

«С тех пор я жалею, что не пошел тогда к Брайану», — говорит Вилли. Сейчас он прозябает в лондонском предместье, забытый всеми, кроме своих, правда, многочисленных друзей. Еще один из тех, чей поезд ушел.

1 августа 1963 года я, Вилли и еще одни человек, имя которого я не хочу раскрывать, устроили крупнейшее шоу на открытом воздухе (бит-шоу). Мы сняли стадион «Стэнли» в Ливерпуле и пригласили Билли Джей Крэймера, Серчерз, Большую Тройку, Блюз Инк. Алексиса Корнера, Холлиз, Ли Кэртиса, Моджос, Рори Шторма с его Ураганами, Мерси Битс, Эрла Престона, Изи Битс, Санни Уэбба, Андэтейкерс (Гробовщики), Майка Сарна и Джона Лейтона. Боб Вулер был конферансье.

Наше шоу провалилось. Из-за плохой погоды пришло только 10 тысяч зрителей: слишком мало, чтобы покрыть наши расходы. Брайан Эпстайн не дал мне БИТЛЗ, потому что в тот день они должны были играть в Саутпорте. Да и не по карману мне они теперь были — если говорить откровенно.

Брайан приехал на стадион и стал все осматривать. У нас были бары, аттракционы, места для прогулок и усилители, которые разносили звук на многие мили вокруг.

«Ей-богу, Алан, это великолепно! Вот так и надо все делать. Просто здорово!» Он был в восторге. Глаза его аж сверкали. Он понял зрелищный и финансовый потенциал подобных шоу.

БИТЛЗ к тому времени были уже очень, очень популярны. Я часто с ними виделся, особенно с Ринго. Мы с ним частенько хаживали в «Клуб Валета». Валет, хозяин клуба, был негром — очень толстым и очень, очень опасным. Вокруг него всегда толпились жуткого вида типы — слуги, готовые по приказу хозяина на все, что угодно. Его уже нет в живых, и я могу рассказывать обо всем, не опасаясь за свою жизнь.

Валет был черным-пречерным: таким черным, что аж синим. Он восседал у огромного камина в баре, как король в своем маленьком замке, окруженный свитой из пьяниц, торговцев наркотиками, моряков, сводников и проституток. В конце каждой фразы он поворачивался к ним и говорил: «Я верно говорю, ребята?» И хор подхалимов всегда отвечал: «Верно, босс, верно!»

Это было очень опасное заведение, но мы с Ринго любили там бывать: нам нравилась его напряженная атмосфера и удивительные люди, которые там бывали.

У Валета играли некоторые мои группы, но недолго: место оказалось небезопасным и для музыкантов. Дело в том, что, когда в зале вспыхивала драка (а это бывало часто), Валет приказывал запереть все двери, после чего откидывался в своем кресле и в окружении своей шайки наблюдал за побоищем. Зрелище текущей крови (не своей, конечно) доставляло ему невыразимое удовольствие. Когда дым битвы рассеивался, двери снова открывались и пострадавшие выносились наружу, в ночной мрак. Веселые были времена.

Все это было ничто для шлюх и пьяных матросов: им даже нравились такие потасовки. Но, что касается музыкантов, они приходили туда, чтобы играть музыку, а не наслаждаться зрелищем бойни. К тому же, когда все двери запирались по приказу Валета, музыканты тоже оказывались запертыми, и тогда всякое могло случиться.

Я попросил Валета построить специальный запасной выход, чтобы мои ребята в случае чего могли через него смыться. Валет отказался, и тогда я увел оттуда свои группы. Однажды мы с Ринго крепко поддали у Валета, а потом решили продолжать в «Греческом клубе», что на Принсесс-авеню. «Спорим, что я первый туда приеду!» — сказал я, вызывая Ринго на спор. «О'кей, — сказал он. — Спорим на пятерку.» Ринго ездил на машине, которую нанял вместе с шофером. Мы выскочили на улицу. Ринго крикнул своему шоферу: «Гони! У нас пари.»

Я залез в свой «ягуар», и гонка началась. Мы мчались по темным улицам со скоростью, наверное, не меньше 90 миль в час. Я был такой бухой, что потерял дорогу. В своем районе! Вот до чего набухался.

Я подъехал к какому-то странному дому, который в своем обдолбанном состоянии я принял за «Греческий клуб». На мой стук никто не ответил. Я побрел назад через кусты и свалился. Трава была теплая и мягкая. Я свернулся калачиком, словно белка, и задремал.

Я спал, как убитый, до самого утра. Капли дождя падали мне на лицо. Ранние прохожие с удивлением взирали на странного субъекта, валяющегося в кустах. Ринго потом говорил мне, что изъездил всю округу, пытаясь отыскать меня. Они нашли мой автомобиль, но он был пуст: я был далеко в стороне и дрых в кустах.

Я помню еще одно происшествие, когда Валет был особенно не в духе. Истратив на выпивку все до последнего пенса, я, пошатываясь, побрел к камину, где, как обычно, восседал Валет в окружении своей свиты. Я попросил у него взаймы несколько фунтов. Он почему-то рассердился.

«Ни хуя не дам, вали отсюда!» В ответ я обозвал его нехорошим словом. «Что ты сказал?» — заорал он, и меня тут же окружили его прихлебатели. «Хана», — подумал я, и сердце у меня упало. И вдруг к нам подходят два мужика, крепенькие такие, как два домика. «Оставьте его», — сказали они. Угрожавшие мне гориллы отступили назад. Этих двоих, судя по всему, у Валета все знали и уважали. Затем один из моих спасителей (он заметно косил глазами и был бы забавен, если бы не был так страшен) сказал другому: «Принеси чемодан». Через пару минут тот принес черный кожаный чемоданчик и кинул его на стойку бара. Когда чемодан открыли, у меня глаза на лоб полезли: там лежали аккуратные стопки банкнот по 10, 5 и 1 фунту. Их были, наверное, тысячи. Тот, косоглазый, вынул 10-фунтовую купюру и протянул мне. «Отдашь, когда сможешь.» Совершенно незнакомый человек протягивал мне десятку!

Рори Шторм, один из зачинателей бит-революции, переживал тяжелые времена. Его группа распалась, и он долгое время ничего не делал. Правда, за это время он прошел курс лечения и избавился от заикания. Это позволило ему устроиться диск-жокеем на континенте. Но когда он там работал, умер его отец. Рори обожал отца и тяжело переживал его смерть. Он снова стал заикаться. Рори, такой всегда общительный, стал нелюдимым и замкнутым. Теперь он редко покидал свой дом («Штормград») в ливерпульском районе Бродгрин, где жил с матерью. В сентябре 1972 года Рори и его мать были найдены мертвыми в своих постелях. Смерть наступила от отравления барбитуратами и алкоголем.

Когда Рори был поп-певцом, он очень гордился своим

умением вихлять и дрыгать ногами. Он умел так вибрировать левым коленом, что, глядя на это, девочки испытывали оргазм. И вот теперь он умер. О нем никогда не писали так много, как после смерти. Ему бы это понравилось.

Почему он убил себя? Все объясняется очень просто: он не мог примериться с тем, что БИТЛЗ взлетели к всемирной славе, а он упал в пропасть безвестности. «В чем дело, Алан? Как это случилось?» — спрашивал он меня. Я не мог ему объяснить. Судьба, везение — называй это, как хочешь. Кто-то идет вверх, кто-то падает. Такова жизнь. Он не мог принять эту философию. Сестре Рори, Айрис, повезло больше: она вышла замуж за поп-певца Шейна Фентона — теперь он выступает под псевдонимом Элвин Стардаст и очень, очень популярен. Айрис говорит про своего брата: «Им все восторгались, называли „Мистер Шоумэн“. И все же он был слишком ленив, чтобы чего-то добиться. Было время, когда Джордж Харрисон просился в группу Рори, но его не взяли: мальчику было всего 12 лет.»

«Ливерпульское эхо» сообщило о смерти Рори под крупным заголовком через всю полосу:

«СМЕРТЬ ЛИВЕРПУЛЬСКОЙ ПОП-ЗВЕЗДЫ».

Рори понравился бы размер шрифта.

Ринго, старый друг Рори, не пошел на его похороны. Когда я спросил почему он не был на похоронах Рори, он ответил: «При его рождении я тоже не присутствовал». Молодец, Ринго. Очень остроумно. Рори было 33, когда он умер.

В «Джакаранду» зачастила тоненькая девчушка, рыжеволосая, с торчащими зубами. Она приходила повидаться с подругой по имени Терри, которая гуляла с Адрианом Барбером из группы Кэсс и Казановы. Ее звали Силла Уайт. Вскоре она стала очень, очень большой звездой под именем Силла Блэк. Силла иногда пела вместе с группами, которые играли в «Джеке» и в «Голубом Ангеле». Мне она нравилась. Когда она пела, у меня по спине пробегали мурашки. Это я познакомил ее с Брайаном. Сначала он не хотел идти на встречу. Девочки были не по его части. Но я расхвалил Силлу до небес, и Брайан пришел. Он был очарован ее голосом, подписал с ней контракт и отправил в турне вместе с БИТЛЗ. Спустя неделю она уже была звездой. Силла работала гардеробщицей в «Пещере». Отсюда пошла легенда, будто Брайан ее там открыл. Это не так. А как было я уже рассказывал. Если говорить о поп-звездах, то они окружали меня со всех сторон. А я, дурак, не вцепился ни в одну из них.

В конце 1961 года Тэд Тэйлор (из группы «Кинг Сайз Тэйлор и Доминоз») и Адриан Барбер установили магнитофон в «Стар-

клубе», когда там играли БИТЛЗ, чтобы записать их на пленку. Сначала они, конечно, спросили у Битлов, не возражают ли они. «О'кей, Тэд. Ставь пиво и валяй.» Тэд купил им пиво и врубил свой аппарат. За три-четыре сеанса записи в рождественские и новогодние дни Тэд записал музыки БИТЛЗ примерно на три часа. Он привез пленки в Ливерпуль и передал какому-то звукоинженеру, чтобы тот их смонтировал и пустил на рынок. Из этого, однако, ничего не вышло. Дом, где находилась студия, пришел в плачевное состояние, инженер переехал в другое место, а дом был заброшен. Он так и стоял, полуразрушенный, несколько лет. В 1972 году я случайно встретил этого инженера. Он сказал, что те пленки, возможно, все еще там, в полуразрушенном здании. Они действительно там оказались. Тэд Тэйлор обнаружил их на полу, среди кучи хлама.

Сейчас я пытаюсь подготовить эти пленки к выпуску, и уже говорил об этом с Джорджем и Ринго. Материала хватит, наверное, на два альбома. Это значит, что они стоят миллионов десять. Я живу надеждами.

На этих записях можно услышать, как Леннон зовет свою подругу Беттину, официантку «Стар-клуба». Там же Леннон в своей неподражаемой манере объявляет немцам очередной номер: «Этот номер в стиле ча-ча-ча, он посвящается Адольфу Гитлеру — „Till There Was You“.»

Они поют «Hippy Hippy Shake», «Roll Over Beethoven», «Twist And Shout», «A Taste Of Honey» — все хорошие вещи. Один номер называется «Shimmy Shimmy», но на пленке он слышится, как «Shitty Shitty», а «You Feet's To Big» слышится, как «Your Feet's Too Fuckin' Big». Очень смешно.

Хотите услышать старых БИТЛЗ?

Глава двадцать пятая «Рубины? Рассказывай!» — «Тогда давай обратно!»

Не так давно я виделся с Ринго и Джорджем в «Эппл». Я притащил с собой дюжину бутылок особо крепкого пива. Джорджа и Ринго окружали очень дорогие и всесильные международные адвокаты.

«Пикантная сцена», — думал я, наблюдая за тем, как два ливерпульских парня уверенно держатся в этой ситуации. Я вспомнил далекие старые времена, когда они ежились от страха в присутствии какого-нибудь провинциального адвокатишки. И вот теперь они — мировые знаменитости, богачи, ворочающие миллионами.

Когда адвокаты уши, я поставил пиво в холодильник Джорджа, и мы сели поболтать. Я рассказал им про гамбургские пленки. Джордж пил вино, Ринго — виски, а я то и дело наклонялся к холодильнику и доставал свежее пиво.

Ринго проявил интерес к гамбургским пленкам. «Тогда гони монету», — сказал я. «Вот еще! Я знаю Тэда хорошо, он мне их и так отдаст», — сказал Ринго. «Чета с два! Они у меня. Дай мне несколько тысяч и можешь выпускать их на диске. Мы все на этом заработаем.» «Я не дам тебе денег», — отрезал Ринго. «Ты совсем не изменился, Ринго: как был, так и остался скрягой.» По-моему, Ринго это не понравилось. Джордж сказал: «Алан, мы разорены. Ты видел этих адвокатов? За одну короткую встречу они получат от нас 30 тысяч фунтов каждый.» «Что такое 30 тысяч для вас? Ничто! За эти годы вы заработали миллионы. Так что не надо этих песен, Джордж. Не забывайте, что я сделал для вас. Я помню, как вы прибегали в „Джек“ и выпрашивали у меня бутерброды с ветчиной.»

Но Джордж стоял на своем: «Хочешь верь, хочешь не верь, но мы почти банкроты. Группы, вроде Боуи и Гэри Глиттера загребают сейчас больше, чем мы получали за все годы. Брайан был плохим бизнесменом, и эти люди учатся на наших ошибках. Все, что мы зарабатываем, стекается сюда, а отсюда прямо в карманы сборщиков налогов. Помнишь бангладешский концерт? Так вот, мне только что пришлось подписать чек на миллион фунтов для британского правительства. Я позвонил Тони Барберу, Канцлеру казначейства. „Послушайте, что происходит? — говорю я ему. — Мы даем благотворительный концерт, а вы отнимаете

всю выручку. Вы забираете больше, чем беженцы.“ Но Барбер считает, что все правильно. Британское правительство ограбило несчастных беженцев!»

В моей памяти всплыли картины прошлого: Битлы в «Джакаранде» на Слейтер-стрит обсуждают, хватит ли у них денег на бутерброды с джемом. Эх, а ведь сейчас я бы мог быть с ними и подписывать миллионные чеки британскому правительству. Эх, эх! Я потянулся за очередной бутылкой.

«Джизэс Крайст! — воскликнул я. — Миллион фунтов, черт тя дери! Повезло же вам. А я прошу какие-то жалкие пять тысяч за пленку, которая принесет вам всем миллионы.» «Слушай, Алан, — сказал Джордж. — Я охотно дал бы тебе пять тысяч прямо сейчас, но наши деньги заморожены. Никто не верит, но это чистая правда.»

Я был разочарован. Приехал в Лондон специально чтобы утрясти вопрос о гамбургских пленках, даже жене сказал: «Жди меня, Берил, с жирным чеком на 5 или даже 10 тысяч!» — и что же? Все без толку! «Да, хреновая история получается, — заскулил я. — Завтра у жены день рождения, и я надеялся вернуться с деньгами. Думал, отпразднуем по-божески. Посторонние люди выкачивают из вас деньги, а я — тот, кто дал вам этот старт — не получил ни пенса! Да если бы я тогда не отвез вас в Гамбург…» «Хватит! — оборвал меня Джордж. — Когда, наконец, все это кончится? Нельзя же без конца раздавать деньги направо и налево только за то, что кто-то там тебя знал и что-то для тебя сделал сто лет назад. Ты много сделал для нас, не спорю. Будь у меня 5 или 10 тысяч, я тут же бы отдал их тебе.» «О'кей, Джордж. Садись и пиши мне чек. Докажи, что не забыл старые времена. Поделись со мной своими миллионами.» Я допивал уже последнюю бутылку пива. «Нет, Алан, — сказал Джордж, — не могу. У меня нет с собой чековой книжки.» «Хитрая же ты бестия!» Джордж откинул свои длинные черные волосы, закрывавшие его иисусоподобное лицо, и сказал: «Протяни руку, Алан.» Я протянул руку. Что-то будет дальше? Джордж сунул руку в карман и вынул что-то такое, что производило хрустящий звук, как кукурузные хлопья, когда их трут друг о друга. Я подумал, что это шутка и хотел отдернуть руку. «Не бойся, Алан, — сказал Джордж. — Это не розыгрыш. Я хочу подарить тебе кое-что в память о тех днях, когда мы были вместе.» Он высыпал в мою ладонь горсть маленьких ярких камней. «Что это за штуки, Джордж? Они похожи на горелые орешки», — сказал я, хотя видел, что они сверкают на свету. «Это рубины, черт тебя дери! — сказал Джордж. — Неграненые рубины. Посчитай, их должно быть 16. Ну, считай же!» «Рубины? Рассказывай! — недоверчиво

проговорил я. — Смеешься надо мной?» «Ну, тогда давай обратно, черт с тобой», — сказал Джордж и хотел отобрать у меня рубины. Но я вмиг сжал пальцы в кулак.

Рубины оказались настоящими. Я подарил их жене ко дню рождения. Выходит, что я все-таки не зря съездил в Лондон. Все-таки Джордж молодчина.

Джордж передал мне также записку для Берил (он ее хорошо знает). В ней говорится: «Дорогая Берил! Поздравляем тебя с днем рождения. Дай Алану пинка под зад. Благослови тебя Господь. Джордж Х. и Ринго С.»

Провожая меня, Джордж сказал служащему «Эппл»: «Надо было записать на пленку этот разговор с Аланом Уильямсом. Давно уже никто не осмеливался так нагло говорить с нами. Я думаю, нам это было очень полезно. Два года назад мы бы просто выгнали его в шею.»

Да, я всегда называл вещи своими именами. А сейчас мне случается это делать даже чаще, чем раньше. И теперь за это жуткие неприятности.

Заключение
Все холоднее на душе

Ну, вот и все… «Голубой Ангел» больше не принадлежит мне. Как, впрочем, и «Джакаранда». Мои деловые предприятия потерпели крах. Я вступил в полосу невезения.

На днях я ездил в Гамбург, ходил по Репербану и предавался воспоминаниям. Это было сентиментальное путешествие. Я взял с собой фигуру золотого ангела — старинная резная работа. Я зарабатываю тем, что хожу по заброшенным церквям, ищу интересные детали интерьера и продаю их. Для этого я и взял ангела с собой.

Я где-то потерял пальто. День был морозный, и я бродил по Гамбургу, дрожа от холода, прижимая к груди золотого ангела. Когда я шел по Репербану, меня кто-то окликнул.

«Алан Уильямс, если не ошибаюсь?» Передо мной стоял человек, с которым я был знаком в те далекие дни. «Он самый, — ответил я. — Вернее, то, что от него осталось.» «Что произошло между тобой и БИТЛЗ?»

Холодный ветер, казалось, проникал в мое сердце. Я еще крепче прижал своего ангела к продрогшему телу. Мне хотелось рыдать. Но я не из тех, кто плачет.

Может быть, завтра я буду плакать. Но не сегодня.

notes

Примечания

1

Одноквартирный дом, составляющий часть сплошного ряда домов, имеющих общие боковые стены.

2

Лондонская фешенебельная гостиница на Пиккадилли.

3

«Savoy» — одна из самых дорогих лондонских гостиниц, на улице Стрэнд.

4

Застежки «молния».

5

Fuckin' fortune.

«Два глаза»; «Два Я».

7

Рох — сифилис.